

Гаргульи - 2

Возлюбленный
из
Камня

Христина Горрен

<http://www.wonderlandbook.ru>

Благодаря этому сверхъестественному роману от популярного автора по версии New York Time Кристины Уоррен вы погрузитесь в мир гаргулий.

Выдающийся реставратор, Фелисити, берется помочь подруге отыскать в Монреале таинственную статую. Но когда Фил находит ее, то поражается своему притяжению к ней. Влечению, которое не должна чувствовать девушка к каменной гаргулье, и Фил решает провести ночь в его объятиях. Но понятия не имеет, что ее желание к каменному, бесчувственному существу увеличится в разы.

Века Спар провел во сне, запертый в камне, дожидаясь часа, когда понадобится человечеству. При пробуждении он поразился, что его помощь нужна человеческой женщине. Очень сексуальной женщине, которая едва не стала жертвой атаки сектанта. Для него не должно стать проблемой ее спасение и его последующий уход. Но у Спара возникает все больше вопросов, и он понимает, что не сможет успокоиться, пока Фил не окажется в безопасности его объятий.

Кристина Уоррен

Возлюбленный из камня

(Гаргульи — 2)

Переводчики: inventia, Enamorado, Hanya, alyashka, Yogik

Редактор: Shottik

Русифицированная обложка: inventia

Глава 1

Оранжевый не ее цвет. И Фелисити Шалтис хорошо об этом знала, но все же сейчас вставляла ключ в тяжелый старинный замок и совершала свое первое преступление. От понимания у нее тряслись руки, но и это ее не остановило.

Она не могла все бросить, лишь надеялась, что попадет в продвинутую тюрьму Канады, где заключенным разрешено носить робу синего цвета. Или черного. Черный шел ей лучше всего.

И если Фил повезет, Элла станет ее навещать.

Элла Харроу — подруга из колледжа, с которой до недавнего времени была утрачена связь, родственная душа и... по мнению Фил... вероятная похитительница произведений искусства. Именно Элла, всего одним звонком, направила Фил по преступной дорожке... Всего один звонок с самой тривиальной просьбой.

Тогда Фил не видела вреда в том, чтобы помочь старой подруге отыскать статую гаргульи, похожую на ту, что украли из музея, где работала Элла, о чем говорили в новостях. Сейчас же Фил не была так уверена.

Конечно, если бы Фил просто сообщила подруге о местонахождении статуи, то могла бы сойти за простого соучастника. Но нет же.

Теперь она с трудом могла назвать себя пособницей, так как совершала несанкционированное проникновение с преступным намерением, которое можно обозвать лишь ужасной глупостью, а все потому, что не могла выкинуть из головы дурацкую статую.

Окружавшая ее территория Аббатства Святого Апостола Фомы была окутана тишиной и укрыта одеялом из звезд.

Аббатство располагалось на холме, возвышаясь над шумным Монреалем, и фонари здесь светили не так ярко, позволяя увидеть мерцание звезд, тем более что сегодня не было луны. Но у Фил все равно возникало ощущение, что фонари всех улиц города светят прямо над ней.

Торопясь и чертыхаясь, она возилась с древним, ржавым замком, а когда тот поддался, тяжело выдохнула. Приоткрыв дверь лишь немного, Фил скользнула внутрь и сразу же захлопнула ее, закрыв себя в старой части аббатства.

И не успев отдышаться, невольно остановила взгляд на известковом гиганте посреди промозглой комнаты. Ее сердце забило чаще.

На задворках разума рациональная часть Фил кричала, пиналась и обзывала ее всяческими ругательствами, но она не обращала на нее внимания. Если уж быть честной, то едва слышала ее.

Внезапно в ушах странно зажужжало, а зрение сузилось, перед глазами появился своего рода туннель. Окружающая действительность исчезла, оставив лишь статую и адреналин, толкающий Фил вперед.

Увидев скульптуру впервые, она ощутила то же самое, но тогда Фил проигнорировала странности. Просто мимолетно посмотрела на статую, чтобы сказать Элле о том, что такая существовала и где находилась.

Но даже тогда она почувствовала странное влечение подойти ближе и внимательнее рассмотреть, может даже прикоснуться, что было невозможно посреди дня, когда аббатство гудело от деятельности сотрудников и туристов.

Даже в скрытых частях аббатства, где располагались комнаты хранения, и куда вход был

только по пропускам, который ей, с такими-то наградами, оказалось легко заполучить. В прошлый раз Фил заставила себя уйти, задвинуть восхищение на задний план и вернуться к делам.

Это было два с половиной дня назад. К сегодняшнему полудню, она почувствовала себя наркоманом во время ломки, долгой и мучительной ломки.

Фил постоянно испытывала зуд, по коже бегали мурашки, внимание рассеивалось, а внутри вибрировала своего рода энергия, убедившая... черт, практически заставившая... вернуться в аббатство, чтобы вновь посмотреть на статую, которую ее подруга обозвала чертовой безвкусицей.

Мимо Фелисити, медленно пересекавшей комнату, проплывали тени. В безмолвии ночи даже простые сапоги с прорезиненной подошвой издавали тихий шорох при каждом шаге по мраморному полу. А мягкие выдохи эхом отдавались в ее ушах, но она продолжала идти вперед. Просто не могла остановиться.

Какая-то часть Фил признавала, что стоило побольше расспросить Эллу еще при первом звонке. Возможно, подруга знала такое о статуе, что могло бы объяснить непонятную силу, которая словно завладела ею.

Но опять же, как бы она сформулировала бы вопрос? *«Э-э-э, та гаргулья, что ты искала... — Фил попыталась представить, как это говорит... — может каким-то образом обладать магическими силами или способностью поглощать человеческие души?»*

Ну да, это бы прозвучало не вполне вменяемо.

Конечно, вполне вероятно, безумие сыграет на руку, когда Фил предстанет перед судом. Может, если она прикинется сумасшедшей, суд назначит принудительное лечение в психушке на пару лет, а не заставит гнить в тюрьме.

Надо же искать светлые стороны, да?

И лишь безумием можно было логически объяснить, почему Фил прокралась в наполовину действующий исторический монастырь под покровом ночи, просто чтобы еще раз самолично взглянуть на произведение искусства, которое выполнено не совсем умело.

Она никогда не любила средние века. Как профессиональный реставратор произведений искусства, Фил изучала или восстанавливала творения различных эпох, хотя стоит признать, что чаще работала над живописью, чем над скульптурой.

Но даже живопись средневековья не возбуждала в ней интерес. Фигуры были слишком стилизованы, далекими от реализма и с неправильными пропорциями. Это исправила эпоха Ренессанса.

И хотя она была практически экспертом по скульптуре того периода, хотя в архитектурной в меньшей степени, ей никогда не нравилось средневековое искусство.

Религиозного значения статуи, гаргульи и гротескный орнамент, как считала Фил, замечательно смотрелись на соборах готического стиля. Но она чаще изучала фрески внутри здания, чем снаружи.

Так почему же эта скульптура так манит ее?

Фил подошла к основанию статуи, огромному куску черного гранита, который служил постаментом, и ей стало жаль, что нельзя включить лампы. Лучше не акцентировать внимание на своем присутствии, но света, проникающего через витражное окно, едва хватало, чтобы ориентироваться в темноте. У нее возникало ощущение, что она вот-вот ударится обо что-нибудь мизинцем ноги.

Глаза привыкли к темноте, поэтому Фил начала обходить статую по кругу, пытаюсь

найти угол, куда на предмет ее восхищения попадало больше света.

И случайно его обнаружила, когда запнулась о свою же ногу и, чтобы удержать равновесие, схватилась за гранитное основание. Инстинктивно подняв взгляд, она уставилась прямо в гладкие, безжизненные глаза.

Темнота скрывала мелкие детали, но можно было разобрать острые углы квадратной челюсти и высокие, ярко выраженные скулы.

Скульптор изобразил гаргулью с классическими чертами архангела, а не монстроподобного демона. Узкие бедра обернул в, своего рода, клетчатый килт, который Фил видела в фильмах о гладиаторах. Тело, высокое и стройное, запечатлено в позе, готовящееся к броску копья, которое гаргулья держал в руке. Статуя напоминала Михаила, предводителя армии Бога, во время битвы, которого Фил видела на тысячах итальянских шедевров.

Особенно, если не обращать внимания на когти. И клыки. А еще на согнутые перед прыжком ноги, на пальцах которых когти, как у гигантского хищника. Просто вычеркнуть все эти противные детали.

Даже огромные, полу сложенные крылья статуи больше походили на крылья ангела, а не демона. Судя по всем сгибам и выступам, можно говорить о наличии перьев. Верхние суставы возвышались над головой статуи, а кончики упирались в постамент.

Она вообразила, что будь статуя реальной, взмах крыльев напоминал бы торнадо, а не легкий ветерок.

Какую бы церковь или крепость гаргулья не охранял, Фил уверилась в полной безопасности здания от сил зла. Если, конечно, зло не было очень-очень глупым.

Зуд в пальцах все нарастал, пока не превратился в жжение. Она потерла ладони друг о друга, пытаясь ослабить ощущение, но не помогало, ничего не помогало. Пока не положила ладонь на холодный, гладкий камень.

И дернулась от соприкосновения, а с ее губ сорвался невольный вздох. У нее возникло чувство, будто она лизнула девятивольтовую батарейку, и из-за слабого разряда тока у нее ускорился пульс. Разве не много странного во всей этой ситуации?

Мало того, что Фил необъяснимым образом тянуло к куску камня, так еще этот кусок камня заставил ее чувствовать себя подключенной к электрической розетке, разработанной специально для нее. В конце концов, всему этому должно быть объяснение, которое, вероятно, Фил не понравится. «Ты должна узнать».

Слабый голос в ее голове напоминал родного младшего брата, которого нельзя было проигнорировать, да и она хотела узнать. Фил годы напролет пыталась притворяться, что ее инстинкты не вопили на нее днями напролет.

«Всему этому есть лишь одно логическое объяснение. И ты его знаешь. Статуя — особенная, теперь присмотришься внимательнее и увидишь».

Тугого узла в груди должно было хватить в качестве доказательства происходящего, но Фил все равно решила «посмотреть». Глубоко вздохнув, она закрыла, чтобы переключиться на видение. Когда распахнула веки, истина предстала перед ней.

Скульптура светилась.

Не отбрасывала тень, а больше ничто в комнате не могло указать на этот свет, так как Фил единственная способная его засечь. По крайней мере, она так предполагала. За прожитые двадцать семь лет Фил никогда не встречала человека с такими же талантами как у нее.

Она могла «видеть» энергию. Слышала, что некоторые люди называют это аурами, но ей не нравился такой термин. Та энергия, что видела Фил, не была своеобразным разноцветным неосязаемым нимбом вокруг всего живого.

И видела она энергию, если захотела, но, еще не научившись читать, поняла, нужно блокировать это в повседневной жизни, чтобы остаться в здравом уме.

Нет, когда Фил опускала барьеры, то видела особенную энергию, которая присуща не каждому; ее испускали и вещи, такие как эта статуя.

Фил никогда не задумывалась над определенным термином, но за неимением лучшего, сошлась на энергии, которая словно исходила от необычных людей и предметов. От таких людей, как ее подруга Элла, которая изо всех сил старалась скрыть это.

От таких людей, как Фил, если она посмотрится в зеркало, или тетя ее бабушки, которая точно знала, кто за дверью еще до звонка. Энергия исходила от людей с необычными способностями и очень редко от предметов с особенной историей.

Но за всю жизнь, Фил видела такой свет лишь от пары вещей. Первый — священное распятие, которое ее прабабушка привезла из Литвы во время эмиграции в Канаду.

От серебряного ожерелья исходило слабое свечение даже в крошечной тьме, заставляя Фелисити переосмыслить свой недолгий атеизм.

Второй — один из экспонатов в Британском музее. Когда она медленно шла, рассматривая предметы, принадлежащие к древнему саксонскому кладу, от выставочного образца исходил свет.

На медальоне были вырезаны красивые изображения лошадей и гончих, и именно эти рисунки испускали такой яркий свет, что Фил едва не надела солнцезащитные очки, но вовремя опомнилась и отключила внутреннее видение.

Но ни один из этих предметов не сиял, как эта статуя.

И у нее перехватило дыхание, но не от яркости сине-белого света, а глубины. Каким-то образом это свечение казалось мощным. На ум не приходило более точного слова для описания, но, несмотря на сравнительную тусклость, свет, казалось, вибрировал или пульсировал исходящей силой.

Пошевелив рукой, Фил поняла, что больше не испытывала зуда, а жужжание в ушах пропало, словно его и не было.

Внезапно она начала слышать всё: свои мягкие выдохи, царапанье ветки о дальнее стекло, шорох ткани у входной двери.

На Фил, словно молот на наковальню, обрушилось понимание. Она больше не одна.

Развернувшись в пол-оборота, Фил приготовилась сорваться с места, поддавшись чисто животному инстинкту. Она без труда нашла взглядом источник своей паники, в основном, потому что он тоже светился в тени.

Но в отличие от льдисто-синей энергии, от незнакомца исходило противное, грязно-красное свечение, которое пульсировало и сочилось в темноте, словно кровь из раны.

От обрушившегося на ее органы чувств цвета Фил скривила губы, а к горлу подступила тошнота, словно от плохого запаха. Кто бы там ни был, он пришел не с благими намерениями. Вполне возможно, у него таковых никогда и не было.

— Так-так. — От низкого, шипящего голоса, разрезавшего тишину, у Фил зашевелились волоски на затылке. — Я не планировал наткнуться на еще одного вора. Но это не важно. К моменту, когда кто-нибудь найдет тело под обломками, я буду уже далеко.

Она не знала, разговаривала ли темная фигура с ней или сама с собой, да и какая

разница. Фил скрылась еще до того, как в голове до конца сформировался этот вопрос.

Инстинкт заставлял двигаться быстро, и она нырнула за угол опоры гаргульи на скорости, которую не могла бы развить даже на машине, не получив при этом штраф.

Рядом с тем местом, где стоял незнакомец, что-то вспыхнуло, а в следующее мгновение мраморный подоконник рядом с ней разбился, осыпав ее осколками.

Черт возьми! Парень носил с собой гранатомет?

Прижавшись спиной к холодному камню пьедестала, Фил начала раздумывать, что тюрьма не так уж плоха по сравнению с альтернативой. По крайней мере, в тюрьме она останется живой и не будет на линии огня этого маньяка.

— Хм-м-м, очередной сюрприз. — Его голос звучал сродни пенопласту, который терли о стекло. — Не думаю, что мне нравятся сюрпризы. Как ты увидела приближение этого, малышка? Хочешь мне что-нибудь рассказать о себе? А?

После слов прозвучал высокий, резкий смех, от которого у нее в животе все скрутило. Ну, правда, парень говорил и смеялся, как псих с белым билетом. Может ей стоит предложить мирно разойтись и направиться домой, и пофиг на это странное притяжение к статуе.

К несчастью, мистер Долбанутый заблокировал собой единственный выход. Он продвигался глубже в комнату, но оставался между Фил и дверью.

— Иерофант^[1] приказал мне лишь разрушить Стража, — продолжал размышлять вслух незнакомец. Кажется, ему нравилось болтать с самим собой... а может с воображаемым другом... но она ни за что не позволит себе ответить этому психу. — Но он ничего не упомянул о подношении подарка. Нет, нет, нет. Но ведь ДА! Преподнеси ему подарок и получишь приз! Если он останется доволен, может попросить господина наградить меня.

Ладно, одно дело читать о душевнобольных людях и смотреть о них в документальных передачах, но совсем другое столкнуться с таким в реальности. Фил совсем к такому не готова.

Мужчина пугал ее... своим голосом, поведением, аурой, неуместно-неправильным смехом, заставляя нервничать. И тут Фил пронзила вспышка понимания... причем до кончиков пальцев ног... когда леденящий ужас термин всплыл в голове.

У нее возникло ощущение, что спинно-мозговую жидкость в ней заменили на ледяную воду.

— Малышка, — позвал мужчина монотонным и жутким голосом. — Выходи, малютка. У меня есть для тебя конфетка.

Он зашелся в приступе смеха, от которого кишки Фил стянуло в тугий узел.

— Сладости — детские радости, деточка. Или может... — он замолчал, и до Фил донеслось шуршание одежды от движения. Когда незнакомец вновь заговорил, он, казалось, находился ближе. — Может, у нас тут мышонок, ищущий в темноте крошки.

Задержав дыхание, Фил выглянула из-за угла и мельком заметила грязно-ржавое свечение, исходившее от незнакомца, который определенно подошел ближе, но держался так, чтобы стены оставались за его спиной.

Фил осознала, что шорох ткани исходил от длинной, в стиле монахов, мантии, надетой на незнакомца. Одевание скрывало его тело, и к ее ужасу, в складках можно спрятать любое оружие.

Черт побери, мужик, в самом деле, мог скрыть под тканью гранатомёт, и она никогда бы этого не заметила.

Псих сделал еще шаг, и Фил вернулась в укрытие за пьедесталом. С каждым разом парень оказывался все ближе. Он хоть и психопат, но достаточно умен, чтобы подойти к ее укрытию сбоку.

Она все так же не могла добраться до двери, не оказавшись слишком близко к нему.

Блин, ну почему ее постоянно тянет вляпаться в неприятности?

Мужчина снова рассмеялся.

— Церковный мышонок. Точно. Мышам не нравятся конфетки. Они любят сыр. Выходи, мышонок, и Генри даст тебе хороший ломоть сыра. Хи-хи-хи!

Она содрогнулась. Ситуация становилась хуже некуда.

Фил слегка присела, наклоняясь вперед, готовая при первой же возможности бежать со всех ног. Вверх, вниз, вбок, сквозь пространственный портал... в данный момент направление интересовало ее меньше всего.

Единственное, что важно — убраться отсюда. Наклонившись вперед, она оценила ситуацию.

Увидела мужчину, освещенного пугающей аурой, стоящим в углублении в стене в двадцати-пяти футах впереди от нее и чуть правее.

На данный момент, гargoyle был для нее отличным укрытием, но Фил понимала, статуи ненадолго хватит, особенно если психопат еще раз выстрелит.

Часть Фил хотела притвориться, что мужчина, на самом деле, принес с собой пистолет или обрез... может и ручной гранатомет, судя по выемке на подоконнике... но и так было все понятно. Несколько беглых взглядов на отвратительный свет, окружающий мужчину, и стало ясно, что незнакомец палил по ней магией.

И разве это не плевок в лицо?

Благодаря способности видеть ауры, Фил встречала разных людей, но никогда таких, как этот. Ни разу ей не довелось столкнуться с использованием энергии в качестве оружия. Она даже не предполагала, что такое возможно.

Способности Эллы были похожи на те, что у незнакомца, но подруга никогда не обсуждала это с Фил. И энергия, казалось, шла изнутри Эллы, будто вплетенная в самое ее существо.

Аура же этого человека пустила внутри него корни, будто дикое растение, и оно вышло из-под контроля, как только оказалось на поверхности. Затем обвило его, питаясь не слабыми бликами ржавого света, а тьмой.

Неправильная сущность ауры проникала до самых костей Фил, заставляя содрогаться. Ей необходимо убраться отсюда. Если мужик продолжит обходить ее, то может появиться секундная возможность. Собрав весь свой страх, Фил напрягла каждый мускул, готовясь к броску.

— Непослушный, строптивый, упрямый мышонок. Если я не могу выманить тебя, придется ранить. Ха-ха!

Инстинкт, подпитанный скачком адреналина, заставил ее прыгнуть. Но не глубже в прикрытие, а вперед, уходя с линии выстрела злостной энергии незнакомца.

Она могла поклясться, что энергетическая вспышка почти подпалила подошвы ее сапог, прежде чем взорвала угол постамента статуи.

И в этот момент мир содрогнулся, потому что статуя перестала быть таковой. На ее месте оказался воин со светло-серой кожей, ростом семь футов, который держал в руке копьё, а в его глазах пылал огонь.

Существо расправило крылья и заревело так, что Фил упала на задницу, а психопат завизжал, как девчонка.

«Гм, — смутно подумала Фелисити, когда мир стал расплываться, — разрешат ли мне принести холст и краски в психушку?»

«Опасность!»

Его чувства закричали за мгновение до того, как сон покинул его. И в тот же миг он стал яростно бороться против связывающих магических цепей, которые заставили его дремать.

Беспомощность мучила и смущала его. Обычно он пробуждался не так. Он вспоминал другие случаи, вспоминал серый туман сна, за которым приходило мгновенное понимание, то, как он начинал двигаться, практически до того, как его зрение прояснялось.

Так пробуждался Страж, со всплеском силы и мощи. Это же медленное и мучительное осознание происходящего скорее убьет его; а с его смертью Тьма станет еще сильнее.

Первым вернулся его слух. И, казалось, прошла вечность, прежде чем дымка, которая затуманила его зрение, начала рассеиваться. Он смог услышать мужской голос, полный ликования и зла, хотя пока смысл слов ускользал от него.

Ему не нужно было прилагать усилий, чтобы распознать в незнакомце Тьму. Она изливалась из мужчины, словно удушающая серная вонь, зловонная и приторная, знак верного слуги. Но он не учуял ничего более темного, ничего похожего на обугленную гниль настоящих демонов.

Если ни один из Семи не представлял угрозы для человечества, почему он проснулся?

С ночными, которые служили Тьме, Гильдия могла разобраться самостоятельно: для этого им не нужно вмешательства Стража. Что-то здесь не так.

Сознание ожило. Он начал видеть сквозь туман, застилавший его глаза, и его слух полностью вернулся.

Теперь получалось различить слабые вдохи и заметить трепетание одежды где-то очень близко, на земле под его ногами. Втянув воздух, он почувствовал что-то свежее и сладкое, что полностью отличалось от вони зла, которая пропитала голос мужчины.

Спар нахмурился... его звали Спар, сейчас он вспомнил это, четвертый среди своих братьев... и вдохнул снова.

Он осознал, что это была женщина, человеческая женщина. И когда обжигающий холод страха достиг его, понял, что она в опасности.

— Непослушный, строптивый, упрямый мышонок, — заговорил злодей, безумно повизгивая, что вызвало гнев Спара. — Если я не могу выманить тебя, придется ранить. Ха-ха!

Он уловил движение сразу в двух направлениях, и его зрение прояснилось как раз вовремя, чтобы увидеть выстрел разрушающего магического взрыва, который вырвался из рук ночного.

Магия задела край его пьедестала и с вибрирующим гулом врезалась в стену позади него. В то же время, размытое пятно в темной одежде с волосами оттенка лунного света бросилось прочь от места столкновения и тяжело рухнуло у соседней стены.

Не раздумывая, Спар проревел свой боевой клич и взмыл с пьедестала в воздух. Его крылья распахнулись, мышцы впервые за века растянулись, и он смог почувствовать, как кончики задевают стены из-за ограниченного пространства.

С копьём в руке он завис под потолком и увидел, как волна ужаса и ненависти исказила черты ночного.

Отлично. Мужчина должен дрожать и съеживаться при виде ярости на лице Стража.

Один человек, независимо от того сколько силы он получил от Тьмы, не мог сравниться ни с каким воином-защитником в разгаре боевого безумия.

Ночного нужно уничтожить, но Спар все еще ожидал, что тот бросится в атаку.

Он почти надеялся, что придется уклоняться от нескольких бесполезных заклинаний, но вместо того, чтобы обороняться, развращенный человек завизжал что-то на отвратительном языке Темной магии и направил руку на ошеломленную женщину.

Спар взревел от ярости, но его почти заглушил удивленный крик человеческой женщины. Он увидел, как она подняла руку для защиты, но заклинанию ночных нельзя помешать.

Оно взорвалось в ее ладони со вспышкой мутно-красной энергии, которая словно заставила бледную кожу человечки светиться изнутри.

Спар смог увидеть мышцы и вены и на одно леденящее душу мгновение представить тончайшие и мельчайшие кости. Затем свет погас, и со стороны женщины стал распространяться звук шипения, словно ее подожгли.

На него нахлынула ярость, неожиданная, но неоспоримая. Только червяк может навредить женщине, когда готовый бросить вызов воин стоял перед ним. Конечно, Спару не стоило ожидать лучшего от приспешника врага.

Он отвел копьё, собираясь пронзить паразита там, где он стоял. Но крик остановил его.

— Это что, чертова бомба?

Женщина прижимала травмированную левую руку к груди, но ее шокированный взгляд остановился на ночном и странном свертке, который мужчина вытащил из-под одеяния.

Этот предмет ни о чем не сказал Спару, который видел беспорядочную горсть цветных проводов, металла и пластика. Но по выражению лица можно было судить, что она воспринимает это как угрозу, еще до того, как он отметил слово бомба.

Спар понял это слово. Даже если Стражи никогда не использовали этого оружия для трусов, он жил достаточно, чтобы стать свидетелем, какое разрушение оно может произвести.

— Иерофант хочет, чтобы Стража разбили! — крик раба звенел от безумия, и Спар мог видеть нездоровый огонь в его глазах. — Следовало разбить слабый, холодный камень. Но мышка заставила меня забыть!

Его руки стали возиться с бесформенным пучком проводов, пока не раздался угрожающий щелчок, и бледно-зеленый экран с часами не начал светиться.

— Вот дерьмо! — женщина вскочила на ноги, ее взгляд метался между бомбой приспешника и Стражем, который парил над полом. — Я не подписывалась умирать сегодня вечером, черт возьми, и отказываюсь становиться сенсационным материалом в утренних новостях. Я убираюсь отсюда!

У Спара были столетия на изучение поведения людей. В конце концов, его создали, чтобы защищать их от Тьмы. Но за все свое долгое существование он никогда раньше не видел, чтобы представитель человеческой расы проявлял столь глупую храбрость.

Не колеблясь, маленькая, светловолосая женщина наклонила голову, подняла плечи и бросилась прямо на сектанта и его разрушительное устройство.

«Возможно, она решила убиться. Должна была убиться», — рассуждал он, когда последовал за ней. Она достигла сумасшедшего за мгновение до того, как руки Спара сомкнулись вокруг нее, и сила ее толчка сбила ночного с ног.

Мужчина споткнулся и врезался в ближайший подоконник, а устройство в его руках упало и свободно покатилося по мраморному полу. Оно остановилось у подножья пьедестала Спара, издавая резкие звуковые сигналы и быстро мигая зеленым светом.

Женщина в его руках выкрикивала ругательства и пыталась высвободиться из его хватки, но Спар не собирался этого делать. Он крепко держал, даже когда ее маленькие ручки отчаянно били его в грудь.

— Отпусти меня, ты, большой идиот! Она вот-вот взорвется!

Пронзительный визг сектанта подтвердил истинность этого прогноза. Каким-то образом таймер бомбы стал тикать быстрее, когда ночной уронил ее. Детонация была неизбежна.

— Держись, — прорычал он. Ни на что другое не оставалось времени.

Он никоим образом не хотел знать, насколько мощное оружие создал сектант, но предполагал, что оно достаточно сильное, чтобы превратить в щебень его каменный облик. Это трусливо и подло уничтожать врага в таком уязвимом состоянии, но, возможно, это на самом деле сработало бы.

Заклученный в своем сне, Страж приобретал все слабости своей формы, которую принимал. К счастью, что-то разбудило Спара прежде, чем план по его убийству привели в исполнение. Полностью проснувшегося Стража чертовски сложно убить.

Прежде чем он закончил предупреждать маленького человека, то жестко и крепко прижал ее к своей груди и потянул за собой к полу. Обняв женщину, он заслонил её своим телом и обернул вокруг них плотно сложенные крылья.

Его перья еще даже не улеглись, когда взрыв сотряс основание здания.

Спар прикрыл глаза от попадания возможного мусора, но услышал оглушительный рокот и почувствовал, как первая сокрушительная волна обжигающего воздуха ударила по нему.

Осколки, некоторые от бомбы, некоторые от разрушенной вокруг них комнаты, падали сверху и с глухим стуком ударялись о его крылья. Некоторым кусочкам камней удалось вонзиться в них.

Он ощутил резкий запах сожженных перьев, расколотого камня и крови, а также чего-то горького и известкового, скорее всего, взрывчатого вещества. Оно проникло в голову и покрыло горло, и Спар громко зарычал от раздражения.

Женщина в его руках замерла, словно испуганная лань. Он мог ощутить быстрое биение сердца в ее груди и почувствовать запах ее шока и ужаса.

Это зажгло что-то внутри него, что-то яростное и защитное, оно абсолютно отличалось от его основного стремления — выполнить свой долг. Это чувство не относилось к защите людей. Ему нужно было уберечь этого человека, а для этого необходимо вытащить их отсюда и оказаться подальше от ночного.

Быстро.

Спар не стал раздумывать. Он просто взглянул на зияющую дыру в стене разрушенного здания и бросился в ночь.

Когда прохладный воздух окутал его, и зашуршали кончики его крыльев, Спар услышал вой сирен и хриплые крики людей, спешащих к месту разгрома.

Его не волновало, что они не решат сделать с местом взрыва и сектантом, который совершил это. В руках он держал человека.

Ее безопасность оказалась на первом месте. После, Спар сможет начать задавать

вопросы. Например, кто, во имя Света, она такая?

И как смогла пробудить его от двухсот пятидесятилетнего сна?

* * *

«Они собираются забрать меня, хо-хо, хи-хи, ха-ха, в сумасшедший дом...»

Фил бубнила про себя эти слова и сильно сжимала могучие мышцы, которые легко удерживали ее на вес над улицами Монреаля.

Теперь это станет ее новой тематической песней, которую, как она думала, ей стоит начать практиковать. В конце концов, безумие — это единственное объяснение событий последних тридцати минут.

Сильное безумие, по ее окончательной оценке, поскольку не так давно Фил бы посчитала невозможным оживление произведения искусства, которое затем подхватывает ее на руки и отправляется в полет, по ее убежденности, не подтвержденный аэронавигационной службой Канады.

Разве это был бы не интереснейший разговор?

«Аэронавигационная служба Канады, это Гаргулья Один. Мы готовы вылететь из Аббатства Святого Апостола Фомы. Пожалуйста, подтвердите».

«Понял вас, Гаргулья Один. Вы третьи в очереди на взлет. Начните с двадцати-двадцати пяти ударов крыльев в минуту».

У нее непроизвольно вырвалось фырканье, которое обдало гладкую, каменную кожу под ее щекой. Если она теряет разум, по крайней мере, можно пошутить на счет этого.

Это поможет адаптироваться к безопасной мягкой палате, в которую ее, скорее всего, поместят. Она будет хихикать между дозами лекарств.

Разумеется, при условии, что это действительно галлюцинации. Возможно, Фил не стоит сбрасывать со счетов возможность того, что ее действительно похитила ожившая статуя монстра.

Это не единственная странность, которая с ней когда-либо происходила.

Самая странная, конечно, но после того как ты растешь и видишь по ауре, когда слова человека не совпадают с его намерениями, то учишься быть беспристрастным.

Раз уж она угодила в лапы страшилища, то могла очутиться на какой-нибудь демонической свалке, как отходы со стола. Понятно, это случится после того, как злодей закончит высасывать ее костный мозг.

В любом случае, Фил могла придумать, по крайней мере, дюжину сценариев, как прожить ближайшие десять лет. И все они завесили от того, останется ли она жива. Как и от того, будет ли в своем уме.

В данный момент, мозг начал предупреждать ее об изменении высоты. Ей едва хватило времени запищать и сильнее вцепиться в первое, что попало, прежде чем Фил почувствовала мягкий удар.

Ощущение движения прекратилось, и ее ботинки коснулись земли. Она только собралась поднять свою одетую в джинсы задницу, как ее колени подогнулись, а ноги отказались держать из-за состояния общего шока.

— Ты не ранена?

Фил рефлекторно посмотрела вверх. Выше... значительно выше... раздался на

удивление человеческий голос, исходящий от лица монстра.

Правда голос оказался на октаву ниже баса, и этот факт сделал Джеймса Эрла Джонса обладателем сопрано, но звук был легким и свободным, совсем не как у пускающего слюну зверя. На самом деле, что-то внутри нее расслабилось от этого голоса, по крайней мере, ушло немного напряжения, что связывало ее в узлы, за которые можно было бы получить значок бойскаута.

Естественно, его осталась еще целая баржа.

Фил покачала головой.

— Я не поранилась. Может быть, сошла с ума, но физически я чувствую себя просто великолепно.

Несмотря на холод и влажность, которые просачивались сквозь штаны, она поняла, что говорила правду. Фил прекрасно себя ощущала, словно вовсе не оказывалась в центре взрыва.

После попытки подняться на ноги она поняла, что ее ноги все еще походили на резиновую ленту. Но на остальных частях тела Фил не обнаружила ничего, кроме царапин.

Так или иначе, она не думала, что смогла уберечься ото всех осколков благодаря защите в виде изношенных штанов и потертой кожаной куртке. Фигура, что маячила перед ней, заслуживала доверия.

— Ты защитил меня от взрыва, — нахмурившись, ответила Фил ему. — Мне следовало спросить, не ранен ли ты, а не наоборот.

Создание нетерпеливо дернулось.

— Я неуязвим. Такая пустяковая атака оставит лишь незначительные царапины на моей коже. Страж создан для противостояния худшему.

— Страж? Вот кем ты являешься? Лично я бы решила, что ты плод моего воображения, но, думаю, тебе лучше знать.

Фил вздрогнула и смутно осознала, что озноб был одним из симптомов шока. Тот факт, что она впадает в это состояние, казался и обнадеживающим, и ужасающим одновременно.

С одной стороны, если Фил могла испытывать шок, то, возможно, еще не сошла с ума. Но это означало, что все происходящее реально.

С другой стороны, если происходящее реально, то это означает, что сейчас она сидит на земле посреди поля и ведет разговор с тем, кого не должно существовать.

Святые угодники.

— Я один из семи Стражей Света, — подтвердил невымысленный.

Когда он присел на своих звериных ногах, Фил смогла увидеть серьезное выражение на его суровом, нечеловеческом лице.

— Тем не менее, мне бы хотелось знать, зачем ты пробудила меня от сна, маленький человек, и тебе это удалось.

Она фыркнула.

— Ты меня спрашиваешь? Приятель, я уже даже не уверена, что знаю собственное имя, так что я — не та девушка, которая может ответить. Ты узнаешь больше от того дерева.

— Ты травмирована, — существо нахмурилось и протянуло руку с удивительно нежными когтями, чтобы поднять ее лицо к свету. — Где ты ранена? Как сильно болит?

— Я уже говорила тебе, что не ранена. Все в порядке.

— Точно? Что на счет твоей руки?

Напоминание застало Фил врасплох, и чувство пульсации в ладони, о котором она

почти забыла, вернулось приливом горячего дискомфорта. Отлично. Она была счастливее, когда её подсознание блокировало это ощущение, чтобы сосредоточиться на более насущных проблемах.

Чувство, словно ее конечность ужалили пять тысяч разъяренных пчел, нелегко забыть, но за последнюю пару часов много чего произошло.

Фил слегка озаботил полет над городом без самолета, чтобы беспокоиться о ране, до тех пор, пока ее спаситель не напомнил.

В памяти всплыл маньяк в одеянии, стоящий напротив нее, когда гаргуля противостоял ему. Инстинктивно она защитила лицо руками.

Фил не знала, что планировал ублюдок, но после хаоса, который он посеял в главном здании, заряд Темной энергии не должен был ее удивить. Особенно учитывая, сколько сюрпризов у нее было для борьбы с ним.

Посмотрев на левую руку, она не увидела доказательств магического удара, который случайно отразила. Ощущения набухания, тепла и покалывания внешне не были заметны.

Ее кожа выглядела нетронутой, тыльная сторона ладони казалось гладкой и бледной при тусклом свете звезд. Рука в худшем случае слегка порозовела посередине, там, где Фил чувствовала точку удара.

Она покачала головой и отбросила беспокойство.

— С моей рукой все прекрасно, и я даже не приукрашиваю. Прямо сейчас меня немного больше беспокоит мое психическое состояние. Пока ты не предложишь какое-то логическое объяснение своего существования, мужчина-статуя.

Впервые в жизни, Фил удалось увидеть, как на самом деле выглядят взъерошенные перья. Гигант рядом с ней раздраженно тряхнул крыльями, поразив ее, создавая шелест ветра в воздухе.

— Я не статуя, — прорычал он. Кончик клыка показался, когда его губы изогнулись. — Уже говорил, что я — Страж, защитник человечества от Тьмы. Моя спящая форма, может быть, и напоминает, что-то высеченное руками человека, но, могу заверить тебя, я и мои братья совершенно иные.

— Страж. Тьма. Братья, — повторила Фил. — Я узнаю эти слова, но чувствую, что их смысл не таков, как в моих мыслях.

Она вздрогнула сильнее, как будто ее подняли за загривок и встряхнули, как щенка. У нее точно шок.

Фил не отказалась бы от фельдшера скорой помощи с одеялом для выживших. Черт, в этот момент она сомневалась, что стала бы возражать против милого белого халата с пряжками на спине. Фил замерзала.

Рядом монстр... статуя, Страж, неважно... нахмурился и потянулся к ней. Инстинкт заставил ее настороженно отодвинуться, но вместо того, чтобы схватить, он просто набросил ей на плечи тяжелую шерсть и тщательно завернул Фил в нее.

Поскольку Страж был одет, как типичный танцор Чиппендейл^[2], она понятия не имела, откуда он достал такую вещь, но только лучше завернулась в нее и решила не спрашивать.

Когда ты задаешься вопросом, почему оживают и начинают говорить огромные куски породы, происхождение небольшого покрывала кажется менее важным.

— Спасибо, Камушек, — пробормотала она, глядя на него с опаской. — Теперь, если ты не планируешь вытащить немного крекеров и зефира и соорудить миленький костер, как на счет того, чтобы пояснить слова, которые, кажется, взволновали меня.

— Меня зовут Спар. Не Камушек, я не сделан из камня. Я Страж, один из воинов, которых призвали бороться против семи демонов Тьмы и предотвратить их возможное возвращение в эту человеческую реальность. Я считаю других из моего вида своими братьями.

Его брови сошлись над огненно-черными глазами, и Фил внутренне подготовилась услышать скрежет камня о камень.

Его слова не имеют значения, он однозначно выглядел вырезанным из скалы. Голос в голове отметил, что, несмотря на твердость мышц, его жесткая кожа ощущалась слишком теплой и завораживающей для камня. Она проигнорировала его.

— Тьма... — он сделал паузу и покачал головой. — Это Тьма. Она поглощает Свет. Люди называют ее злом, но это слово слишком упрощенное. Оно не охватывает всей правды. Тьма — это зло, но настолько чистое и глубокое, что подразумевает полное отсутствие хорошего. Добро не может существовать во Тьме, даже не в состоянии бороться с ним. Оно поглощается, способствуя распространению противника. Ничто не может существовать во Тьме. Даже сама жизнь.

Фил ощущала, как смысл его слов доходит до нее. Ее била дрожь, которая не имела ничего общего с шоком. Это была инстинктивная реакция на полное уничтожение бытия из-за того, что она только что услышала.

— Это звучит... отвратительно, — наконец сказала Фил, сильнее укутываясь в одеяло. — Но я не уверена, что это объясняет, как тебе удалось за одну минуту превратиться из статуи в э... э... э... то, чем ты стал.

Спару не удалось ответить. Под покрывалом раздался звон, звон колоколов, который прозвучал бы уместно в аббатстве, из которого они недавно улетели. Их прервал телефон Фил.

Она привычно потянулась к карману и взглянула на экран, чтобы посмотреть, кто звонит. Когда Фил прочитала имя в верхней части экрана, то едва не засмеялась. Нажав клавишу ответа, она поднесла телефон к уху и сузила глаза.

— Ну и ну, — промурлыкала Фил, ее взгляд остановился на каменном компаньоне. — Неужели это мисс Элла Харроу, моя старая подруга. Что нового, Эль?

— Фил! Слава Богу, я дозвонилась, — Элла говорила так, словно обнаружила, что приближается торнадо, и ее подруга только что одна уехала из города. — Я только что видела новости. Передавали, что был взрыв в Аббатстве Святого Фомы. Они предполагали, что это из-за бомбы. Ты разве не упоминала, что именно там стояла статуя?

— Ага. Это то место.

— О Боже, Фил, пожалуйста, пожалуйста, скажи мне, что статуя не разрушена! Ты не знаешь? Ты ничего не слышала про это?

Фил услышала настойчивость в голосе подруги и почувствовала, как все встало на свои места.

Ее ощущения, что со статуей что-то не так, сначала относились к деньгам, но теперь у нее появилась довольно занимательная мысль, что Элла знала больше, чем показывала.

Женщина говорила так, словно ее намного меньше интересовало, поранилась ли ее знакомая при взрыве, чем сохранность произведения искусства, которое, как она думала, связано с тем, что Элла курировала раньше.

— Слышала ли я что-нибудь, о чем, Эль? — спросила она. — О взрыве? Ну, я не видела новости, но, может быть, это произошло потому, что я была там, когда взорвалась бомба?

Или, может быть, я просто отвлеклась, выяснив, что статуя, которую ты просила меня найти, оказалась вовсе не статуей.

Она услышала вздох подруги и выдавила слабую улыбку.

— Кстати, Спар передает привет. И послушай, Элла, тебе придется кое-что объяснить.

Мгновение Фил могла слышать только жужжание насекомых и биение собственного сердца. Затем Элла сделала глубокий вдох и прошептала в трубку.

— Он проснулся, да?

Фил ощутила прилив раздражения. Так как Элла не могла ее видеть, она пристально посмотрела на Спара, от чего испытала не меньшее удовлетворение.

— Да, Элла. Он проснулся. Конечно, это логически невозможно, но гаргуля очнулся и двигается. Очевидно, его зовут Спар, и несколько минут назад он схватил меня и пролетел через весь город к чему-то, что выглядит как один из островов на реке Святого Лаврентия. Так что сейчас, полагаю, самое время рассказать мне, что, черт возьми, здесь происходит.

— Об этом следует поговорить с глазу на глаз.

— Ну, сейчас я точно не смогу долететь до Британской Колумбии, подруга, поэтому, если ты не собираешь оплатить незапланированный визит в мой прекрасный город, «с глазу на глаз» не выйдет. Теперь рассказывай.

Она услышала бормотание от приглушенного разговора на заднем плане. Через некоторое время ее подруга вернулась:

— Мне нужно увидеть тебя, и есть вещи, на которые тебе стоит посмотреть здесь. Как быстро ты сможешь добраться до компьютера со Skype?

— Сейчас двадцать первый век, Эль, и я использую смартфон. Если ты хочешь видеочат, мы можем устроить его прямо здесь.

— Отлично. Я перезвоню тебе.

Звонок оборвался, и Фил разочаровано выдохнула.

— Не на такую ночь я рассчитывала, — пробормотала она, глядя на телефон и ожидая видео вызов.

— Ты ждешь звонка?

Спар спрашивал ровным тоном, но Фил почувствовала бы скрытое неодобрение, даже если бы не могла увидеть слабые оттенки раздражения в его ауре.

— Это не разговор с подружкой из сестринства университета о последних тенденциях стиля, — отрывисто сказала она. — Вообще-то, это Элла послала меня найти тебя, и совершенно ясно, что она знала что-то о тебе, прежде чем сделала это. Честно говоря, она задолжала мне кое-какие серьезные объяснения на счет происходящего.

Он скрестил руки на груди и опустил на корточки.

— Твоя подруга знает про таких, как я. Она Хранитель?

— Хра-что?

— Член Гильдии, — добавил Спар, как будто это все проясняло.

Фил закатила глаза.

— Как будто на разных языках говорим, — перефразировала она себе под нос. Фил чуть не подпрыгнула, когда телефон в руке снова зазвонил. В этот раз, когда она ответила на звонок, то увидела знакомое лицо Эллы, заполнившее экран.

— Ладно, Эль, — съязвила Фил, глядя в обеспокоенные серые глаза подруги. — Сейчас действительно самое время поведать мне, что, черт-побери, здесь происходит.

— Фил, обещаю, что расскажу. Но сначала, есть кое-что, что ты должна увидеть.

Прежде чем Фелисити смогла возразить, Элла пропала из поля зрения, и камера начала

фокусироваться на ком-то другом. Или, скорее, на чем-то другом.

От изображения на экране у Фил перехватило дыхание. Появилось ангельское мужское лицо. Его темные, словно смола, глаза, в которых пылали тысячи огней, смотрели куда-то позади нее.

Они заставили Фил думать о потоках раскаленной лавы, которая течет между трещин, а сверху покрытой обсидиановой коркой.

Эти глаза находились на лице, словно вырезанном из гранита, и как будто ей этого было недостаточно, чтобы все сопоставить, но его кожа напоминала камень, а изогнутые назад растущие из сурового лба рога смогли бы ее убить.

Мужчина на экране мог оказаться братом Спара. На самом деле, она готова была поспорить на год жизни, что он им и являлся.

— Его зовут Кес, — раздался за кадром голос Эллы, но Фил без проблем расслышала ее слова. — Он...

— Страж, — она мрачно закончила. — Позволь угадать. Разве не он та «статуя», которую якобы украли из музея искусства и истории в Ванкувере несколько недель назад?

Элла снова появилась на экране, становясь рядом с огромной тварью.

Что-то в том, как женщина прижалась к массивной груди Стража, взволновало Фил, но она это проигнорировала. Есть более важные вещи, о которых стоило волноваться прямо сейчас.

— Это он, — кивая, подтвердила Элла. — Но, думаю, сейчас ты понимаешь, что Кес никогда не был статуей. Не настоящей. Он просто спал.

— Да, звучит так, словно это происходит повсеместно, — она вздохнула и покачала головой. — Ну, позвольте мне начать воссоединение. Кес, это Спар. Спар, у меня есть ощущение, что ты знаешь Кеса.

Фил передала телефон существу рядом с ней. В другом случае, она, возможно, посмеялась бы над тем, как его гигантские руки обхватили маленький продукт технологии, но ее голова разболелась настолько сильно, что не стоило рисковать.

Прямо сейчас Фил чувствовала, что любая чертовски незначительная мелочь могла заставить ее разразиться смехом.

Спар хмуро смотрел на экран, двигая телефон то от лица, то обратно к лицу, словно пытаясь увеличить изображение.

— Кес? Это ты, брат мой?

— Да, — прорычал другой Страж. — Ради Света, ты можешь успокоиться, пока у нас обоих не закружилась голова.

— Ты такой маленький. Я едва могу различить тебя. Почему бы тебе не подойти ближе, чтобы у меня получилось рассмотреть тебя?

— Я сейчас на другой стороне континента, дружище, — пояснил Кес. — Так что ты видишь только мое пересылаемое изображение. Понимаю, для тебя это новая технология. Когда ты просыпался в прошлый раз?

— Они сказали, что был 1789 год. Началась великая человеческая битва, которая хорошо кормила одного из Семи. Он зашевелился, и меня вызвали, чтобы отправить его обратно в тюрьму.

— Верю, что тебе удалось это, поскольку меня тогда не пробуждали, чтобы помочь тебе. Вызывали других?

— Конечно, нет. Я справился сам, как и должен был, — Фил наблюдала, как выражение

лица Спара стало еще более ожесточенным. — Что все это значит, брат? Почему мы оба проснулись? Почему я вообще пробудился? Я не могу учуять присутствие кого-то их Семи. Сейчас нет непосредственной угрозы освобождения Тьмы от оков. Что же происходит?

— Это я бы тоже хотела узнать, — Фил шагнула вперед и накрыла своей ладонью руку Спара, направляя камеру так, чтобы та захватила изображение их обоих.

— Меня не волнует, кто мне все объяснит, ты, Эль, или твой приятель, но я определенно хочу знать, что происходит, и почему моя новая реальность должна втиснуть в себя говорящих статуи и термины, вроде Тьмы, с большой буквы.

— Это действительно длинная история.

Фил посмотрела на часы на своем телефоне и подняла бровь.

— Ну, Эль, сейчас почти полседьмого утра, и я, кажется, сижу посреди провинциального парка со сказочным существом, и, откровенно говоря, не могу придумать, где еще мне нужно быть в эту минуту. Начинай рассказывать.

* * *

Спар смотрел на человеческую женщину... Фил, как ее называла другая женщина, хотя он считал мужское имя нелепым... пока она слушала свою подругу, рассказывающую историю их вида. Спар находил ее лицо завораживающим.

На нем последовательно отражались все ее мысли. Возможно, Фил так легко читать из-за черт, потому что ее лик казался срисованным с Мадонны: небольшой, прямой нос, четкие брови, округлые щеки и рот, словно лук купидона. Кожа казалась фарфоровой в тусклом свете телефона, а ее широко раскрытые зеленые глаза утопали в бахроме ресниц, которые были на сто оттенков темнее, чем ее светлые волосы.

Она выглядела как воплощенная невинность. Конечно, Спару пришлось признать, что когда Фил открыла рот, то перестала казаться таковой.

Он изучал ее, пока та, что назвалась Эллой, рассказывала знакомую историю.

Тысячи лет назад перед лицом великого зла группа могущественных магов объединилась, чтобы призвать силу, способную победить демонов, вышедших из Тьмы. Призвали семь бессмертных воинов, по одному для борьбы с каждым из демонов, и маги назвали их Стражами, потому что их цель заключалась в том, чтобы охранять человечество от приспешников зла.

Однако, маги быстро поняли, что Семь демонов Тьмы нельзя полностью уничтожить.

Они созданы из Тьмы и будут существовать вечно, точно так же как и Свет не исчезнет никогда. Их разделили, чтобы сдержать. Так они не могли питаться силами друг друга. И каждого из них сослали в пустынные места, которые стали тюрьмами.

Зная о возможном возвращении Семи, маги приняли решение объединиться и сформировать Академию Хранителей, чтобы отслеживать постоянную угрозу Тьмы.

Они собрались и поделились знаниями о противнике, помогали Стражам с оружием и оказывали поддержку в битвах, контролировали, чтобы людей не соблазняли или не порабощали Темные силы.

Хранители несли полную ответственность за объявление тревоги, когда Стражам предстояло проснуться и столкнуться с возобновившейся угрозой. Они так же должны отправлять воинов спать, когда угроза была побеждена. Даже в периоды сна Стражей,

Гильдия бдительно следила за силами Тьмы.

— Так это должно работать, — закончила Элла, — но Кес и я обнаружили проблему. Большую проблему.

— Мы считаем, что ночные разработали новую стратегию, — объяснил Кес. — Элла и я узнали, что больше года назад штаб-квартиру Гильдии Хранителей в Париже уничтожил пожар. Двадцать три члена, в том числе большая часть внутреннего совета, погибли в огне.

От шока Спар перевел внимание с занимательного человечка на изображение своего брата на маленьком экране.

— Это невозможно. Ты ошибаешься, брат. Огонь никогда не сможет уничтожить тех, кто способен подчинить его своей воле.

Кес стиснул зубы.

— Может, если огонь раздувает Темная магия. Человеческие власти свалили все на случайность, будто огонь вспыхнул из-за устаревшей электропроводки в историческом здании. Но и ты, и я знаем, что подобное происшествие не могло постигнуть Хранителей. Мы понимаем, что за этим стояли ночные. Но и это еще не конец истории. Когда я проснулся в этот раз, то попытался найти своего Хранителя, — продолжил Кес, — потомка семьи, которая служила на моей стороне более тысячи лет. Элла и я обнаружили, что его тоже убили.

Холод предчувствия и жар ярости столкнулись в груди Спара.

— Вы верите, что ночные охотятся на членов Академии?

— Мы знаем, что они это делают, — голос Эллы звучал мрачно, и в нем проскальзывала боль. — Нам удалось отыскать уцелевшего Хранителя в северо-западной части США, и он подтвердил наши подозрения. Гильдии стало известно, что за последние пять лет увеличилась активность низших демонов во всем мире. Ясно, что за всем этим стоит Общество.

Фил, нахмурившись, прервала:

— Общество?

— Общество Вечной Тьмы, — сказал Элла. — Это официальное название группировки, которую мы называем ночными. Академия обнаружила, что Общество прикладывает усилия, не только завлекая людей в уже существующие секты, но и создавая новые. Десятки. Может больше. Они, конечно, контролировали ситуацию, но слишком долго ждали, поэтому Хранители начали умирать.

Спар выругался на языке, который был мертв больше тысячи лет. Это не помогло.

— Продолжай, — выплюнул он. Услышанный рассказ резал словно отравленный нож, но ему необходимо услышать его до конца. «Нужно понять степень угрозы, с которой предстоит столкнуться, потому что это, — рассуждал Спар, — подтолкнуло его к пробуждению».

— Несколько первых смертей выглядели как несчастные случаи, — подхватил Кес. — Даже если в случае потери Хранителя и на его место не находилось непосредственных преемников, необходимость замены никогда в достаточной мере никого не беспокоила. До Грегори Ласкоса.

Обжигающая ярость в тоне брата стала ключом к воспоминаниям Спара. Имена за столетия могут меняться, но в этом случае он не считал это случайностью.

— Семья Ласкос когда-то служила тебе, — сказал Спар, наблюдая за выражением лица Кеса в телефоне. Смесь гнева и печали подтвердили его подозрения.

— Да, служила. Грегори был моим личным Хранителем, хотя мы и встречались всего несколько раз во время его пребывания на должности. Я думал, что сейчас мирные времена, и мое вмешательство не понадобится. Вместо этого, проснувшись, я обнаружил, что ночные разработали новую стратегию победы над нами. Она заключается в разрушении сети поддержки, что приведет к нашему ослаблению.

Спар низко и протяжно зарычал. Пришлось сконцентрироваться, чтобы удержать свой гнев в узде, особенно когда каждое новое открытие подливало масла в пылающий огонь.

— Трусливый план, оправдывающий малодушную природу продажных подлецов. Но они должны понимать, что даже если уничтожение Академии и ослабит нас, мы все равно пробудимся, если Семь зашевелится. Даже если каждый Хранитель на земле погибнет, Страж не будет спать, если такое произойдет.

— Возможно, поэтому они решили попытаться взорвать тебя сегодня, пока ты спал.

Слова Фил раздались в тишине колокольным звоном. Они пробились сквозь толстый слой гнева и раздумий и вонзились в Спара ледяными осколками истины.

Он и Кес повернулись и уставиться на нее, и Спар услышал, как Элла тихо выругалась на заднем фоне.

— Черт, я очень надеюсь, что мы ошибаемся на этот счет, — сказала женщина, — Фил, ты уверена? Это была бомба? Это произошло сегодня вечером? Кто-то преднамеренно пытался взорвать Спара? Ты должна все нам рассказать.

— О, это точно была бомба. На самом деле, думаю, что ее части все еще у меня в волосах.

Фил... о, как же Спар ненавидел это имя... подняла руку и пробежалась ею по волосам, дернув за длинный хвост, в который они были связаны. Он проигнорировал то, что его пальцы зачесались от желания проделать то же самое.

— Я хорошо видел ее, — сказал Спар, чтобы немного отвлечься. — Я не очень хорошо разбираюсь в таких взрывных устройствах, но благодаря информации, которую почерпнул от своих Хранителей за все годы, считаю, что это действительно была бомба.

— Самодельная, но чертовски мощная.

— И человек, который ее принес, без сомнения являлся членом Общества. Полностью принятый. Он был одет в их одежды.

Кес выругался, и Фил посмотрела на него с любопытством.

— Существуют различные уровни для членов зла? — поинтересовалась она.

— Ночные проходят обучение и идеологическую обработку, так же как те, кто хотят вступить в Академию, — сказал Спар. — Члены Общества могут быть злом по сути, но они не рождаются со знанием, как направлять Тьму. Этому надо учиться.

— Логично.

— Фил, ты тоже видела парня, верно? Уверенна, что он целился в Спара?

— Он говорил про это. Я имею в виду, что парень, словно псих, болтал с холодным камнем, Эль. У него был психогенный понос или что-то вроде того. Я думала, что он по большей части разговаривал сам с собой, но также упомянул, что кто-то приказал ему «разбить Стража». Конечно, я и понятия не имела, про что он болтает, и мое присутствие, скорее всего, отвлекло его. Псих явно не ожидал, что я там окажусь, и как только увидел меня, то больше озаботился моим преследованием, чем установкой бомбы.

— Он не говорил, кто дал ему инструкции?

Фил покачала головой.

— Нет, такого не помню. В любом случае, никаких имен. Хотя, думаю, он называл его титул. Хм... возможно, Иерофант?

Элла нахмурилась.

— Я не знаю, что это значит.

Спар услышал шипение своего собрата воина и догадался, что Кес как раз понял, что это значит, так же как и он. Их взгляды встретились, и никто не выглядел довольным.

— Иерофант это титул, — подтвердил Кес. — Он дается самому высокопоставленному жрецу в Обществе. Другими словами, если этого сектанта послал Иерофант, то приказ на уничтожение Спара ему отдал глава всех ночных.

— Почему вы обеспокоены этим? — спросила Фил. — Мне кажется, ты сказал, чтобы вы бессмертные ребята, а Спар не только превосходным образом улетел от взрыва, но и нес меня все это время. Очевидно, что маленькой бомбы недостаточно, чтобы избавиться от одного из вас. Верно?

Кес покачал головой.

— Бессмертный не значит неуязвимый. Нас можно уничтожить, хотя сделать это не так-то просто. Проблема в том, что пока мы заперты в нашей спящей форме, мы наиболее уязвимы. Это одна из причин, почему каждому Стражу назначают Хранителя. Так у Стража остается тот, кто прикроет его во время спячки. Пока мы дремлем, наши тела реагирует точно так же как и камень, на который мы похожи. Если этот камень разбить, наша душа покинет эту реальность, и мы перестанем существовать в этом мире.

— Вот почему нас так испугала новость, что ночные расправляются со Стражами, — сказала Элла. — Их потеря не только подрывает нашу базу знаний, но и с уничтожением Академии Стражи становятся все более и более уязвимыми. Во-первых, разрушение штаб-квартиры помогло нам... там сгорела библиотека, и ночные так же уничтожили все записи о последних известных местонахождениях семи Стражей. Тем не менее, они не могут скрываться вечно. Мы пытались найти шесть оставшихся, ну, теперь уже пять, в надежде, что сможем разбудить их прежде, чем Общество доберется до них. Проснувшегося Стража практически невозможно убить, по крайней мере, для кого-то слабее, чем один из Семи. Но пока Стражи спят, это уже совсем другое дело.

Спар видел, как понимание отразилось на лице Фил. Она выглядела агрессивно, когда поняла всю серьезность ситуации.

— То есть, исходя из того что этот чувак Иерофант послал одного из своих злобных приспешников избавиться от Спара, выходит Общество знало, где он находится, — она покивала и уставилась на подругу острым взглядом. — Как ты думаешь, они знают, где найти остальных?

— Мы никак не можем проверить этого, — сказала Элла. — Надеюсь, нет, потому что мы потратили чертовски много времени, чтобы найти их самостоятельно. Кес и я сделали это нашим главным приоритетом, но без записей дело движется медленно. Мы выслеживали немногих уцелевших членов Академии в надежде, что некоторые из них владеют информацией, но большинство ушло в подполье. Они не хотят, чтобы ночные нашли их, и мы расплачиваемся за это, сталкиваясь с плохими парнями.

Фил прищурилась, и Спар заметил, что костяшки ее пальцев побелели там, где она продолжала удерживать на плечах одеяло. Он не заметил гнева в выражении ее лица, но мог увидеть намек на подозрительность и что-то еще, что скрутило его живот. Что-то похожее на уязвимость.

— Ты так легко говоришь «мы», Эль.

Спар заметил, что она использует сокращенное имя своей подруги, когда ожидает неприятный ответ.

— Как именно ты во все это впуталась? Ты же не забыла упомянуть того, что кто-то тоже пытался тебя взорвать, да?

Камера показала, как пара обменялась многозначительными взглядами, прежде чем Элла повернулась и ответила. Спар не упустил того, как его брат положил руку на плечо человечка, предлагая свою поддержку. У него появилось чувство, что Фил тоже этого не упустила.

— Нет, здесь не было никакой бомбы, но это достаточно длинная история. Просто скажу, что я случайно разбудила Кеса, что перепугало его почти так же сильно, как и меня. Я предложила ему помощь в поисках его Хранителя, но когда мы выяснили, что Грегори умер... Ну, — женщина пожалала плечами, — к тому моменту я уже по уши погрузилась в это, так что было немного поздно прятать голову в песок.

Спар почти видел, как шестеренки вращаются в голове его маленького человечка, как Фил соединяет точки между тем, что только что рассказала Элла и остальными сведениями, которые вывалила на нее подруга.

Ответ на вопрос, который она затем задала, Спар тоже хотел бы услышать.

— Подожди-ка. Ты пробудила Кеса? — требовательно спросила Фил. — Как в той небольшой истории, которую ты только что рассказывала? Когда Хранители пробуждали Стражей, а затем обратно усыпляли их?

Элла колебалась.

— У нас есть теория на счет этого, но сейчас это всего лишь рабочая гипотеза. Видишь ли, выходит так, что я вроде как являюсь Хранителем.

Она, наверное, заметила, что Фил сбита с толку, потому что бросилась уточнять:

— Только теоретически, потому что мне не дали никакого официального обучения, разумеется. Поскольку члены Академии разбежались на все четыре стороны, у меня не могло быть наставника, который бы провел меня через обучение. Я изучила некоторые материалы, которые смогла откопать, и Кес помогал мне, как мог, но мы думаем, что если бы Академия работала нормально, меня бы завербовали еще несколько лет назад и дали мне все нужные знания, как положено.

Новость удивила Спара, и... судя по выражению лица его человечки... это слово отображало только малую долю того, что испытывала Фил. Он увидел как замешательство, шок и неверие мелькали на ее лице, прежде чем она разразилась рваным смехом.

— То есть, чтобы это все обрело смысл, я должна быть чем-то вроде мага, верно? — Фил покачала головой. — Эль, прекрати. У меня даже нет кролика, не говоря уже о цилиндре, чтобы вытащить из него это животное.

— Магия, Фил, а не иллюзия. Поверь мне, я многому научилась за последние пару недель, и одним из самых важных уроков для меня стало то, что магия просто другое название «энергии». Маг не более чем человек, который может работать с этой энергией на более высоком уровне, чем среднестатистический человек, — Элла спокойно посмотрела на Фил.

— Ты действительно не собираешь признавать, что одна из этих людей? Передо мной? После того, как увидела некоторые вещи, которые случились со мной?

Спар увидел, как губы Фил мгновенно сжались в опровержении, и так же быстро

разжались. Она выглядела не особо счастливой из-за того, что собиралась произнести.

— Ладно. Не могу отрицать, что замечала вещи, которые большинство людей видеть не могут, — выплюнула Фил, крепче сжимая одеяло, — но я никогда в жизни не «работала» с этой энергией, или как ты это еще называешь. Видеть ауру и опознавать людей с помощью особого дара, это, черт возьми, отличается от заклинаний и сражений с силами зла, Эль. Если ты не в курсе.

На экране лицо Эллы на миг стало жестким, злое выражение исказило ее мягкие сладкие черты.

— Фелисити Джейн, тебе стоит поверить мне, когда я говорю, что на данный момент знаю о злых силах больше, чем, надеюсь, ты когда-либо будешь знать, но никому из нас не предоставили выбор. Если ты пробудила Стража, сейчас ты участвуешь в этой войне, и твоя обязанность быть Хранителем, нравиться тебе это или нет.

— М-м-м, нет.

Фелисити. Это настоящее человеческое имя? Спар решил, что оно подходило ей больше, чем мужское прозвище, которое ему так не понравилось. Однако сейчас, это имя, которое переводится как «счастье», плохо подходило ей.

Она выглядела столь же довольной своим участием в войне против Тьмы, как и он. В нем поднялось страстное желание защитить ее, и Спар боролся с желанием прорычать что-то в свое неудовольствие.

Он наклонился и заглянул в телефон, ища взглядом своего брата. Спар надеялся передать ему свои чувства, чтобы слова прозвучали не так резко.

— Мне, так же как и ей, не нравится эта идея, Кес. Даже если ты прав на счет того, что Фелисити неизвестный Хранитель, тот факт что у нее нет никакой подготовки, делает ее несостоятельной в подобной ситуации. Она не может выйти против ночных неподготовленной. Нам следует найти остатки Академии и доставить ее к ним. Они смогут защитить ее, пока ты и я будем сражаться с опасностью.

— Доставить меня? Я теперь мешок с костями?

Оба воина проигнорировали ее.

— Ты что не слушал, Спар? Академии больше не существует, по крайней мере, той, которую мы знали. Даже если мы найдем кого-то из Академии, кто согласится обучать ее, это не пойдет нам на пользу. Сейчас Хранители прилагают все силы, чтобы защитить самих себя. Мы не можем взвалить на них еще и это бремя.

— И теперь оно взвалено на меня. Становиться все лучше и лучше.

Спар почувствовал легкий шлепок по задней части своей голени, как будто мотылек налетел на него во время полета в ночном воздухе. Подождите, это что был маленький человечек? Она пнула его?

Он не мог утверждать наверняка, взглянув на ее лицо. У нее не исчезало воинственное выражение, по крайней мере, полчаса.

— Есть еще одна причина полагать, что ее нужно спрятать от греха подальше, — он посмотрел на Кеса, решив придать важности сохранению безопасности Фелисити. — Ее уже ранили один раз. Просить ее рисковать безопасностью снова уже слишком.

Элла переместилась обратно в центр кадра.

— Это правда, Фил? Ты пострадала? У тебя был нормальный голос, и я решила, что Спар вытащил тебя оттуда без проблем.

Фелисити свирепо посмотрела на Спара, хотя он это проигнорировал. Если она

надеялась, что Спар не упомянет заклинание ночного, то ошибалась. Кес и Элла должны понимать, какую опасность навлекают на нее, прося присоединиться к их компании.

— Я не ранена, — повторила она полным раздражения голосом. — Как уже говорила каменной башке с полдюжины раз, со мной все хорошо. Сумасшедший в монастыре пытался чем-то взорвать меня, но у него не вышло.

Она подняла руку к камере телефона и показала ладонь. Участок кожи, куда попал магический удар, просто немного покраснел.

— Просто солнечный ожог. Магический. Не важно. Я в порядке.

Кес посмотрел на экран и нахмурился.

— Подонок кинул в тебя заклинанием? И оно коснулось тебя? Что это было? Что он сказал?

Фил подняла бровь и поджала губы, словно съела что-то кислое.

— Хм, да, извини, но я была слишком занята, пытаюсь убраться оттуда к черту, и не записала его бред. Сделаю это в следующий раз.

— Видишь, слишком опасно привлекать ее, — отрезал Спар, прежде чем другой воин ответил саркастической усмешкой. Сейчас не время для дразг. — Я оставлю Фелисити и прилечу к тебе, Кес. Мы вместе составим план по борьбе с этой угрозой.

Другой Страж мотнул головой.

— Я понимаю твою реакцию, Спар, но ты должен остановиться и подумать. Что если слуга, отправленный Иерофантом, пережил взрыв? Ты знаешь, что есть заклинания, которые могут защитить человека от такого. Если ночной жив, он, несомненно, отчитается перед своей сектой о том, что свидетелем атаки стала человеческая женщина, а также, что ты пробудился.

— И, — отрезала Элла, — если они начнут подозревать, что у Фил есть собственные силы, то придут за ней, Спар. Верь мне, когда я говорю, что Общество не шутило об уничтожении Академии. Является ли Фил членом Академии или нет, они все равно хотят ее смерти. Им не нужны новобранцы, которые заменят уничтоженных Хранителей. Они хотят посыпать солью землю, на которой стоит пресловутая Академия.

Кес вздохнул.

— Боюсь, она уже в опасности, мой друг, независимо от того затащим мы ее глубже в наши тайны или нет.

— Тогда я прилечу к тебе. Если она здесь в опасности, то ей стоит находиться в другом месте, — настаивал Спар. — Ты будешь охранять ее, пока я узнаю, жив ли до сих пор ночной или нет. Если да, это ненадолго.

— Ты ведешь себя нелогично, Спар. Тебе следует сделать паузу и подумать. Ванкувер не более безопасен для Фелисити, чем Монреаль. На самом деле, у Общества есть серьезные основания опасаться меня и Эллы, поскольку мы уничтожили некоторых его членов здесь. Это лишь вопрос времени, когда они придут за нами снова. Нам нужно сосредоточиться на более важных вопросах. Наша приоритетная задача — поиск остальных братьев. Мы все должны быть разбужены и предупреждены о планах противника.

Раздался пронзительный прерывистый сигнал уведомления, который Спар не хотел слышать. Вздохнув, Фелисити протянула руку и постучала пальцем по экрану телефона.

— Хм, не то, чтобы я была не согласна с необходимостью спасти мир и все такое, — сказала она, — но мой телефон разрядился. Может быть, мы продолжим сплетничать позже? Где-то около розетки, например?

Элла слегка устало улыбнулась. Спар мог увидеть темные круги под ее глазами и опущенные плечи.

— Конечно, — сказала она, — мы сбросили целую энциклопедию информации на тебя...

— Чувствуется так, словно ты сбросила мне с горы на голову наковальню, — пробормотала Фелисити.

— ... и скоро наступит утро. Ты должна немного отдохнуть.

И, знаешь, вымыть песок и другую дрянь из своих волос, — Элла улыбнулась и жестом указала на лицо Фил. — Может быть, вытереть угольные пятна.

— Мы можем снова встретиться завтра, чтобы обсудить, что нужно сделать, — Кес высказал общее мужское мнение, и его мысль предназначалась непосредственно Спару. — Признаю, что не хотел бы пока втягивать в эту войну еще одну женщину. И буду рад стоять с тобой плечо к плечу, брат. Я боюсь, что в этот раз потребуется сила всех наших братьев, чтобы сбросить Тьму обратно в бездну.

Его взгляд метнулся к Фелисити, и Спар мрачно кивнул.

— Мы сделаем все, что от нас потребуется, — пообещал он. — Клянусь в этом своей честью Стража. Свет поведет нас к победе.

— Да, это просто здорово, — сказал рядом его маленький человек, ее тон был сухим и язвительным. — Но ты не дал мне забрать свой байк, прежде чем прилететь со мной сюда, и я до сих пор не знаю куда это «сюда». Но в любом случае, мистер Высокий, Серый и Непобедимый, у меня есть реальный вопрос: не вернет ли меня Свет обратно в мою квартиру? Потому что прямо сейчас я готова убить за душ.

Конечно, вопрос был риторическим, но Фил хотела принять душ.

Ее кожу покрывали слои грязи, песка и смесь из частиц бомбы, пьедестала Спара, и, вероятно, доброй части крошки от каменных стен четырехсотлетнего аббатства.

Фелисити жаждала оказаться под струями горячей воды и тереть себя самой большой мочалкой из виденных людьми или Богом, и немедленно.

К несчастью, ее крылатый напарник воспринял срочность этого дела слишком буквально, так как Фил успела лишь протестующе пискнуть, прежде чем он вновь взмыл в небо с ней на руках.

Это стало открытием... по крайней мере, для нее... что спорить с упрямым мужчиной, зависнув в нескольких километрах над землей, не что иное, как взывать к мужскому расположению, что повлияло на ее артериальное давление так, как врач никогда бы не одобрил.

К тому времени, как ей удалось убедить Спара, опустить ее обратно на твердую землю, он приземлился в полукилометре от места преступления.

Когда ей удалось открыть глаза и разжать свои пальцы, обвившие его шею, она смогла прочитать вывеску на соседнем углу и определить, что именно здесь припарковала байк для своей нелегальной экскурсии на территорию аббатства... и это произошло совсем не восемь или девять жизней назад... которая случилась меньше чем в двух кварталах от сюда.

К счастью, они оказались вне зоны, уже оцепленной властями. Ура, предварительному планированию и паранойе.

Как только поджилки Фил перестали трястись, она выпрямилась и развернулась на пятках. Затем направилась к парковке, даже не удостоив своего напарника прощальным словом.

Честно говоря, она не была уверена, что если откроет рот, то не закричит снова. Перемещение по воздуху без помощи самолетов, по ее мнению, больше подходило птицам.

Или гаргульям.

Фелисити могла чувствовать присутствие Спара, следовавшего за ней, когда срезала путь через узкий переулок, чтобы сэкономить немного времени. Ей пришло в голову, что он может не до конца вписаться в этот район, но сейчас около четырех утра, и шансы, что кто-то выйдет на улицу и позовет полицейских, увидев его, были ничтожно малы.

Она решила, что перепуганные прохожие это его проблема. Как и перспектива того, что его огромная задница, застрянет между многовековыми зданиями, которые прижимались с обеих сторон.

Возможно, мстительная мысль, но единственная, которую Фил посчитала вполне убедительной в тот момент.

Найдя свой байк на парковке, именно там, где его оставила, Фил пошарила в карманах, ища ключи и радуясь, что они были надежно пристегнуты изнутри.

Последнее, что ей сейчас нужно — это обнаружить, что они вывалились и упали на дно реки Святого Лаврентия в какой-то из моментов ее маленького путешествия. Хотя это не особо ее удивило бы. Не после сегодняшнего вечера.

— Залезай, — сказала она, закидывая ногу на байк и садясь на теплое, кожаное сидение. — Я не совсем уверена, что ты вообще поместишься здесь со мной, но перестала

тешить себя надеждой, что отправлюсь домой одна, после всего этого. Так?

— Ты права. Я верю, что Кес не соврал, сказав, что существует большая вероятность, что Общество начнет искать тебя после событий этого вечера. Тебе требуется защита, и, как Страж, я обязан ее обеспечить.

— О, Боже. — Фил вздохнула. — Хорошо. Забирайся, если сможешь.

Когда Спар не сдвинулся с места, она взглянула вверх, заметив, как он смотрит на нее, прищурившись и скрестив руки на своей мощной груди. Теперь, когда Фелисити подумала об этом, то поняла, что может забыть о том, чтобы предложить ему прокатиться с ней.

Она сомневалась, что у Спара получится поместиться на сиденье ее реконструированного Triumph Tiger.

— Лаадненько, так не пойдет, — Фил пожала плечами. — Раз не можешь поместиться на сиденье, полагаю, тебе придется лететь. Следуй за мной, и я проведу тебя до своей квартиры.

Спар отрицательно мотнул головой и не сдвинулся с места.

— Ты подвергнешься большому риску, поскольку мне придется лететь слишком высоко, чтобы оставаться незамеченным. И я могу не успеть спикировать тебе на помощь.

От раздражения Фил огрызнулась, хотя, можно предположить, в этом виновата еще и усталость. Проклятье, она и в лучшие времена не была в восторге от властных мужчин, а этот явно ничем от них не отличался.

— Слушай, Твердолобый, если не хочешь лететь, то садись на чертов байк. А раз у тебя в кармане не затерялся уменьшающий лазер, может, уже двинемся дальше?

— Уменьшающий лазер? — Спар покачал головой и, судя по выражению его лица, вполне реально раздумывал над возможностью, что взрыв сектанта навредил психическому состоянию Фил.

— Даже не желаю знать для чего такая штука нужна, поэтому абсолютно уверен, что в моем распоряжении ее нет. Однако, если это — наше единственное средство передвижения, вероятно, кое-что может помочь.

С кончика языка у Фил был готов сорваться язвительный ответ, но перед ее глазами произошла еще одна невероятная вещь.

На мгновение воздух вокруг Спара замерцал, но прежде чем она смогла сосредоточиться на этом странном явлении, ее взгляд устремился на потрясный экземпляр явно человеческого привлекательного мужчины, который оказался на месте гаргульи.

— Чт... эм? — неуверенно пробормотала Фил.

Да и кто бы ее обвинил? Нашла же Фил в статуе гаргульи что-то неотразимое, что заставило ее вернуться сегодняшним вечером в аббатство. Скульптура обладала какой-то нечеловеческой красотой в своей свирепой силе и решительной позе.

Хотя мужчина, стоящий прямо перед Фил и смотрящий на нее темными глазами Спара... его красота была исключительно человеческой.

— Спар?

У Фил дрогнул голос. Ей показалось забавным, что она спрашивала он ли это, не вполне уверенная, что увидела не галлюцинацию. Ну или не получила по голове.

Мужчина кивнул, и его гордое движение укрепило первое впечатление — перед Фил стоял гаргулья в человеческой одежде.

Он остался выше ее, но рост составлял уже где-то в шесть футов и три или четыре

дьюма, чего достаточно, чтобы не привлекать нежелательное внимание. Темные волосы коротко пострижены, но немного длиннее привычного «ёжика».

Футболка в расплывчато-гладиаторском стиле, присущий одежде в его другом обличье, подходила ему и его почти военной выправке.

Конечно, крылья исчезли... Фил даже боялась предположить куда именно... и его ноги, на первый взгляд совершенно человеческие, были обтянуты потертыми синими джинсами.

Она могла лишь догадываться, что в тяжелых, поношенных ботинках больше не прятались когти, с помощью которых одним лишь ударом можно выпустить кишки зубру, потому что руки Спара теперь выглядели сильными и абсолютно нормальными, без когтей.

Хотя черты лица почти не изменились, лишь стали менее суровыми, тень однодневной щетины смягчила их, но все же легко угадывалось лицо гаргульи.

Его глаза так же блестели, словно светились изнутри, но, быть может, виновата игра света. Спар-Страж теперь выглядел, как совершенно нормальный Спар-человек.

Только в пятьдесят раз сексуальнее.

— Так подойдёт? — спросил он таким же низким голосом, заставляя ее затрепетать, но сейчас не из-за паники. — Я чем-то ошибся во внешности?

«О, да. Ты придал себе столько сексуальности, что я хочу облизать тебя с ног до головы, сочный кусок мужчины».

Фил быстро покачала головой и откашлялась.

— Хм, нет. Нисколечко. Ты выглядишь, гм-м, хорошо выглядишь. — Ей потребовалось больше силы воли, чтобы оторвать свой взгляд от Спара, в чем она смела бы признаться. И свое беспокойство Фил прикрыла тем, что завела мотор байка и убрала подножку.

— Залезай, — скомандовала она, надеясь, что для Спара ее голос прозвучал, не настолько хрипло, как для нее самой. — Хочу до рассвета попасть домой, если не возражаешь.

— Конечно.

Фил, стиснув зубы, смотрела прямо перед собой, пока новый, великолепный напарник садился на мотоцикл позади нее. И очень сильно надеялась, что Спар не заметит того, как сильно она сжала руль, что побелели костяшки.

«Триумф» ей подарил дедушка. Они вместе восстановили байк прямо перед его смертью, и мотоцикл оставался для Фил самым ценным имуществом.

Вот только впервые в жизни она пожалела, что ездит именно на нем. Если бы взяла фургон, на котором обычно передвигается по работе или во время дождя, то между нею и Спаром было бы хоть малейшее расстояние.

Но вместо этого, она задержала дыхание и начала молить о силе, когда самый привлекательный мужчина, встреченный, по крайней мере, за год, тесно прижался к ее спине и обнял накаченными, большими руками за талию.

Он поместил бедра вплотную к ногам Фил, и она могла поклясться, что между ними не осталось места даже для самой порочной мыслишки.

Что довольно хорошо, поскольку все когда-либо открытые пороки обосновались в голове Фил.

Ох, и она чувствовала себя крайне распутной девочкой.

— Я никогда не ездил на такой машине.

В теории мотоциклетное сиденье разрабатывалось для двоих, но, очевидно, британцы никогда не брали в расчет, что один из пассажиров мог оказаться размером со Спара, потому

что ему и Фил пришлось оказаться ближе, чем сиаемским близнецам.

— Полагаю, мне нужно держаться за тебя, чтобы не упасть?

— Верно.

Чертыхаясь себе под нос на чешском — *Pisam rugsti is cia!*^[3] — а это являлось верным признаком, что Фил достигла предела, она газанула и вложила свое настроение в движение.

Давно уже нужно было свалить.

* * *

Открыв глаза, Фил уставилась в потолок своей спальни. Отражаясь от его гладкой белой поверхности, яркий солнечный свет наполнил радужными лучами всю комнату.

Определенно, ощущать тепло солнца намного приятнее, чем рыскать по музею, подвергнуться нападению сектанта и спорить с мужчиной, у которого череп в прямом смысле каменный. И это за одну ночь.

А поскольку этим Фил и занималась, прежде чем забраться в постель, ее настроение поутру нельзя было назвать радужным.

— Я думал.

И-и-и-и-и-и... всякие надежды, что события прошлой ночи лишь дурной сон, рухнули. Она, черт возьми, узнала голос Спара, но что он делал в ее спальне?

Нет. Знаете, что? Плевать.

Схватив рядом лежащую подушку, Фил опустила эту перьевую нежность на свою голову, чтобы заглушить собственный раздраженный крик.

— АААррр.

— Я не понимаю, что ты бормочешь, — вновь прозвучал голос. — Вероятно, если откроешь лицо, мы могли бы поговорить.

Фил запустила подушку в обладателя голоса и вновь закричала, теперь уже намного громче. Она села на кровати, запутавшись в простынях и одеялах, и впиалась взглядом в мужчину, сидящего в углу в кресле.

— А я и не говорила, каменнолицый, — отрезала Фил. — При помощи невербальной артикуляции я выразила свое расстройство.

Спар, по-прежнему в человеческом обличье, к слову, великолепном, что та-а-а-ак отвлекало, одной рукой поймал ее снаряд и нахмурился.

— Чем ты так расстроена, Фелисити? Ты же только проснулась.

— Что ты делаешь в моей спальне, Спар? — спросила она, не пытаясь объяснить, что в достаточной степени охарактеризовало бы ее текущее душевное состояние.

— Разве мы не обсуждали это вчера? Я согласилась, чтобы ты остался и «защищал» меня, но спал на диване. В гостиной.

— Да. Но я проснулся. — Пожав плечами, он убрал подушку в сторону. — Во время бодрствования, Стражам нужно мало времени для сна. Я легко могу обойтись и без него, но решил приспособиться к обычаям людей, пока мы работаем вместе. Как тебе спалось?

— Замечательно, но если хочешь попробовать приспособиться к людям пока находишься здесь, стоит запомнить, что в мои «привычки» не входит просыпаться с незваными гостями в спальне.

Спар выглядел по-настоящему озадаченным.

— Но я ведь не видел тебя из той комнаты. Как бы узнал, что ты проснулась, если бы не зашел в спальню?

— Мог бы заставить свою ограниченную каменную душонку набраться терпения и подождать, пока я не выйду и не скажу, что проснулась, Эйнштейн.

— Не так эффективно, как мой вариант, и на счет тех имен, что ты продолжаешь мне давать. Я же сказал, что меня зовут Спар, а не Твердолобый, каменнолицый или Эйнштейн. Прекрати так ко мне обращаться.

Фил возвела глаза к потолку и откинула одеяло.

— Тебе никогда не давали прозвищ, Спар? Обычно, мы, люди, поступаем так с теми, с кем проводим вместе много времени. Почему бы и тебе не делать также? Я в душ.

Когда он поднялся, чтобы пойти за ней следом, она пригвоздила его недоверчивым взглядом.

— Одна, каменный парень. Ты можешь подождать меня здесь. Бр-рр.

Спар не выглядел обрадованным, но послушался. По крайней мере, пока что.

Протопав в ванную, Фил со щелчком, хотя это больше походило на хлопок в два децибела, захлопнула дверь. Проклятый, властный гаргулья. Она серьезно задумалась над тем, почему парень, разговаривающий на английском, не понимал ее?

Если Элле пришлось мириться хоть с половиной тех раздражающих факторов при встрече с Кесом, с какими пришлось столкнуться ей самой, она очень сочувствовала подруге.

Отражение Фил в зеркале лишь еще раз напомнило, что встреча со Стражем полностью выбила ее из графика.

Темные круги под глазами и беспорядочно торчащие волосы, потому что перед сном она забыла их заплести, лишь доказывали, что ни одна женщина не должна смотреть на свое отражение пока не выпила хотя бы одну чашку кофе.

Схватив зубную щетку, Фил выдавила на нее щедрую порцию пасты и начала чистить зубы.

Прямо перед полным пробуждением, она пережила момент, когда ее бедный, растерянный разум практически убедил ее, что события прошлой ночи были сном. Ярким, обескураживающим, тревожным и нереальным, но все же сном.

Однако, зрелище «Спар в ее спальне» положил конец той слабой надежде. Он не входил в число того, что девушка могла с легкостью объяснить или забыть. Ведь Спар старался не отходить от нее.

Сплюнув в раковину, Фил застонала. Почему, ну почему, она не послушала свой разум, вместо чутья, и не держалась подальше от проклятой статуи?

Если бы Фил не уступила и проигнорировала странное влечение, которое эта штука на нее оказывала, не оказалась бы по уши в этом бардаке... и что важнее, в ее доме не было бы Спара.

Это означало, что не стояла бы она сейчас в ванне и не признавала бы, что притяжение, которое чувствовала к неодушевленному куску камня, не сравниться с влечением к мужчине из плоти и крови.

Гаргулье.

Стражу.

Все равно.

Прополоскав рот, Фил включила воду в душе. Она чертовски хотела узнать, почему у нее появляется такая дикая реакция, стоит ей оказаться в десяти футах от Спара.

Когда он оставался в облике статуи, тяга сбивала с толку, но Фил могла дать ей логическое объяснение. В конце концов, скульптура была впечатляющим произведением искусства, которое не просто хорошо, а замечательно сохранилось, учитывая даже предположительный возраст.

Как реставратор и художница, Фил могла любоваться творением другого автора и восхищаться способностью скульптуры противостоять разрушительному воздействию времени и погодных явлений.

И теперь же, столкнувшись не со статуей, а с захватывающим дух красавцем-мужчиной, списывать реакцию на профессиональный интерес было неверно.

То, что Фил испытывала при виде волевой линии челюсти Спара и его развитой мускулатуры, не имело ничего общего с наметанным глазом на искусство, а больше влияло на неподдающиеся контролю гормоны.

Мужчина возбуждал ее. И сильно.

«Такое невозможно подавлять», — размышляла Фил, вставая под струи воды и подставляя лицо теплым каплям.

Разве ей не хватало забот и без новости, что она, вероятно, теперь стала целью культа психов, а ее подруга по колледжу попросила помочь спасти мир, приставляя к ней сверхъестественного, бессмертного телохранителя, который защитит ее от магических атак?

Теперь ее тело вопило, требуя прекратить долгий сексуальный застой и намекая, что пора бы взобраться на вышеупомянутого Стража, словно на Альпы, и воткнуть флаг прямо в его упругую задницу.

Ох, как ей это не вовремя.

«Не нужно и не стоит об этом переживать», — решила Фил, убирая волосы от лица. Она не видела смысла в том, чтобы заикливаться на проблеме, которую не могла решить.

Гораздо эффективнее сосредоточиться на том, что можно сделать. Например, узнать, насколько велика угроза культа Общества вечного мрака.

У нее имелась пара соображений на этот счет, начиная с того, чтобы выяснить, выжил ли во время вчерашнего взрыва нападавший. Ведь если парень не выбрался из аббатства, есть вероятность, что он не разболтал о ней своим поклоняющимся демонам приятелям.

И это означало бы, что риск для Фил свелся бы к минимуму, и ей удастся освободиться от опеки Спара и вернуться к собственной жизни.

Пусть он и его приятель Кес беспокоятся о сохранности мира. Фил же хотела сохранить свою вменяемость.

Цепляясь за эту надежду, она открыла бутылку шампуня и выдавила немного средства на ладонь.

А затем взвизгнула, когда флакон выскользнул из ее внезапно ослабевших пальцев и с грохотом ударился о дно ванны. Какого черта происходит?

И вновь повторила этот вопрос, когда дверь в ванную распахнулась, и Спар, с весьма заметными крыльями и каменной кожей, отодвинул занавеску, осматривая Фил с головы до ног.

— В чем дело? — потребовал он, осматривая маленькую комнату, будто ожидая, что из окружавшего их пара с криками начнут выпрыгивать сектанты. — Я слышал твой крик. Ты ранена? Здесь кто-то есть? Что произошло?

Того, что ее так неожиданно прервали, уже было достаточно, но когда гаргуля потянулся к ней огромной, когтистой лапой, Фил со всей силой оттолкнула ее, отступила и

прикрылась уголком занавески.

— Эй, я тут голая! — огрызнулась она, пытаясь прикрыться белой клеенкой, которая быстро становилась прозрачной, впитывая воду.

— Что я говорила на счет бесцеремонного появления в комнатах для уединения? Убирайся отсюда к чертям и жди в гостиной, žioplys^[4]!

Он проигнорировал все требования и продолжил негодуя на нее смотреть.

— Я услышал твой крик и грохот. Думал, ты в опасности. Расскажи, кто тебя побеспокоил.

— Прямо сейчас ты меня беспокоишь. — Но посмотрев на свою руку, Фил поразила увиденному.

На ее левой ладони, той, которой она инстинктивно защитилась во время вчерашнего магического нападения, начало что-то формироваться.

Прошлой ночью кожа просто покраснела, как от ожога, и Фил посчитала, что бы придурок ни хотел с ней сделать, у него ничего не вышло. Рука ведь не болела, и она не задумывалась насколько серьезно повреждение.

Сейчас же эти мысли не давали покоя.

Спар проследил за ее взглядом в поисках источника расстройства и, аккуратно взяв ее руку, повернул ладонь к свету, льющемуся из окна в ванной.

С минуту он изучал бледно-розовый узор, а затем чертыхнулся. И Фил могла поспорить, что ругательство прозвучало, словно ее ужесточенный литовский вариант «разини», которым она обозвала Спара пару секунд назад.

— Что это? — спросила она. Живот скрутило от тревоги, но ей нужно знать. Какие еще неприятности это навлечет на нее?

— Не уверен, потому что узор не полностью сформирован, — пояснил Спар, — но похоже, заклинание ночного все же затронуло тебя. Рисунок слаб, но выглядит, как знак Ултора.

— Знак чего? Это слово или ты просто откашлялся?

Кончиком острого когтя, Спар проследил странные линии и завитки, едва задевая кожу, и Фил пришлось подавить дрожь.

— Ултор, — повторил он сквозь стиснутые зубы, отчего у Фил возникло предчувствие, что эта новость ее не обрадует. — Отступник. Так зовут одного из семи демонов, почитаемых ночными.

Фил вздернула подбородок.

— Хочешь сказать, что тот психопат в аббатстве заклеил имя демона на мне? Ты издеваешься? Что это вообще на хрен значит?

— Не уверен, но не думаю, что это добрый знак.

— Ох, ты думаешь? — шокированная Фил отдернула руку и прижала теснее занавеску. — Раз не знаешь ты, надо найти того, кто знает. Но прежде, тебе все же придется закрыть дверь с той стороны. И в следующий раз, когда решишь зайти в комнату, в которой нахожусь я, сделай усилие, блин, и постучи. Начни уже вести себя, как нормальный человек.

Фил понимала, что ведет себя, как стерва, но не могла остановить поток слов.

Ее день вновь превратился из нормального в кошмарный, едва она успела моргнуть. Если так пойдёт и дальше, у Фил случится припадок.

Вдобавок ко всему прочему.

Поступив по-умному, Спар отступил, оставив Фил наедине в душе, полном пара.

«Чертовски кстати», — подумала она, нагибаясь, чтобы поднять бутылочку шампуня.

С учетом того, что ей под кожу нанесли знак какого-то зла, Фил собиралась принять самый долгий душ за всю историю Канады.

Возможно, она уже больше никогда не почувствует себя чистой.

Спар шел за своей маленькой женщиной в рестораник и пытался выглядеть человеком.

После того, как он обратился в свою естественную форму и напугал Фелисити, на которую, как ему показалось, напали в ванной, ему потребовалось неожиданно много времени, чтобы достаточно успокоиться достаточно и вернуться себе человеческий облик.

Спар осознал, что отсутствия контроля сбивает его с толку. Никогда, за все свое долгое существование, ему не приходилось сталкиваться с проблемой, когда не получалось вернуть самообладание.

Он даже не подозревал, что может нервничать, учитывая, что Стражи не страдали от слабостей человеческих эмоций. Помимо ненависти, которую Спар испытывал к Тьме и ее миньонам, он никогда не знал ни страха, ни тревоги, ни желания защищать. Ни вождения.

Ему стало стыдно от осознания того, что маленький человек под его опекой вызывала в нем все эти чувства.

Когда Спар думал, что ей угрожает опасность за закрытой дверью в маленькой ванной, то ощутил первые три, а ее мокрый, обнаженный и уязвимый вид заставил его испытать последнее.

Он посмотрел на Фелисити и страстно ее захотел.

Даже сейчас ему приходилось прилагать усилия, чтобы прогнать из головы эти образы: шелковистую на вид кожу, чувственные изгибы и интригующие ложбинки.

Каждый раз, когда Спар ослаблял концентрацию, его мысли сразу же возвращались к моменту, когда она еще не успела прикрыться занавеской. Каждый раз его пальцы ломило от желания схватить девушку, прижать к себе и почувствовать ее мягкость.

Возможно, он находился под влиянием какого-то страшного заклинания.

Запахи жареного мяса и тостов смогли отвлечь его от раздумий, когда Спар вошел в кафе неподалеку от квартиры Фелисити.

Она сообщила ему, что в этом месте они найдут знакомого, который предположительно им нужен.

— Я много об этом думала, — сказала Фелисити ему, после того как вошла в гостиную своего дома, сухая и полностью одетая. — По-моему, самое важное, что нас следует сделать сейчас — это выяснить, знает ли кто-то еще из этого Общества о моем существовании. Если нет, я с радостью скажу, что сама могу о себе позаботиться, и укажу тебе на дверь.

Он попытался запротестовать, но она оборвала его.

— Однако, я не настолько глупа, чтобы отправлять тебя собирать вещи, если действительно существуют какие-то загадочные магические уроды, которые хотят скормить меня их верховному демон или кому там. Итак, сначала о главном. Нам необходимо узнать, смог ли наш сумасшедший дружок-подрыватель выбраться из здания вчера вечером. Если нет, то так тому и быть; но если у него получилось, нам стоит сначала выяснить, насколько глубоко я вляпалась.

Спар предложил просто отправиться в аббатство и поискать останки ночного, но Фелисити отговорила его от этой затеи.

— Взрыв был достаточно сильным, что о нем сообщили на телеканалах, которые Элла и Кес смотрели в Ванкувере. Это означает, что полиция должна оцепить место преступления. Мы и близко к нему не подберемся, а если привлечем внимание властей или начнем

разнюхивать, они могут решить, что мы имеем к этому отношение. Нет, нам нужно поговорить с тем, от кого власти привыкли слышать вопросы, следовательно, ему могут ответить.

Спару не нравилось полагаться на кого-то постороннего; ему пришлось тысячу раз за короткую дорогу до ресторана напоминать себе, воздержаться от того, чтобы приказывать Фелисити.

Ему хотелось заставить ей идти ближе к нему, чтобы он смог защитить ее от нападения, и напомнить, что она должна позволять ему входить первым через любую дверь, чтобы Спар мог оценить безопасность каждого помещения.

Когда он попытался запихнуть ее обратно в квартиру, чтобы выйти первым, один сильный удар по его голени убедил, что Фил не ценит галантность с его стороны.

Она может и маленькая, но он решил, что ее ботинки обшиты сталью.

Фелисити остановилась внутри переполненной комнаты, чтобы расстегнуть свое пальто и осмотреть море лиц. Спар наблюдал за ней достаточно пристально, чтобы заметить, как ее взгляд остановился на одиноком мужчине, сидящем в углу возле окна. Он следовал за ней по пятам, когда она пробиралась мимо столиков и стульев к своей цели.

— Приветик, Рикки — поприветствовала девушка, опускаясь на сидение напротив человека, не дожидаясь приглашения. — Надеюсь встретить тебя здесь. Угостить кофе?

Спар скользнул на сиденье рядом с ней, обратив внимание на то, как мужчина, с которым она говорила, холодно оглядел его, прежде чем опустить взгляд на грудь Фелисити.

— Доброе утро, дорогая, — растягивая слова, произнес мужчина, когда, наконец, поднял глаза к ее лицу. — Чем я заслужил такое удовольствие сегодня?

— Сначала кофе. — Фелисити перегнулась через Спара, чтобы привлечь внимание проходившего мимо официанта. — Повторите моему другу, — сказала она, взяв меню и вручая Спару второе.

— Кофе с молоком для меня и, э, черный для него.

Женщина кивнула и быстро удалилась, прежде чем Спар успел уточнить или поинтересоваться, что это значит.

Он говорил по-французски... и по-английски, на латыни, греческом, на всех романских языках, в том числе и по-русски, на санскрите, и арабском... поэтому он понял слово «черный», но как его можно отнести к еде?

— Я не против компании, Фил, но ты не хочешь представить мне своего друга? — человек, которого звали Рикки, отхлебнул из своей пузатой белой чашки и окинул Спара оценивающим взглядом.

— Рикки, это Спар, Спар, это Рикки Раклу. Он репортер «Газетт»^[5].

Человек фыркнул.

— Спар? Да ладно. Ты, наконец, сняла старичка, который украсит сиденье позади тебя на байке, дорогая? Нашла его в Гранд Мезоне?

— Ага, прямо между дракой на ножах и сделкой с наркотиками.

Спар напрягся на секунду, пока не понял, что это был сарказм.

Очевидно, у нее нет привычки, часто посещать места, где люди регулярно участвуют в боях с применением оружия или торгуют запрещенными веществами. Она просто делала то, что его бывший Хранитель называл «вешать лапшу на уши».

— Эй, мы не так часто общались в последнее время. Откуда мне знать, как ты развлекалась в эти дни? — Рикки пожал своими французскими плечами, но выражение его

лица давало понять, что он шутит. — Я уж начал думать, что ты забыла обо мне.

— Если бы.

Фелисити сделала паузу, чтобы поблагодарить официантку, которая вернулась с горячими напитками на подносе и приняла заказ. Она заказала острый блинчик для себя и выбрала что-то для него, не дожидаясь одобрения.

Он бы поспорил, если бы в его завтраке не упоминалось слово стейк. Но слишком любил мясо, поэтому придержал свои возражения на данный момент.

Успокоившись, Спар сделал плоток своего «черного», который оказался большой чашкой кофе. Он слышал о напитке, но ему никогда не приходилось его пробовать.

Спар нашел горький, землистый вкус необычным, но приятным. Поймав взгляд другого мужчины, следивший за ним, просто поднял бровь и стал ждать.

— Он не разговаривает? — спросил Рикки, адресовав свой вопрос Фелисити, не продолжая смотреть на Спара. — Честно говоря, то, как он пялится, меня пугает.

Спар взглянул на девушку, которая просто закатила глаза и допила свой напиток прежде, чем ответить.

— Я говорю, когда мне есть что сказать. Тебя я не знаю, поэтому считаю, что мои мысли ты не должен слышать.

На мгновение повисла тишина, а затем Рикки запрокинул голову и рассмеялся.

— Пусть я дважды буду проклят, Фил, но считаю, ты действительно нашла в этом мире кого-то с еще худшим характером, чем у тебя.

Даже не знаю, кого мне жаль больше.

— Можешь приберечь жалость и ответить на пару вопросов, — отрезала девушка.

Рикки откинулся назад и позволил официантке поставить тарелки Спара и Фелисити, а затем забрал свою.

Он обхватил ладонями свою только что вновь наполненную чашку и кивнул им.

— Спрашивай, мой друг. Я весь во внимании.

— Итак, расскажи мне, что произошло прошлой ночью. В аббатстве.

Спар наколол на вилку кусочек стейка и яйца и отравил в рот. Пережевывая, он наблюдал за Рикки. Судя по выражению лица, репортер не ожидал такого вопроса от Фелисити.

— В аббатстве? Почему ты интересуешься тем взрывом? Ты делала для них какую-то работу или что-то еще?

Она пожала плечами и разрежала нежный блинчик с ветчиной и Грюйером^[6].

— Просто интересно. В смысле, как часто почти не посещаемый католический монастырь взлетает на воздух, верно?

— Редко.

— И что они говорят об этом?

— Власти? Немного. Взрыв произошел около часа ночи. Тип взрывчатого вещества, личность преступника и возможный мотив все еще не определены.

— А что насчет нанесенного ущерба? Кто-нибудь пострадал?

Глаза мужчины сузились, и он наклонил голову набок, будто пытался увидеть, что стоит за невозмутимыми вопросами Фелисити.

— Почему тебе нужно это знать? — спросил журналист.

— Какая разница? — парировала она.

Спар сжимал вилку, пока не понял, что металл стал мягким и начал гнуться. Он не

понял изменений в тоне Рикки, но Фелисити казалась невозмутимой.

Вместо того чтобы испугаться, она встретила пристальный взгляд сидевшего напротив человека с высоко поднятой головой и полная решимости выпрямилась. Напряженность висела в воздухе в течение долгого, нервного момента.

— Слушай, Фил, — выдохнув, произнес Рикки, наконец, сдавшись. — Я знаком с тобой очень давно и знаю тебя, поэтому уверен, что ты не из тех девчонок, которые закладывают бомбы в аббатствах. Хотя бы потому, что даже идея уничтожения шедевров архитектуры и витражей слишком задела бы твои чувства, чтобы даже предположить такое. Но, — продолжил он, подняв руку, чтобы указать на нее через стол, — ты задаешь такие вопросы, словно относишься к злоумышленникам, и кто-то другой мог бы подумать, что ты разнюхиваешь о том, что сама совершила, так?

Фелисити спокойно кивнула.

— Поэтому я не спрашиваю кого-то другого, Рикки. Я задаю тебе эти вопросы. Ты знаешь, что пострадало? Я слышала, что взрыв произошел в помещении, которое использовали как склад, поэтому предположила, что в то время там никого не было.

«У нее был талант к обману», — признал Спар. Ни выражением лица, ни тоном она не раскрыла то, что ее наводящий вопрос — дезинформация.

— Они до сих пор оценивают ущерб. — Журналист допил свой кофе и отодвинул кружку. — Бомба взорвалась в отдельно стоящем здании, которое пустовало. В нем хранили несколько недавно приобретенных произведений для музея аббатства, включая, по крайней мере, одну довольно большую статую, которую планировалось поставить в саду. Похоже, что она не подлежит восстановлению, поскольку, как я слышал, скульптуру вряд ли бы упустили из вида, если бы ее не разорвало в клочья.

— И это все? — настойчиво спросила Фелисити. Спар уловил то, как сильно ее пальцы сжали чашку, но голос не выдал напряжения.

— Об этом я не должен рассказывать тебе, Фил, потому что полиция не афишировала данный факт, и никто за пределами департамента, как предполагается, не знает. — Он загадочно усмехнулся. — Ну, за пределами департамента и тех из нас, у кого есть действительно хорошие источники. — Пояснил репортер. — Это здание было пустым, но спасатели все-таки нашли человека под обломками. Мужчину. Они думают, что, скорее всего, именно он и виновник всего, и что-то пошло не так, когда злоумышленник устанавливал детонатор. Поэтому взрыв произошел до того, как он смог уйти.

Фелисити кивнула, но ни один мускул на ее лице не шевельнулся.

— Вау. Он был мертв? Или сумел выжить?

Рикки изучал ее мгновение, до того как подняться с места.

— В четыре утра был жив. Именно тогда они откопали его и транспортировали в Монреаль Дженерал.

Он натянул свое пальто и пристально посмотрел на Фелисити.

— Не знаю, почему ты стремишься знать это, Фил, и не уверен, что хочу услышать ответ. Но, это будет стоить тебе больше, чем чашка кофе. Тебе придется оплатить мой завтрак.

Репортер развернулся и ушел, не сказав больше ни слова.

Спар снова посмотрел на Фелисити, ожидая увидеть, как теперь она расслабляется, после получения ответа на свой вопрос.

Даже зная, что ночной выжил во время взрыва прошлой ночью и его отвезли в

больницу, он, скорее всего, ранен достаточно серьезно, чтобы не представлять непосредственной угрозы.

Так почему же Фелисити все еще выглядит расстроенной? Должен ли он вернуть этого Рикки и заставить его принести извинения?

Впервые Спар понял, что ее настроение влияет на него. По какой-то причине, чувства девушки находили отклик в нем. В его эмоциях. Из-за того, что она ощущала себя несчастной, он тоже чувствовал печаль.

Настолько сильную, что стал гипнотизировать взглядом выход из кафе, намереваясь последовать за недавно вышедшим репортером. И отделать того.

Поймав его взгляд, Фелисити покачала головой и придвинула ему тарелку.

— Доедай. Монреаль Дженерал — это местный центр травматологии, и, хотя, есть шанс, что наш маленький псих слишком покалечен, чтобы уйти и рассказать своим приятелям, приносящим в жертву коз, обо мне, но хочу удостовериться в этом. Когда мы здесь закончим, то отправимся в Маунт Роял, чтобы проверить.

Спар неохотно повернулся к своему завтраку. Стейк действительно оказался очень вкусным.

— Я не верю, что ритуальное убийство скота является определяющей характеристикой Общества, — заметил он, надеясь отвлечь девушку от ее мыслей. — Кровавая магия — это, безусловно, один из способов поднять демонов, но у меня сложилось впечатление, что в современных городах трудно купить крупных животных.

Взгляд, которым она посмотрела на него, Спар не назвал бы беззаботным... она, казалось, полагала, что он тоже потерял рассудок... но, по крайней мере, уже не так сильно сжимала чашку.

— Это была фигура речи, Твердолобый, — сказала она, поднимая свой кофе.

— Я просто имела ввиду, что если нам действительно повезет, я, возможно, смогу ускользнуть из-под радара ночных, когда ты появишься и устроишь хорошую драку. Для начала, я с радостью забуду все произошедшее.

Спар же знал одно: не существует ни одного заклятия, наложенного светом или тьмой, которое могло заставить его забыть Фелисити Шалтис. Она останется в его мыслях и памяти на несколько следующих тысячелетий.

Это мысль заставила его опуститься на свое место. Он напоминал себе, пока опустошал свою тарелку, что она всего лишь человек.

Люди жили не достаточно долго, чтобы запечатлеться в сознании Стража. Почему в этот раз он должен чувствовать, что все будет по-другому?

Спар твердил себе, что такого не произойдет. Ему следует помнить, что какие бы странные ощущения, Фелисити не всколыхнула в нем, она просто была очередным хрупким человечком, нуждающимся в его защите от Тьмы.

Он отразит угрозу, нависшую над ней, поможет своим братьям убедиться, что Семь никогда не покинут своих тюрем, и затем возвратится к своему отдыху, до следующего раза, когда зло решит атаковать.

Все просто.

Вот так.

Больница Монреаль Дженерал... l'Hôpital général de Montréal... расположилась на вершине Маунт Роял, между Сидар авеню и Кот-де-Нэж.

Фил была здесь всего два раза в жизни, когда посещала друга, попавшего в ужасную автомобильную аварию. Однако она помнила, как добраться до отделения неотложной помощи, и куда обратиться за информацией.

Фил решительно направилась туда, а ее телохранитель с каменным лицом нависал позади, словно тень. Она чувствовала его взгляд на себе так же, как при выходе из кафе.

Другой бы подумал, что ему досадно смотреть на нее сейчас, но нет. Он просто продолжал наблюдать, ожидая, что она выкинет какой-то фокус или что-то вроде того. Фил чувствовала, что ей следует носить туфли для чечетки, на всякий случай.

«Это не справедливо», - по себя призналась она. Он пристально следил за ней, потому что думал, что Фил может сорваться в любой момент, и, откровенно говоря, его нельзя винить. Она чувствовала такое напряжение, что практически вибрировала.

До тех пор, пока Фил не получила известие о том, что сектант выжил при взрыве, то не понимала, как сильно рассчитывала, что этого не произойдет.

О, она могла дать этому рациональное объяснение. В конце концов, парень, который бросается заклинаниями в незнакомых людей, как мячом для игры в софтбол, мог иметь пару трюков в рукаве для защиты от маленькой бомбы, или что он там использовал. Но это казалось притянутым за уши.

По всем законам физики, которые понимала Фил, люди, стоящие в радиусе поражения бомб, не выживали, чтобы рассказать об этом. Периодически. Они заканчивали тем, что ведущие с серьезными лицами показывали их в вечерних новостях, и больше не представляли угрозы для безопасности других.

Она так сильно хотела, чтобы все закончилось. Если член культа погиб, секрет ее уникальности умер вместе с ним. Тогда у Спара не осталось бы никаких оснований, чтобы слоняться вокруг и защищать ее, и Фил сможет отослать его, чтобы продолжать знакомую жизнь.

Что если Элла хочет, чтобы она присоединилась к их маленькой Лиге Справедливости? Ничего не обязывает Фил это сделать. Просто потому что она видела в людях то, что никто не мог, не означает, что у нее есть способности как у Эллы.

Фил не могла воздействовать на других, как ее подруга. Способность видеть ауры делала ее пригодной в лучшем случае для разведки, но не могла превратить в полноценного бойца с силами Тьмы.

И, кстати, ей разве не нужна минутка или дюжина, чтобы принять тот факт, что в мире существуют вещи, которые можно буквально квалифицировать как силы Тьмы? Šūdas^[7].

Знакомое ругательство не заставило ее чувствовать себя лучше, а благодаря современным приспособлениям она даже не могла сильно хлопнуть дверью неотложной помощи. Что же нужно сделать девушке, чтобы выпустить пар?

Фил разочаровано выдохнула и замедлила шаг, чтобы Спар поравнялся с ней. Протянув руку, она схватила рукав его рубашки и потянула, привлекая внимание.

— Послушай, — пробормотала Фил. Она бы перешла на шепот, но если мужчина рядом с ней не встанет на колени, то слова не достигнут его ушей. — Позволь мне вести разговор.

Сомневаюсь, что кто-то купится на то, что мы его семья, поэтому есть шанс, что не получится войти и увидеть его. Но я могла бы выведать информацию о его состоянии. Если он в сознании и может говорить, мы придумаем другой план, чтобы до него добраться.

Спар посмотрел на нее сверху вниз своими темными, таинственными глазами и коротко кивнул.

— Хорошо. Ты говоришь. Я планирую.

Ладно, она не это имела в виду, но побеспокойтесь об этом позже.

— Подожди здесь. Ты можешь наблюдать за мной, но лучше, я сделаю все в одиночку.

Принимая слегка измотанный и рассеянный вид, Фил подошла к стойке информации и обратилась к женщине среднего возраста в кресле на колесиках, вежливо и ненавязчиво улыбнувшись.

— Привет, я помощник мистера Раклу. У вас есть новости для него? Извините, что опоздала, но движение в гору было перекрыто.

Все, что ей досталось в ответ, это пустой взгляд, а затем женщина нахмурилась:

— Простите, чем я могу вам помочь?

Фил сдержала свою вспыльчивость и изменила подход. Она быстро взглянула на табличку с именем женщины и выпрямила спину. Когда имеешь дело с главным секретарем, лучше всего стоять по струнке.

— Мари-Люси, excuse-moi^[8], - ее тон выражал одновременно застенчивость, компетентность и франкоязычное товарищество. — Позвольте извиниться. Меня зовут Филомена Шульц, я работаю на Ричарда Раклу из «Газетт». Он хочет опубликовать свежие новости в веб-газете о вчерашнем взрыве в аббатстве. Поэтому попросил меня связаться с его знакомым здесь, и я подумала, что это вы. Предполагаю, что вы та, кто даст мне информацию о пострадавшем, доставленном сюда.

Фил посмотрела на нее и открыла свои чувства. Она увидела бледно-персиковую основу ауры женщины, которая мигала от раздражения, любопытства, гордости и сомнений. Казалось, секретарь хотела ей помочь, но вспомнила свои должностные правила.

— Извините, — наконец, ответила Мари-Люси с улыбкой сожаления на лице. — Я не вправе делиться информацией о состоянии пациентов ни с кем, кроме членов семьи. Если «Газетт» пожелает, я могу дать вам номер нашего представителя по связям с общественностью. Возможно, он сможет оказать вам больше помощи.

Фил подавила волну нетерпения и изобразила сочувствие.

— Поверьте мне, я понимаю. Не хочу, чтобы у вас были неприятности, но если я не предоставлю эту информацию мистери Раклу через десять минут, мне придется подносить пончики весь следующий год. Позвольте мне выполнить свою работу. Мы слышали, что его состояние оценивалось как критическое. Если это не изменилось, я просто поставлю галочку в своем отчете. В этом вы можете помочь?

Нерешительность окрасила ауру женщины в темно-пурпурный лишь на мгновение, прежде чем сострадание победило. Она повернулась к экрану своего компьютера и набрала команду.

Секундой позже она пробежалась взглядом по записям, и Фил не нужно было читать ее, чтобы понять то, что узнала женщина. Все цвета ауры поблекли, и это сказало обо всем, что нужно.

— Простите, мисс, — женщина заикалась, — но у меня действительно будут неприятности, если я хоть что-нибудь вам скажу. Пожалуйста, позвоните мистери Шарбоне в

центр по связям с общественностью. Вот его номер.

Фил приняла визитку, которую ей с улыбкой протянула Мари-Люси.

— Понятно. И спасибо за вашу помощь. Я прямо сейчас ему позвоню. До свидания.

Она развернулась и направилась к Спару, засовывая визитку в карман, чтобы о ней забыть.

Не собираясь никому звонить, Фил с легкостью вышла из больницы, чтобы под ярким солнечным светом рассказать своему телохранителю все, что ему нужно знать.

Раз оккультист мертв... а значит, неспособен говорить... она больше не нуждается в его услугах.

Когда Фил ответила на его пытливый взгляд широкой улыбкой, то смогла заметить растерянность по его насупленным бровям. Это не имело значения. Теперь она свободна, делать, что захочет, разве это не лучше часового массажа?

Это было банально, но Фил не смогла удержаться, чтобы не захлопать в ладоши, ликуя.

— Динь-дон ведьма умерла, — наполовину сказала, наполовину пропела она. — Наш чокнутый изготовитель бомб не выжил, несмотря, на медицинское вмешательство. Негодяй мертв, а это значит, что, даже если он хотел рассказать Обществу обо мне, ему не представится такой шанс. Я, наконец-то, могу...

Колющая боль в левой ладони прервала ее, заставив зашипеть и посмотреть вниз в замешательстве. Прежде, чем Фил смогла сосредоточиться хотя бы на своей собственной коже, боль перешла через руку в ее грудь, сдавливая так, словно у нее случился внезапный, обширный инфаркт.

В то же время она почувствовала, как будто острие раскаленного добела кинжала грубо вонзили в ее мозг как раз позади глаз.

В агонии Фил свалилась на тротуар. Отдаленно она слышала голос Спара, зовущего ее и требующего ответа, но не могла говорить.

А затем мир почернел, и она стала неспособна делать вообще ничего.

* * *

Холодно... так холодно... ощущение проникло под ее одежду, кожу, мышцы. Оно обосновалось в ее костях, выедавая их изнутри, как раковая опухоль. Она понимала, что, как и рак, это может быть смертельно, но также знала, что бежать некуда.

Холод поглотил ее. Фил жила в нем столько же, сколько он жил в ней. В холоде была тьма. Тьма. Глубокая и густая, которая окружила ее, ослепила, схватила и понесла, пока она не почувствовала, как будто плывет в бесконечном черном океане. Ничего не существовало, кроме Тьмы, и Фил начала паниковать. Ей необходимо сбежать, освободиться от пустоты.

По крайней мере, нужно что-то там найти, что-то иное, чем небытие, за что можно зацепиться, что сможет заверить ее, что она сама все еще существует. Фил начала бороться с властью Тьмы, которая окружала и цеплялась за нее, как лес водорослей, постоянно хватающих и цепляющихся, обвилась вокруг запястья и лодыжки. Тьма тащила, заставляя скользить и пытаясь затянуть ее глубже, куда-то вниз, где ничего невозможно разглядеть.

«Не могу двигаться. Не могу дышать. Не могу сбежать». Перепуганная и решительная, она собрала все силы для борьбы, пока она не почувствовала усик, который заставил ее остановиться. Лучик света, слабый и красный, но все же различимый, показался вдали.

Вспышка надежды наполнила ее энергией, и Фил бросилась к слабому свету. Она чувствовала себя побитой, поверженной, поднятой черной волной из самой Тьмы, чтобы та выплюнула ее, словно болезнь, в жестокий, неумолимый внешний мир.

Она тяжело приземлилась. Земля на ощупь показалась каменной и грубой. После падения у Фил, скорее всего, останутся синяки. На самом деле, все ее тело ощущалось как один большой синяк, словно ее били и бросали, и на мгновение она замерла, стараясь отдышаться. Затем открыла глаза и попыталась приспособиться к свету.

Его было мало, но по сравнению с пустотой, из которой она только что сбежала, даже небольшого количества оказалось достаточно, чтобы ослепить. Спустя мгновение, Фил заморгала и осмотрела местность.

Фил частично лежала, частично сидела на грязном бетонном полу, сзади и сбоку плотно прижимаясь к шлакоблочным стенам. Комната походила на какой-то подвал, и короткий вдох подтвердил впечатление.

Пахло сыростью и землей, запах сухого гниения перемешался с насыщенной вонью ладана и слабым зловонием серы. Она не видела окон; единственным источником света оказался открытый костер в круге камней. Он горел в центре пещероподобного пространства, и его едва хватило, чтобы осветить небольшой круг вокруг.

Остальные стены оказались скрыты в тени. На фоне пламени виднелся силуэт. Высокая фигура в тяжелых одеждах стояла неподвижно, его внимание было сосредоточено на огне у ног. Он молчал и не двигался, но так или иначе от его присутствия мурашки побежали по ее коже.

Раскрыв чувства, Фил попыталась рассмотреть его ауру, но смогла увидеть только темноту. Ореол, который обычно окружал каждое живое существо, отсутствовал. Она осознала, что в этом человеке нет света, как будто он поглощал его, вместо того, чтобы испускать. Не желая привлекать к себе внимание, Фил замерла на месте и просто наблюдала. Долгие мгновения не было слышно ни звука, только шипение и треск огня, не было заметно никакого движение, только мерцание пламени.

Прежде чем прийти в себя от подобия транса, человек опустил голову, уставившись в пылающий костер. Чем дальше она находилась в его присутствии, тем сильнее становилось желание уйти, убежать. Фил пыталась вглядываться в темноту в поисках спасения, но там ничего не было.

Она чувствовала себя в ловушке, и давление внутри нее продолжало расти. «Идти. Сейчас же. Бежать. Быстро». Ее мышцы были напряжены, когда Фил начала подниматься.

Она понятия не имела, куда ей идти, но все внутри нее кричало, что нельзя здесь оставаться. Не стоит больше ждать. Фил словно балансировала на краю пропасти, не было слышно... ни звука, но появились ощущения, будто в вакууме подул ветер, а затем раздался громогласный треск, и появилась внезапная вспышка.

Небольшой огонь просто мерцал, а затем взревел. Столп пламени увеличился с одного фута до пятнадцати в высоту одним рывком.

Когда огонь поднялся, она почувствовала запах обугленной древесины, языки костра лизали балки, тянувшиеся вдоль потолка. Она услышала слово, иностранное, гортанное и полное ярости, прямо, перед тем как Темнота добралась до нее, и мир исчез. Фил надеялась, что вновь вернется на улицы Монреаля, но не тут-то было. Вместо этого она смотрела сверху на кровать в комнате, полной звуковых сигналов и писка и мягкого гула.

Это была больница, но вместо того, чтобы стоять у стены, как это было в подвале, на

этот раз у нее появилось чувство, словно она парит в углу под самым потолком и с высоты наблюдает за неподвижной фигурой, лежащей на белоснежной простыни. Несмотря, на туго обмотанные бинты и массу проводов и трубок, ведущих от аппаратов к неподвижному телу, Фил сразу его узнала. Генри.

Сумасшедший оккультист-взрыватель. Он выжил при взрыве, но не без последствий. Ожоги обезобразили его кожу там, где она могла разглядеть не забинтованные участки, а порезы и синяки превратили лицо в уродливую радугу оттенков от черного и красного до болезненно-желтого и зеленого.

От человека осталось месиво, к которому подключили так много мониторов, что Фил была не уверена, спал он или просто оставался без сознания. Она смотрела на это, казалось, несколько часов, не в силах пошевелиться, не в силах уйти, просто паря и наблюдая, как аппараты сигналили в такт его сердцу.

Свет лился из неглубокой ниши над изголовьем кровати, но в остальном, помещение оставалось в тени, и Фил продолжала ждать. Она не знала, зачем оказалась там, и уж тем более не понимала, почему парит под потолком, но, спустя продолжительное время, что-то в углу привлекло ее внимание.

Казалось, там начало проявляться темное пятно, становясь гуще и темнее, пока не стало выглядеть почти твердым. Каким-то образом, Фил знала, что если дотронуться до него, на ощупь пятно будет именно таким, но даже от мысли о прикосновении ее желудок скрутило.

Когда оно шевельнулось, она поняла почему. Из темноты... то есть Тьмы... вышла фигура из подвала. По-прежнему одетая в накидку и небытие, она шагнула вперед, к краю кровати, и положила бледные, узкие ладони на лоб Генри.

С отчаянным вздохом тело в койке содрогнулось и выгнулось, как будто его ударили электрошокером, и глаза распахнулись, чтобы разглядеть посетителя.

— Милосердия... — голос Генри звучал сдавленно и едва слышно, словно ему трудно дышать, и слова вырывали из него какой-то неистовой силой. — Иерофант... Страж...

— Да... — зашипела фигура в мантии, и со своего наблюдательного пункта она увидела, как его рот скривился в подобие улыбки. — Страж выжил, а ты не справился, Генри. Господин не принимает провалы, как и я.

— Девушка. Иерофант... — удалось скорее простонать, чем произнести слово Генри. — Магия... Хранитель...

Человек в черном напрягся, его глаза сузились.

— Хранитель здесь? Один из тех, которых я не заметил? Покажи мне. — Вторая рука легла на висок Генри. И снова все выглядело так, как будто Генри охватила сильная судорога.

Посетитель откинул голову назад, и Фил смогла увидеть его слепой, невидящий взгляд, устремленный в потолок. Что бы там не показывал ему Генри, никто другой не мог это увидеть. Минуту спустя, посетитель вздрогнул, и его взгляд упал обратно на мужчину в постели.

— Девушка с магией — это действительно интересная перспектива, но отметил ли ты ее с намерением подарить господину или завоевать для служения ему — неважно. Твои братья разберутся с ней. Факт, который важен... ты все-таки провалился, Генри. А неудача всегда должна быть наказана. — Посетитель снова улыбнулся, и желчь поднялась к ее горлу при виде этого. На его лице читалось зло, чистое и неразбавленное, и оно радовалось от понимания, что скоро покорится. Он поднял одну руку, оставляя первую, прижатой ко лбу

Генри.

Второй рукой посетитель провел по израненной груди человека, и, когда заговорил, отвратительные звуки резанули ей по ушам, словно кинжалы вонзились глубоко в мозг. Вспыхнула чернота, если это можно так назвать, чего она никогда не видела до пробуждения в подвале, и похоже Генри это не принесет ничего хорошего.

Тьма зависла на мгновение, прежде чем погрузиться обратно в самую себя, как стая голодных гончих, накинувшихся на свежее мясо. Генри вскрикнул, высоко, звонко и пронзительно.

Звук заставил ее кости загрохотать, затем резко замереть, что стал слышен только звук, что издавали мониторы, которые начали пищать и гудеть, предупреждая. Это не поможет.

Генри мертв. Она поняла это, как только фигура посетителя снова растворилась в тени, а Фил болезненно отбросило обратно в свое тело.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Фелисити, — ревел Спар над ее ухом.

Прямо ей в ухо, как она поняла, потому что в нем начало звенеть из-за его громкого рева. Фил попыталась крикнуть, чтобы Страж заткнулся, но смогла только слабо заскулить.

Она нахмурилась. На нее это совсем не похоже.

Яркое солнце обожгло ее веки, и она подняла их, чтобы, прищурившись, взглянуть на сердитое лицо горгульи, которое начало сереть. Судя по ощущениям жесткого асфальта под ней и гудения людей вокруг, Фил решила, что будет очень плохо, если он примет свою естественную форму прямо сейчас. Она сосредоточилась, чтобы получилось что-то сказать, и попыталась снова.

— Успокойся, — прохрипела Фил. — Я в порядке. Ты можешь прекратить орать на меня.

— В порядке? Как ты можешь быть в порядке! Ты упала в обморок! Прямо передо мной. В один момент ты спокойно шла из больницы, а в следующий рухнула, будто сраженная ударом врага. Ты не можешь быть в порядке.

— Мисс? — услышала она и неохотно посмотрела через плечо Спара, чтобы увидеть заинтересованного охранника, хмуро смотрящего на нее сверху вниз. — Мисс, вы больны? Нам стоит вернуться внутрь, чтобы кто-нибудь осмотрел вас?

Какие благие намерения толкнули незнакомца спросить, нужен ли ей врач. Как будто если ей что-нибудь вколют и объявят физически здоровой, но останется метка демона и склонность к телепатическим видениям, сделают этот день лучше.

— Нет, спасибо, со мной, на самом деле, все прекрасно, — Фил заставила себя улыбнуться, и приняла сидячее положение, ударив Спара по рукам, когда он попытались ее остановить. — Я, э, просто забыла позавтракать, вот и все. У меня гипогликемия, так что, наверное, уровень сахара в крови просто резко упал. Это научит меня просыпаться, верно?

Ее легкий смех, который для Фил прозвучал неубедительно, казался, заверил охранника. Его обеспокоенное лицо разгладилось от осторожной улыбки.

— А, понятно. Тогда ладно. Возможно, нам все равно стоит зайти внутрь. Медсестры, по крайней мере, могут дать вам стакан сока или что-то вроде этого.

Она сильно ущипнула Спара, когда увидела, что этот большой идиот, казалось, собирался согласиться с незнакомцем. Страж посмотрел на нее сверху вниз, но Фил проигнорировала его неудовольствие. Затем встала на ноги, используя тело горгульи. Он

помог ей, постоянно поддерживая.

Не прикасаясь к ней, его руки соединились в кольцо, готовые поймать Фил в случае еще одного падения. Может быть, по-рыцарски, но излишне. Ей надо было, чтобы он прекратил притворяться, словно она серьезно больна, и они могли бы убраться отсюда и обсудить видение.

— Спасибо, но обо мне позаботиться мой парень. У нас есть запас закусок в машине. Я быстро закину что-нибудь, и мы отправимся домой, чтобы нормально поесть. Правда, дорогой?

Натянув светящуюся улыбку, Фил обняла одной рукой талию Спара и прислонилась к его широкой груди. Она прижалась к нему, как к любовнику, умоляя подыграть.

Девушка увидела, как замешательство и сомнения промелькнули в его темных глазах, прежде чем почувствовала, как он расслабился. Спар притянул ее ближе и кивнул, с улыбкой обращаясь к больничному охраннику:

— Действительно, я хорошо позабочусь о своей... девушке, сэр, — прогрохотал он, и хотя Спар не смотрел на нее, Фил решила, что в его глазах промелькнуло озорство. — На самом деле, после того как покормлю ее, то удостоверюсь, что она не встанет на ноги остальную часть дня.

Охранник усмехнулся и полностью расслабился, поднимая руку, чтобы помахать на прощание.

— Рад это слышать. Только будьте осторожны, слышите. В следующий раз убедитесь, что она поела, прежде чем выйти из дома.

Он повернулся и зашагал к своему посту, и Фил попыталась вывернуться из объятий Спара. Вместо того чтобы отпустить, его рука крепче обвилась вокруг нее, и когда мужчина посмотрел на Фил сверху вниз, намек на озорство в его взгляде больше напоминал искры притяжения.

Ее живот сжался прежде, чем она смогла предупредить саму себя, что нельзя позволять влечению к этому мужчине обосноваться в ее сознании.

Она блокировала все попытки Спара всколыхнуть в ней чувства в течение большей части дня, и, черт побери, у нее хорошо получалось. Но теперь оказалось, что стоит ему только посмотреть на Фил с крохотной толикой интереса, и тяжелый труд пошел насмарку.

Когда его взгляд упал на ее губы, ей пришлось подавить стон. Конечно, Спар заметил это, потому что она увидела, как губы Стража изогнулись, прежде чем от звука его голоса по ее рукам побежали мурашки.

— Если мы хотим убедить охранника, что мы... как ты сказала? «парень» и «девушка», — пробормотал он, — мы должны продемонстрировать типичную человеческую привязанность, разве нет?

Фил хотела сказать ему, что в этом нет необходимости. Хотя на самом деле ей казалось, что это была очень, очень плохая идея, но он даже не дал ей шанса возразить.

Подавляя ее своей властной натурой, Спар развернул Фил так, что она оказалась лицом к нему, и мягко привлек к себе. У нее оставалось мгновение, чтобы поразиться тому, как он заставил ее чувствовать себя такой маленькой по сравнению с его массивным телом, прежде чем склонил голову.

Его поцелуй полностью затмил ее разум, быстрее, чем видение.

В этот раз Фил точно знала, где находится. Ее окутало тепло Спара. Его широкая грудь прижалась к ее, руки обняли, а ноги раздвинулись достаточно широко, чтобы она ощутила

себя укачанной в колыбели его близости.

Каждый дюйм тела Стража был покрыт тугими и твердыми, как камень, мышцами, поэтому Фил ожидала, что рот окажется таким же.

Вау, как она ошибалась.

Его губы скользили по ее, нежно и быстро, словно бабочка, пробовавшая нектар. Он прикоснулся своим ртом к ее один раз, второй, прежде чем нашел нужный угол и погрузился языком внутрь, убивая.

Ощущение было такое, будто она получила удар в солнечное сплетение, и воздух покинул ее легкие, а его место заняли запах и вкус его поцелуя. Спар жадно пил из нее, ловко и умело.

Страж ласкал ее рот своим языком, прикусывая зубами, пожирая, вызывая в ней ответный голод. Фил отчаянно вцепилась в его рубашку, будто в якорь, боясь утонуть в водовороте ощущений.

Казалось, поцелуй длился вечность, Спар завладел ею, лишь прижавшись к ней губами. Она готова была поверить, что мир остановился, пока до ее слуха не донесся пронзительный свист.

Фил вывернулась из его объятий и, отступив, сжала руки в кулаки. Это единственный способ, чтобы не прикоснуться пальцами к своим припухшим и подрагивающим губам. Черт его побери.

Она не собиралась становиться его игрушкой, пока он не спит. Если ему нужна подружка на время работы, пусть поищет другую.

Сунув руки в карманы куртки, Фил достала ключи от байка и оставила их на них.

— Думаю, что для нас важно оставаться вместе, Ромео, так что в следующий раз постарайся держать свои губы подальше от моих. А теперь поехали. Вернемся ко мне, и я расскажу тебе, где побывала, когда решила вздремнуть пару минут назад.

Она повернулась и направилась к больничной стоянке, зная, что Спар последует за ней. Естественно, его ноги были чертовски длинными, и за один шаг он догнал ее и стал идти рядом.

— Что ты имеешь в виду? — потребовал Страж. — Ты нигде не была, маленький человечек. Я поймал тебя, когда ты падала, и держал почти пять минут, пока ты лежала без сознания на земле.

— Да, ну, я не была без сознания. — Фил села на мотоцикл и включила зажигание, ожидая пока Спар устроится позади нее. — У меня случилось видение?

Она почувствовала, как он напрягся, прежде чем услышала его рычание.

— Видение?

— Да. Я наблюдала за смертью Генри, но это случилось не из-за полученных травм. Думаю, кто-то из общества убил его, но прежде они узнали обо мне.

— Это очень важная новость, Фелисити. Это подтверждает, что ты находишься в серьезной опасности. Если ночные знают о твоём существовании, то не остановятся, пока не найдут тебя.

— Меня зовут Фил, но да, начинаю понимать это. Но дело в том, что я видела еще кое-кого.

— Расскажи мне.

— Думаю, я столкнулась с Иерофантом.

Спар не собирался выпускать Фелисити из поля зрения. Ни на мгновение. И услышанная история о ее видении только усилила его решимость. У него не было сомнений в том, что увиденное ею произошло на самом деле.

Он знал, как работает Общество, и понимал, что узнав о Фелисити, ее силах и связи с Стражем, ночные не остановятся, пока не уничтожат ее.

Спар боялся, что они уже сделали первый шаг.

Его человек была очень тихой с момента как вернулась из госпиталя и поделилась своей историей. С тех пор как она рассказала о видении, то произнесла едва ли несколько слов.

Фелисити выглядела расстроенной, что казалось вполне закономерным, учитывая увиденное и то, чему они оба стали свидетелями по возвращении домой.

Ее отметина потемнела.

Сразу после взрыва Фелисити показала руку Спару и своим друзьям, и все они видели лишь легкое покраснение на бледной коже.

На следующее утро в ванной стало заметно, что метка покраснела и походила теперь на ожог. Этим вечером, после видения, не осталось никаких сомнений, что это метка Ултора.

Очертания символа потемнели до ржаво-коричневого цвета, как словно татуировка, нанесенная хной, и Спар видел, как Фил неосознанно потирает ее, когда отвлекается.

Она утверждала, что метка не причиняет ей боль, но Спар знал, что боль может иметь различные формы, и не все из них физические.

Он был близко знаком с Тьмой и понимал, что даже крупца ее могла угнетать человеческую душу, как якорь, таща в бездну. Особенно душу такую чистую и сладкую, как у Фелисити.

Эта мысль заставила его улыбнуться, даже почти захихикать.

Он был знаком со своей маленькой женщиной едва ли сутки, но знал, что некоторые из ее знакомых описали Фил ее как сладкую.

Снаружи была колючей, как чертополох, со своим острым языком и держала дистанцию. Спар уже видел, как она использовала юмор в качестве щита против страха и брюзжала, когда чувствовала себя не уверенной или сбитой с толку.

Казалось, Фелисити довольно много на него рычит.

Его удивляло то, что она заставляла его ощущать себя выбитым из колеи. Это чувство ему не нравилось.

Долг обязывал его верить, что он испытывал к ней не больше, чем защитный инстинкт, который любой Страж естественно ощущал к человечеству, к расе, вызвавшей его, но это не объяснило, как чувства Спара перерастали от желания защищать до симпатии каждый раз, когда она находилась поблизости.

Он и сам не подозревал, что способен на такие эмоции. Стражей создавали как воинов ради единственной цели.

Не только само предназначение бороться с Тьмой, решая этим все другие проблемы, но и природа бойцов, закаленных и замкнутых, сделали их не способными испытывать подобные нежные чувства.

Им были присущи приверженность своему делу, верность своим братьям и глубокая ненависть к злу, для того чтобы выполнять свою работу, но ничто не говорило о том, что они

должны уметь заботиться, особенно об определенном человеке.

Выживание человеческого вида — вот что имело значение в балансе между Светом и Тьмой, а не жизнь каждого отдельного лица. Потери неизбежны, как и любой солдат, он знал это, поэтому привязанность к человеку обрекала на боль.

Как ни крути, что толку заботиться о человеческой женщине? Даже если Стражи одержат победу, Общество будет сражено, а Семь навсегда останутся в тюрьме, отсутствие угрозы означает, что Спар и его братья вернутся в свой сон.

Он и его сердце обернуться в камень до следующей угрозы Тьмы, а человек, как Фелисити, будет жить, стареть, и умереть, потерянная для него навсегда.

Логика диктует, что Страж не должен чувствовать. Это единственный способ, гарантирующий исполнение его долга, как обязывает Свет.

Но знание этого не делало задачу устоять перед Фелисити легче, особенно теперь, когда Спар узнал ее вкус. Он вспоминал их поцелуй по тысяче раз в час с того момента.

Жест был порывом, маленькой мстостью женщине, которая напугала его до глубины души, когда упала в обморок у его ног. Спар хотел вывести ее из себя, возможно, смутить тем, что ее облапал мужчина на людях, на глазах у незнакомцев, проходящих мимо оживленной больницы.

Но в тот миг, когда он прикоснулся к ней, каким-то образом его первоначальные намерения растворились, растаяли в глубоком, насыщенном вкусе Фелисити.

Вкусе сладком, как мед, и пряном, как густой глинтвейн. Она уничтожила его рассудок одним прикосновением, и он знал, что сам виноват в этом падении.

Спар ощутил на вкус ее шок, а затем жар ее капитуляции, пока наслаждался ее нежным ртом. Тело Фелисити фантастически подходило к его, и отклик пробудил огонь, струящийся по его венам.

Прежде чем она отстранилась, он был готов наплевать на всю эту публику и нырнуть еще глубже в ее тепло.

Ее отказ, скорее всего, уберег их от немалых неприятностей, в том числе и вероятного ареста за непристойное поведение в общественном месте. Спар потерял рассудок, слишком далеко зашел, чтобы волноваться об этом. Он был готов взмыть с ней в небо, если бы это дало возможность продолжать ее обнимать. Спар испытывал абсолютный восторг.

Так почему с ней не произошло того же?

Спар нахмурился и поерзал на своем месте в углу. Объект его размышлений перемещалась по помещению, как будто Стража там даже не было, демонстративно не обращая внимания на его присутствие, и ему пришлось признать, что такое отношение раздражало.

Он понимал, что видение встревожило ее, и подозревал, оно пошатнуло решимость выпроводить его через дверь и из ее жизни.

Спар знал, что Фелисити терпит его постоянное присутствие, только потому что реально почувствовала угрозу ночных. Увидев все воочию, еще бы она не почувствовала! Однако, не претворялась, что счастлива от этого.

В течение первого часа после возвращения из больницы Фелисити была поглощена рассказом о своем видении, ответами на вопросы Спара и обсуждением необходимости поделиться информацией с Эллой и Кесом.

То, что Фелисити видела Иерофанта, ставило ее в уникальное положение — рядом с высшими чинами Общества. И не важно, как мало она видела.

Они оба согласились, что необходимо позвонить другому Стражу и его Хранителю, но были вынуждены оставить сообщение, когда никто не ответил.

Спар видел, что она обеспокоена, по тому, как Фелисити застыла на краешке стула, прежде чем подняться и начать вышагивать по комнате.

И потемнение метки лишь добавляло обеспокоенности, пока Спар не спросил, есть ли какой-то способ отвлечь ее от проблем.

На все, что было связано с выходом из безопасности дома, он сразу наложил вето. Спар предпочел бы расположиться в хорошо построенной каменной крепости, но понимал, что это невозможно. По крайней мере, в доме они могут защититься.

Он уже изучил оба этажа и узнал все входы и выходы. Их было слишком много, что ему не понравилось, но, зная их расположение, было проще вычислить, откуда скорее нападет враг.

Спар мог предугадать реакцию Фелисити, включающую в себя повышение голоса, яростную жестикуляцию и множество ругательств, сказанных на языке, который он едва мог распознать. Хотя и учился, слушая Фелисити, когда она выходила из себя.

Они долго спорили, пока Фелисити не заявила, что сбежит, как только Спар отвернется. Хотя он сомневался, что не сможет ее остановить, учитывая, что ей сон нужнее, чем ему.

Она не шутила, говоря, что не потерпит положение заключенной в собственном доме. В итоге, Спару пришлось научиться новому человеческому понятию: компромиссу.

Они сошлись на том, что Фелисити пообещала не покидать помещение, а он расширил область, где можно находиться, включив первый этаж.

Оказалось, что квартира находилась над магазином пожилой четы, выросившей Фелисити. После их смерти, Фелисити унаследовала дом и превратила художественный магазин дедушки в собственную студию.

Спару не понравились высокие окна, выходившие на улицу, но он хотя бы мог сесть между ними и своей подопечной. Что и сделал, едва они оказались в студии, и теперь наблюдал, как маленький человек суетилась, включала освещение, устанавливала подставки и ставила огромный холст на потрепанный, весь в пятнах мольберт.

— Ты художница?

Комната была огромной, заполненной наполовину готовыми произведениями искусства, различными предметами, которые Спар мог бы посчитать орудиями пытки, и парой предметов мебели больше для необходимости, чем для уюта. Низкий голос практически эхом раздался по полупустому помещению.

— И да, и нет, — ответила Фелисити, сосредоточившись на кистях, которые вытирала о тряпку, смоченную в отвратительно воняющей жидкости. — Я рисую, но не этим зарабатываю на жизнь. Реставрирую произведения искусства для музеев и частных коллекционеров. Иногда берусь за рекламу, как делал папа. Точнее дедушка. У него был бизнес по изготовлению плакатов, но такое не для меня. Правда для старых друзей семьи занимаюсь и этим.

После кафе и больницы Фелисити переделалась, и теперь на ней были надеты потрепанные брюки, очень похожие на военные.

От талии до колен их покрывали пятна краски. Спару понимал, зачем она надевает такие штаны, у них много карманов, в которых лежали различные флаконы, бутылочки, тюбики, тряпочки и инструменты.

К штанам Фелисити натянула такую же запятнанную майку, которая когда-то была

черной, а сейчас же приобрела оттенок старого асфальта.

В комнате было тепло, очевидно для комфортной работы, но Спару стало жарко при виде оголенных плеч и рук Фелисити.

И то, как ткань облегла ее фигуру, лишь все усугубляло.

Всякий раз, когда Фелисити поворачивалась, майка задиралась, оголяя кожу живота, и у Спара текли слюнки от желания узнать, такая же на вкус ее кожа, как и губы.

Он поднял глаза на ее лицо, встретился с хмурым взглядом и откашлялся. Нужно отвлечься.

— Ты говорила, что тебя вырастил дедушка, — произнес Спар, подумав, что разговор отвлечет его. — А где родители?

— Бабушка и дедушка. — Она пожалала плечами и начала выдавливать краску на палитру. — Родители были не при делах. Отца я никогда не знала. Он был просто парнем мамы, которая о себе едва могла позаботиться, не то, что обо мне. У нее были проблемы с наркотиками. Отдать меня своим родителям стало лучшим ее решением.

В голосе Фелисити не было горечи, что удивило Спара. Он всегда считал, что люди сильно привязаны к родителям.

— Бабушка и дедушка были замечательными. Они меня вырастили. Я — их дочь, а они — мои родители. У меня было лучшее детство, на которое можно рассчитывать.

— Дедушка научил тебя рисовать?

Фелисити улыбнулась.

— Как и многому другому. Он научил меня рисовать, управлять делом, чинить машины, на самом деле чинить все, где есть мотор. Летом перед моим шестнадцатым днем рождения с кладбища автомобилей он прикатил Tiger. Мы четыре месяца его восстанавливали, чтобы я научилась на нём ездить к моменту получения водительских прав.

Ее голос наполнился нежностью. Спар внезапно обнаружил, что завидует ее дедушке, который занимал огромное место в сердце Фелисити.

— А бабушка научила меня готовить, жульничать в карты и ругаться на литовском.

— Литовском? — Спар покачал головой. — А я все гадал, что это за язык. Я разговариваю на русском и понимал, что в твоём языке не так.

Фелисити улыбнулась, делая мазок черной краски на полотне.

— Да, литовский. Бабушка и дедушка родились в Канаде, но их родители эмигрировали в страну в 20-х годах.

— Кажется, они были замечательными.

— Да. — Она опустила кисть в банку с жидкостью и потянулась за другой кистью. — А ты? У Стражей есть семьи?

Она мельком на него взглянула, но затем сосредоточилась на картине. И уже было видно, что напряжение покидает ее плечи, демонстрируя Спару, как искусство ее успокаивает.

Он обязательно будет приводить ее сюда, пока не минует угроза. Такая отдушина поможет Фелисити справиться со сложившейся ситуацией.

— Моя семья — другие Стражи, — ответил Спар, радуясь, что она захотела побольше узнать о нём. — У меня нет мамы или папы, потому что мы не рождаемся, нас призывают.

— Как это?

— Я не рождался и никогда не был ребенком. Меня призвали в эту реальность.

— Академия, верно?

— Да-а-а-а, — протянул Спар. — На самом деле, каждого из нас призвали, когда над миром нависала громадная опасность, так что мы обязаны быть готовыми к сражению.

— Смею предположить, поэтому ты держишь при себе эти огромные копья?

— Они — прекрасное оружие, хотя некоторые Стражи не пользуются оружием как таковым. При помощи зубов и клыков можно нанести достаточно вреда.

Фелисити поморщилась.

— Ага, прекрасный образ. — Она наложила еще несколько слоев краски на холст, а Спару все никак не удавалось определить, что именно девушка рисует. — И когда же тебя призвали? Ну, сколько вам, парни, лет?

— Первый вызов поступил более семи тысяч лет назад согласно человеческому летоисчислению.

Фелисити резко повернула голову и уставилась на Спара с открытым ртом. Он понял ход ее мыслей и улыбнулся.

— Однако, я не такой древний. Как и мои братья, я не существовал в этой реальности все это время. Трех вызвали еще до рождения Христа, и они считаются среди нас самыми древними. А четверым дали жизнь позже в разное время, дабы заменить павших в бою.

Фелисити свела брови. Выражение ее лица оставалось серьезным, когда она вернулась к картине.

— Выходит, тебя можно убить, не только разрушив статую?

Она спрашивает, потому что беспокоится о безопасности Спара? Он ощутил волну удовольствия, прокатившуюся по телу.

— Как говорил Кес, наше бессмертие не означает неуязвимость. Как и других существ, нас можно убить. Уничтожение статуй, в которых мы спим, — самый простой способ, потому что мы не можем защититься от столь трусливого нападения, но за эти годы многие пали в боях. Нанесенные нам раны должны быть очень серьезными. Мы можем сражаться, пока сердце не остановится. И, конечно же, не существует такого существа, способного жить без головы.

Фелисити поморщилась, и Спару пришлось напомнить себе, что ей не очень нравятся красочные описания сражений и кровопролитий. Стоило не забывать, что нужно тщательнее подбирать слова.

— Достаточно сказать, что мы сильнее вместе, — поспешил заверить ее Спар. — Как Стражам, нам это необходимо. Мы сражаемся с очень сильным врагом. Помни об этом, Фелисити. Самые порочные действия ночных похожи на детский лепет по сравнению с тем, на что способен один из Семи простым взмахом руки.

— Я тебе уже говорила, не зови меня Фелисити. — Поджав губы, она бросила на Спара взгляд, который должен казаться сердитым. Но он заметил проблески юмора. — Никто меня так не называет. Для всех я Фил.

Спару понравилось ее дразнить, чтобы увидеть озорной блеск в ее глазах, демонстрирующий характер.

— Скорее всего, все слишком глупы, чтобы увидеть то, что я вижу. Фил — мужское имя. Я не смог бы принять тебя за мужчину, Фелисити. Даже если бы мрак ослепил меня или сделал идиотом.

— Думаю, кое-кто уже доказал второе, — кинула она в ответ, но Спар не услышал в ее словах страсти. На самом деле, он распознал намек на удовольствие. Ей по душе сама идея, что он отделял ее от остальной массы? Или понимание, что она первая женщина,

пробудившая в нем желание?

Оторвав от него взгляд, она бросила кисть в банку и отложила палитру.

— Мне нужно еще льняного масла. Думаю, в задней комнате оно есть, сейчас вернусь.

Спар хотел схватить Фелисити, развернуть и заставить смотреть себе в глаза, чтобы увидеть чувства, которые она вызывала в нем, но сдержался. Его женщина пугливая.

Он почувствовал к ней притяжение. Как и его, ее влекло к нему, но она этому сопротивлялась. Фелисити хотела отгородиться от силы магнитного тяготения между ними, но Спар мог сказать, что это все бесполезно.

Никогда в жизни он не чувствовал такого сильного влечения.

Сжав кулаки, он наблюдал за Фелисити через приоткрытую дверь задней комнаты, которая теперь стала кладовкой.

Она исчезла из его поля зрения, и Спар тут же вскочил и последовал за ней.

Как только услышал ее громкий, испуганный вопль.

Фил глубоко вздохнула и направилась в кладовую. Она с трудом сдерживала желание побежать, чтобы как можно быстрее увеличить расстояние между ней и Спаром.

Электричество, пробежавшее между ними, достигло такого напряжения, которому вполне по силам остановить ее сердце одним неосторожным прикосновением.

Она нисколько не желала быть сожженной.

Думая о странном влечении, которое чувствовала к статуе горгульи только двадцати четыре часа назад, Фил хотелось запрокинуть голову и рассмеяться.

Насколько пугающе сильным было то чувство, настолько теперь оно казалось каплей в море по сравнению с тем, что она испытывала к Спару каждый миг пребывания в его компании.

Как будто какая-то странная физическая сила хотела свести их вместе, какой-то мощный феромон, который превращал рациональных художественных реставраторов в неистовых нимфоманок в ту минуту, когда они находились вблизи живой, дышащей горгульи.

Или, может, Фил поморщилась, это была все она.

Она действительно хотела суметь убедить Спара выпустить ее из поля его зрения хотя бы на десять паршивых минут. Оживлённая прогулка вокруг дома, всего несколько минут спокойствия вдали от его тяготящего, сексуального присутствия сделали бы мир лучше для нее.

Если повезет, это могло бы даже дать ее трусикам пару минут, чтобы высохнуть.

Но нет. Твердолобый увалень был непреклонен. Она не должна пропадать из поля его зрения дольше, чем на минуту, которой достаточно, чтобы пописать, и даже тогда настаивал на том, чтобы дверь ванной оставалась приоткрытой, чтобы он смог услышать, если кто-то попытается к ней пристать.

По этому поводу Фил могла сообщить ему, что единственный, кто находился в непосредственной опасности, — это сам Спар, поскольку она в десяти секундах от того, чтобы схватить его шею и сжать изо всех сил.

Либо руками, либо ногами.

Тяжело вздохнув, Фил распахнула дверь кладовой и вошла внутрь. Час назад, убедив его разрешить ей спуститься в студию, она упивалась, казалось бы, огромной победой.

Ей понадобились целая куча аргументов и три ее любимых проклятья, узнанные от бабушки, чтобы его победить.

Она думала, что погружение в написание своей картины окажется достаточно отвлекающим фактором, и у нее получится находиться с ним в одной комнате целый час, не фантазируя о том, чтобы облизать его в непристойных местах.

По ее расчетам она протянула примерно семь с половиной минут.

Не помогло и то, что мужчина заговорил с ней. Зачем Спар спросил о ее жизни? И какого черта он был таким искренним, когда говорил, что ее бабушка и дедушка — хорошие люди?

Ей было и так нелегко, когда она жаждала только его изысканное тело. Зачем он заставил ее хотеть и то, что было внутри?

Возможно, прийти в студию было не самой удачной идеей. Фил начала думать, что

испарения краски в воздухе не способствовали ее рациональному мышлению и гормональному контролю.

После того как она возьмёт масло, то попросит у Спара разрешение открыть окно или два. Ей определенно не помешал бы глоток свежего воздуха.

Фил не стала включать свет в кладовой. Она слонялась здесь без дела с тех самых пор, как только начала ходить, и всё содержимое помещения расставляла собственными руками.

Льняное масло, она знала, стояло на второй полке от пола напротив задней стены. В своих мыслях Фил уже добралась до него, когда что-то пошевелилось в тени.

Она закричала прежде, чем смогла подумать.

Нечто зарычало на нее. По крайней мере, Фил так показалось. Было трудно сказать, так как она даже не была уверена, где у существа лицо. Могло что-то без лица рычать?

Ладно, размышлять об этом с самой собой, вероятно, первый признак истерики, но что за фигня творится сегодня?

Тварь прыгнула на нее, но Фил нырнула в сторону. Инстинкт направил ее в сторону двери, в переулочек позади здания, но это не спасло от достаточно сильного удара плечом об дверную раму, что заставило Фил закричать.

Это не остановило нечто от того, чтобы цапнуть её кончиками чрезвычайно острых когтей. Они рассекли ткань, кожу и мышцы как бумагу, оставляя глубокую рану, которую словно облили кислотой и подожгли.

Боль и ярость закипели в Фил, и у нее потемнело в глазах. Не почернело, как тогда, когда она потеряла сознание, а потемнело, как будто она смотрела сквозь тонкую, черную вуаль.

Фил все еще могла двигаться, думать, слышать оглушительный боевой рев Спара, когда он бросился через дверь, чтобы спасти ее. Она даже могла видеть совершенно ясно, как если бы ее особое зрение активировалось само по себе.

И Спар и существо упали на пол, между ними сверкала энергия, у Спара яркая сине-белая, а у существа бледная желто-зеленая.

Ее страж готов спасти ее. Исчезла его великолепная человеческая оболочка с темной щетиной и потертыми джинсами.

Вместо него появился семифутовый воин с когтями, копьём и мстостью в глазах. Даже когда он закричал и поднял свое копьё, Фил знала, что он намерен уничтожить существо, которое угрожало ей, и почувствовала волнуемое тепло.

К сожалению, казалось, что ее левая рука была закована в лед.

Бессознательно, Фил подняла ее, желая проверить, не посинела ли рука от холода, но вместо этого повернула, направляя ладонь на скользкое, пушистое, безликое нечто в центре кладовой.

Серьезно, как что-то могло быть и скользким, и пушистым одновременно? Она была в недоумении.

Фил понимала, что открыла рот, но могла поклясться, что слово, которое из него вылетело, ни разу в своей жизни не слышала раньше. Оно казалось густым и тяжелым на ее языке и оставило горькое послевкусие после себя.

Почти перед тем как последний непотребный слог слетел с ее губ, ладонь из замороженной стала обжигающей, и красно-черный энергетический шар скользнул от нее к отвратительному, маленькому существу, которое напало на нее ранее.

Нечто взорвалось.

Довольно жутким, грязным, с-внутренностями-на-потолке образом.

Фил закричала, и пелена перед глазами рассеялась как раз вовремя, чтобы увидеть, что черные липкие кишки существа стекают с кончика крыла Спара. Развернувшись, она сделала один неосознанный шаг, и ее сильно вырвало в мусорный бак.

Рвотные позывы, казалось, не прекращались, но ее желудок был недостаточно наполнен, чтобы слишком долго очищаться.

Сухие рвотные позывы были настолько болезненными, что, к тому времени как она закончила и упала на колени на бетонный пол, то оказалась просто рада тому, что не приземлилась прямоком лицом в гнилую кучу черной слизи.

Ее глаза закрылись, то ли потому что она не хотела смотреть на все это месиво вокруг нее, то ли потому что ее тело просто истратило столько энергии, чтобы питать ядерный реактор в течение трех дней, Фил не была уверена.

В любом случае, ее веки отяжелели, и она прикрыла их. И не открывала, когда руки Спара сомкнулись вокруг нее, и он поднял ее с пола одним легким движением.

Что-то в ней захотело взбунтоваться против того, чтобы он прикасался к ней, но, так или иначе, она обнаружила себя опирающейся на его твердую грудь.

— Отпусти меня. Я отвратительна.

Он хмыкнул.

— Я выходил из боя с гораздо худшими последствиями, чем немного крови ххиссиша на мне. Ты в порядке.

Фил имела в виду не кровь, но все же промолчала.

Она почувствовала, как он плечом толкнул дверь, ведущую к лестнице на второй этаж. Казалось, что он даже не прикладывает усилий, неся ее.

Он взлетел с ней по лестнице и пересек квартиру, даже не сбив дыхания, доказывая ей более ясно то, что да, он силен настолько, насколько выглядел.

Когда ее ноги коснулись пола, она открыла глаза и обнаружила, что стоит в своей ванной комнате, склонившись над ванной. Спар обошел ее, чтобы включить душ, и затем строго на нее взглянул.

— Тебя снова затошнит от запаха крови, если ты не смоешь его. Залезай под воду.

Фил не могла поспорить с этим. Он прав насчет запаха. Сера, ржавое железо и гнилое мясо придуманы только для того, чтобы создавать адскую вонь. У нее побежали мурашки по коже, когда она осознала, что этот запах исходит от нее. Ну, честно говоря, от них обоих.

Она ждала, когда он выйдет, чтобы раздеться, но у Спара были другие планы. Он потянулся к краю ее майки, явно намереваясь снять ее через голову. Фил пискнула в знак протеста и ударила его по руке.

— Осторожно, приятель! Я сама могу позаботиться о себе.

— Ты все еще не в воде, — проворчал он, игнорируя ее неэффективные удары и протягивая руки к ее трусикам. Он согнул свои когти и сорвал трусики вместе с ее майкой и штанами цвета хаки. У ее тонкого хлопкового нижнего белья даже не было шанса.

К тому времени, когда она оправилась от шока и хотела возмутиться, Страж поднял ее над краем ванны и дернув занавеску, закрывая. Фил смотрела на белую ткань и разрывалась между негодованием и благодарностью.

Горгуля мог иметь манеры дикой свиньи, но заботился о ней, в своей собственной резкой, властной манере. Это было почти мило.

Эта мысль длилась всего пять секунд, примерно столько прошло времени, прежде чем

занавеска снова открылась, и очень голый Спар в облике человека шагнул в ванну к ней. Фил зашипела от возмущения.

— Что, черт возьми, с тобой не так? — выкрикнула она.

Мужчина пожал плечами и потянулся за бутылочкой шампуня.

— Моя истинная форма не поместилась бы в таком ограниченном пространстве, поэтому я перекинулся.

С запозданием Фил прижала одну руку к груди, а другую к соединению бедер. Боже, она вела себя как по шаблону, но шок и ощущение быть выставленной напоказ, по-видимому, могли сделать это с девушкой.

— Я имела в виду, чем ты думал, залезая под душ со мной? — сказала она, стреляя в него взглядом, который смог бы снести его каменную голову с плеч, если бы он все еще спал. — Выметайся! Живо!

Спар проигнорировал ее и выдавил смешное количество шампуня на ее макушку, прежде чем начать намывать ее волосы.

— Ты ранена и шокирована. Я забочусь о тебе. А теперь помолчи и позволь мне поухаживать.

— Нет! Я голая и мокрая и знаю тебя меньше суток. Выходи. Ради всего святого, я сама могу принять душ.

Спар убрал руки от ее волос и изогнул бровь. Он очень осторожно потрогал порез на боку. От этого прикосновения она зашипела, и не, потому что мыло попало в рану.

Боль была жгучей, пульсирующей и настолько жалящей, что слезы выступили на глазах. Она почти забыла о ней, пока Спар не напомнил о порезе. Возможно, она была слегка в шоке.

Затем он поднял тот же палец и провел им по ее скуле.

Внезапно Фил почувствовала, как ее зубы стучали, словно она стояла голая посреди февральской бури, а не под дымящейся горячей струей душа.

Сражение истощило ее, и она уронила свой лоб на его плечо.

Но прикрывала руками важные части.

Спар ничего не сказал, даже безобидного «Я же говорил». Он просто вновь запустил свои руки в ее волосы и закончил мыть шелковистые пряди. Она подчинилась легкому давлению, которое побуждало ее, наклонится назад под струю воды, чтобы ополоснуться.

Когда он стал, удовлетворен тем, что полилась чистая вода, она позволила ему повернуть себя лицом к плитке, в то время как он потянулся за гелем для душа.

Когда его нежные пальцы коснулись обнаженной кожи ее грудной клетки чуть ниже правой груди, Фил ахнула и замерла.

— Твоя рана. — Пробормотал он, его пальцы остановились, но Страж их не убрал.

— На когтях существа мог быть яд. Разреши мне промыть ее, и я оставлю тебя, чтобы ты закончила с остальным.

Ее голова дернулась от слабого кивка.

Его руки нежно погладили порез по всей длине, который шел в нескольких дюймах от изгиба ее груди, вокруг ее бока и заканчивался в нескольких дюймах над линией ее талии.

По крайней мере, шесть дюймов в длину, предположила она, но, судя по его прощупыванию, не слишком глубокий.

Прикрывая левой рукой свою грудь, ей пришлось поднять правую над головой, чтобы открыть Спару доступ, и это также позволило ей увидеть рану.

Края выглядели чистыми и ровными, как будто их разрезало острое лезвие бритвы, но кожа с обеих сторон выглядела почти как синяк, испещренная скверными, черно-фиолетовыми пятнами.

Фил кисло подумала, что выделения зеленой гнили делали порез чем-то неопишущим.

Спар терпеливо намыливал и промывал рану, отступая каждый раз, когда она шипела от дискомфорта, но ни разу не остановился. Когда он сделал шаг назад и подставил ее под струю, чтобы дать воде очистить порез, она вздохнула с облегчением.

— Закончи промывание сама. — Сказал он хрипло. — Когда будешь готова, я перебинтую рану.

— Придется наложить швы? — спросила Фил. Прямо сейчас вернуться в больницу казалось настолько же привлекательным, как пробежать целый марафон. В гору.

Страж покачал головой.

— Если зашить порез, это принесет больше вреда, чем пользы. Я промыл его настолько хорошо, насколько возможно, но любой оставшийся яд должен вытечь. Повязка будет защищать рану, пока ты исцеляешься.

— Хорошо. — Она кивнула, и он скрылся за занавеской.

Фил поспешила закончить принимать душ. Ну, так быстро насколько смогла, учитывая боль и малоподвижность в своем боку.

На секунду ей захотелось, чтобы Спар оставил рану в покое, так как та не начала болеть, пока Фил не вспомнила о ней, но каким-то образом мысль об огромном Страже игнорирующим все, что ей вредит, заставила ее фыркнуть.

Она не думала, что в нем заложен такой ген. Мужчина оказался прирожденным опекуном, какой была ее бабушка.

Не то чтобы чувства, переполнявшие ее, когда она приближалась к нему, имели что-то общее с бабушками. Даже в ее нынешнем состоянии, ослабленная, раненная и травмированная, с остатками шока, прилипшего к ней как сосульки, она не могла заставить себя перестать его хотеть.

Как ни странно, совместное нахождение в душе голышом не подкорило ее желание. Вместо этого то, как нежно он ухаживал за ее раной, заботился, осматривал и промывал порез, подтолкнуло ее влечение проявиться сильнее.

Должно быть, это признаки какой-нибудь болезни, верно?

Во-первых, то, что она еще могла думать о сексе после того как ее искромсало какое-то демоническое существо, которое пряталось в ее кладовой; и во-вторых, то, желала мужчину, полностью изменивший ее жизнь, которая превратилась в сюрреалистический кошмар. С ней точно что-то не в порядке.

Эта мысль расстроила ее, но не остановила от того, чтобы как можно быстрее закончить принимать душа и вернуться к Спару. Будь то здоровое желание или нет, она чувствовала себя спокойнее в его присутствии.

Он уже доказал, что сделает все необходимое, чтобы защитить ее, а в эти дни стало казаться, словно ей действительно понадобится помощь.

Когда Фил отодвинула занавеску и вышла из ванны, то обнаружила, что Страж ждет с другой стороны. На нем была надета удобная пара джинсов, а половина содержимого ее аптечки лежало на ванной тумбе позади него.

Он двигался так тихо, что она даже не заметила, что Спар остался в комнате. Конечно, поглощенная своими мыслями Фил совсем не прислушивалась.

Спар не сказал ни слова, просто вручил ей полотенце и подождал, пока она вытрется. Когда она начала оборачивать ткань вокруг себя, он покачал головой.

— Мне все еще нужно перебинтовать твою рану. Я принес это, чтобы ты не замерзла.

Он передал ей белый банный халат, который она держала в своем шкафу. Фил скользнула в него, благодарная за прикрытие, не только потому что ей было холодно после теплого душа, но и потому что стоять голой пред ним расшатывало ее нервы.

Она покрылась гусиной кожей, и ее соски последовали этому примеру. Нет надобности сверкать перед ним доказательством ее разбушевавшихся гормонов.

— Подойди. Встань здесь. — После того как он убедился, что его запасы под рукой, Спар сместился и сел на крышку унитаза. Широко раздвинув колени, он вынудил ее встать между ними и распахнул края ее халата.

В таком положении ее грудь была почти на одном уровне с его головой, но вместо того чтобы уставиться на нее, как бы сделало большинство мужчин, Спар незамедлительно пробежал взглядом по ее порезу сбоку. Он нахмурился, когда ее халат едва не упал, закрыв ему обзор.

— Подержи это. — Сказал он ей, прижав ткань к задней части бедра ее собственной рукой.

Дотянувшись до марлевого тампона и бутылочки с перекисью водорода, Страж намочил материал и начал аккуратно протирать рану. Фил зашипела от первого холодного прикосновения, затем расслабилась.

Раствор вызывал незначительное покалывание, но ощущение быстро рассеивалось. Спар действовал крайне осторожно и нежно, обрабатывая столь болезненную рану.

— Как выглядит? — спросила она, ее голос звучал хрипло даже для нее самой.

— Отвратительно, — пробурчал Спар. — Мне не стоило выпускать тебя из виду. Ххиссиш никогда не должен был приближаться к тебе.

— Ххиссиш? Так называется то существо? Я все еще пытаюсь понять, какого черта там произошло.

— Они создания тьмы, низшие, неразумные существа, которые тянутся к черной магии. Общество часто использует их как отвлекающий маневр в бою или как своего рода сторожевую собаку. Нам повезло, что там был только один. Они часто путешествуют стаями. Их нетрудно убить, но они злобные и в больших количествах могут нанести значительный ущерб.

Фил содрогнулась.

— Да, достаточно встречи с одним из них.

— Кажется, что удар пришелся вскользь. Рана неглубокая, и не думаю, что у существа было время, чтобы оставить большую часть своего яда на ране. Она должна хорошо зажить.

— Отлично.

Она наблюдала, как Спар заканчивал промывать рану, давая ей немного высохнуть, перед тем как намазать тонким слоем крем с антибиотиками. Его выражение лица оставалось мрачным, когда он расположил слой марли поверх раны и накрыл ее белым медицинским бинтом.

— Спар, в том, что я пострадала, нет твоей вины. — Сказала Фил ему после неловкой минуты молчания. — Ты же это понимаешь, так? Я имею в виду, ты не можешь следить за мной двадцать четыре часа семь дней в неделю, независимо от того, что ты считаешь это своим долгом. Я просто вышла в другую комнату. Ты был всего в нескольких шагах от меня,

и когда меня поранили, ты сразу же примчался, чтобы предотвратить более ужасный ущерб. Ты не сделал ничего неправильного.

Он хмыкнул и потянулся к ее левой руке.

— Я не сделал ничего правильно с того момента как проснулся. Если бы я делал все как надо, этого бы здесь не было.

Он коснулся пальцем по ее ладони, проводя по линиям метки демона. Фил проследила за его взглядом, и у нее перехватило дыхание.

Покрасневшие линии метки, словно нарисованные хной, снова потемнели и сейчас казались темными, темно-коричневыми, почти черными, выглядя обугленными на внешних краях. Фил осознала, что больше не ощущала боль от знака, но это начало ужасно ее бесить.

— Что происходит, Спар? — спросила она шепотом, от которого ее голос казался надломленным. — Она выглядит хуже. Почему это происходит?

— Это особенность метки. Я надеялся, что ошибся, и она не полностью осела на тебе. — Он посмотрел на нее, пронзая взглядом. — Метка пытается предъявить на тебя права.

— Права на меня? — Фил задохнулась от этих слов, и дурное предчувствие накрыло ее. — Что, черт возьми, это значит?

Спар схватил ее за другую руку и притянул ближе. Его колени сомкнулись вокруг нее, но вместо того чтобы почувствовать себя пойманной, давление успокаивало ее на интуитивном уровне. Фил и не заметила, как за последние двадцать четыре часа этот мужчина стал для нее безопасным убежищем. Каким-то образом это пугало ее больше, чем все остальное вместе взятое.

— Послушай меня. — Сказал он, сжимая ее руки, чтобы сконцентрировать внимание Фил на себе. Страж подождал пока, она сделает прерывистый вдох, прежде чем продолжил. — Я хочу, чтобы ты поняла — я буду защищать тебя отныне и впредь. Не позволю никакому другому врагу прикоснуться к тебе, тебе больше не причинят вреда, и мы найдем способ избавиться от метки. Я клянусь тебе.

— Ладно, я понимаю, ты пытаешься меня успокоить, Спар, но этим только пугаешь меня еще больше. Что за фигня с меткой? Почему она меняется?

— Тебя поместили, пытаясь предъявить права на тебя во имя Ултора, одного из Семи. Поместив его символ на твоей коже, ночные надеялись на один из двух результатов: либо ты станешь приношением демону, чтобы он насытился, либо ты отдашь его власти и станешь еще одним приспешником его армии.

Истерический смех вылетел из ее груди.

— Эм, не один из этих вариантов не сулит мне ничего хорошего, ты в курсе?

— И ничего из этого не произойдет. Я клянусь тебе. — Он снова сжал ее руки, затем отпустил ее руку без метки, чтобы обхватить свободной рукой ее бедра.

— У тебя есть два преимущества, которые ночные не приняли в расчет, Фелисити. Первое, у тебя есть Страж, который поклялся защищать тебя. Отступник никогда не прикоснется к тебе до тех пор, пока я жив, а если я потерплю неудачу, Кес или один из других займут мое место, и будет призван новый Страж. Ты никогда не останешься лицом к лицу со злом наедине.

— Да, эм, ты можешь просто не дать себя убить, пожалуйста? Это было бы замечательно. На самом деле, если ты даже не будешь говорить об уничтожении, пока оно не касается чего-то злого, я по-настоящему оценила бы это.

— Тише. Я никуда не собираюсь. — Его рука крепче сжала, утешительно обнимая. — И ты должна знать это, Фелисити. Второе преимущество, которым ты обладаешь, и о котором ночные не могли даже подумать, это твоя собственная доброта. Если бы ты была слабой, или твоя душа темной, метка уже поработила бы тебя и обратила во тьму. Но этого не случилось. Это полностью зависит от твоего характера. Продолжай быть той женщиной, которой ты всегда была, и метке придется бороться за каждую унцию площади, которую она занимает.

Фил сделала нервный вздох и подняла свою свободную руку к плечу Спара. Ощущение теплой кожи и твердых мышц успокаивало ее, поддерживало. Она нуждалась в чем-то надежном, за что можно держаться, и не могла представить что-то надежнее ее Стража.

— Знак становится темней. — Выдавила она.

Челюсть Спара сжалась.

— Я думал об этом и, кажется, заметил кое-что интересное. Насколько я помню, внешний вид метки немного потемнел с момента первого нападения к сегодняшнему утру, когда мы впервые проверили ее, но потом, казалось, она оставалась того же цвета в течение нескольких часов.

Фил кивнула.

— В следующий раз она потемнела, после того как мы посетили больницу. В частности, после того твоего видения.

— И что?

— Поэтому я полагаю, что должна быть связь. Даже после того видения, она потемнела не сильно, пока ты не уничтожила ххиссиша. Энергия, которую ты призвала тогда, была темной, и я полагаю, что это могло спровоцировать изменения в метке.

Фил резко оттолкнулась, или попыталась, но Спар крепче схватил ее и удержал.

— Подожди, что? Я призвала темную энергию? О чем ты говоришь?

Даже когда слова вылетели, беспокойство в ее животе подсказало Фил, что она уже знает ответ на свой вопрос.

Фил вернулась назад, к моменту атаки, к темной вуали, которая заволочла ее зрение и к сгустку красно-черной энергии, что слетел с руки, почти против ее воли. Неприятный горьковатый вкус, который ощущался на ее языке, вернулся, и она поморщилась.

— Я неудачно выразился. Это была не ты, Фелисити. Это сделала не ты. Энергия вызвала сама себя через метку и уничтожила ххиссиша, потому что тварь угрожала тебе. Ты не сделала ничего плохого.

Рука, которую она прижимала к его плечу, задрожала, но Фил все же попыталась оттолкнуть его. Казалось, будто она пыталась сдвинуть гору.

— Ничего плохого? Я использовала черную магию, да? Я сделала это, чтобы избавиться от того... того существа. И это было на уровне инстинкта. Я даже не поняла, что делаю, пока не стало слишком поздно. А если я использую ее, чтобы причинить боль еще кому-то? Кому-то невинному. Как это не может быть плохим?

— Потому что ты никогда не сделаешь этого. — Настаивал Спар. — Ты не злая, чтобы зло могло иметь столько власти над тобой.

— Подожди. — Продолжила она, словно он ничего не говорил. — Ты сказал, что ххиссиша притягивает темная энергия. Поэтому он пришел за мной в первую очередь, так? Его привлекла ко мне метка.

Выражение его лица ужесточилось.

— Это возможно. Тот факт, что Общество знает о твоем существовании, означает, что

они могли прислать его, но более обычный для них способ задействовать существ стаями. Если бы они послали его, то почти наверняка отправили бы больше одного.

Фил стиснула зубы.

— Значит, я причина сама по себе. Это моя вина.

— Нет, это не так. — Спар поднялся на ноги, но держал Фил заключенной в свои объятия, ее тело теперь прижималось к его в маленьком пространстве ее ванны. — Ты ни в чем не виновна, Фелисити Шалтис. Тебе это навязали, и ты справляешься с этим лучше, чем большинство людей даже могут мечтать. Я, правда, считаю так, когда говорю, что ты... твой характер, добро в душе... отгоняет темноту и по настоящий момент, и знаю, что оно продолжит побеждать. Ты воин по праву, маленький человек. Хотя и кажешься на первый взгляд маленькой и мягкой, оружие, которыми ты владеешь, может спасти мир, если от тебя это потребуется.

Она слышала нотки искренности в его голосе и знала, что он правда так думает. Фил было тяжело с этим смириться. Внезапно, она снова почувствовала себя абсолютно грязной, как будто и не принимала только что душ, и изнеможение угрожало свалить ее с ног.

— Хотелось бы мне поверить в это так же легко. — Пробормотала она. — Но я чувствую себя испорченной. Зная, что оно здесь, что оно пытается изменить меня изнутри... — она покачала головой и попыталась вытянуть свою меченую руку из его ладони. — Это пугает меня.

— Не говори так. Я обеспечу твою безопасность. — Он поднес ее пальцы к своим губам и поцеловал ее ладонь прямо в середину метки. — Обещаю это. Отступник не получит тебя, Фелисити. Я предъявлю свои права на тебя.

Гул этих слов, мягкий и темный, послал мурашки по ее телу. Ее воображение представило все воображаемые способы, которыми он мог заявить свои права на нее, и не один из них не имел ничего общего со злом.

Жар охватил ее щеки, затем пополз ниже. Он обосновался в глубине ее живота, до тех пор, пока Фил была больше не в силах это терпеть. Ее рука передвинулась с его плеча к щеке, и она поднялась на цыпочки.

— Покажи мне, — прошептала она, прежде чем прижаться к его губам.

Он замер. Внутри вели бой изумление и беспокойство, пока на гнедом коне не пронесся голод, сметая воевавших одним ударом.

Спар ощутил, как желание охватило все его тело. За прожитые тысячи лет он никогда не испытывал ничего подобного. Спар едва не упал на колени, что стало бы признаком его поражения, которого не ведал прежде.

Он не лгал, говоря Фелисити, что ее оружие в разы мощнее, но никогда не думал, что она обратит его против него.

Один лишь ее рот обладал силой большей, чем любая булава или залп танкового трала. От нежного прикосновения к губам у Спара закружилась голова, но Фелисити недолго оставалась нежной.

Она выдохнула, наполняя его рот ароматом корицы, гвоздики и темной, сладкой патоки. Он проглотил его и ощутил, как в груди зародился стон.

Его кожа натянулась и зудела, заставляя ощущать себя неуютно. Спару пришлось сопротивляться желанию принять свое истинное обличье. Что-то внутри него жаждало отметить Фелисити клыком и когтем, чтобы показать всему миру, что она принадлежит ему, но он боялся причинить боль.

В его руках она казалась такой маленькой и хрупкой. Спар понимал, что в истинном облике мог разорвать ее на куски, а он лучше проткнет себя своим же копьем, чем причинит вред.

Рассчитывая силу, Спар крепче прижал Фелисити к себе. Ее гибкое тело, прикрытое лишь халатиком, идеально подходило к его, словно было его отражением.

Изгибы и ложбинки прекрасно вписывались в его угловатости и выпуклости. А там, где ее тело касалось его без одежды, Спар мог поклясться, что кожа превратилась в раскаленную лаву.

Жар от прикосновения гладкой, шелковистой кожи к более грубой, толстой мог бы растопить горы.

Ему нужно больше.

Он опустил ее руки себе на плечи, чтобы она могла обнять его. Фелисити не заставила себя ждать.

Сцепив руки за его шей, она приподнялась выше. Спар подхватил ее под попку, чтобы поддержать, когда она обхватила ногами его талию.

В такой позе сердцевина Фелисити прижималась прямо к его паху. Спар оторвался от ее губ и низко зарычал.

— Убедись, что не станешь обижаться на мое требование, маленький человечек. — Спар задыхался, желание разрывало его. — Если ты отдашься мне, я не смогу отпустить тебя.

Ее зеленые глаза потемнели до цвета старого мха, взгляд стал томным, а веки отяжелели.

— Спар, я не могу думать об этом. Не могу. Просто не дай меня забрать. Оставайся рядом.

Зарычав, он склонился к ней.

— Они никогда не притронутся к тебе, малыш. Клянусь. Никто не притронется к тебе,

кроме меня.

— Тогда прикасайся ко мне больше.

Если бы мир подчинялся его желаниям, Спар не оставил бы и дюйма на ее коже незатронутым. Он желал, чтобы каждая ее клеточка пахла им, чтобы она несла его метку. Никто в мире не должен сомневаться, что Фелисити принадлежит ему, даже она сама.

Широко шагая, Спар вынес ее из ванной и аккуратно уложил на кровать. Фелисити вцепилась в него, не желая расцеплять руки и ноги, и он был вынужден последовать за ней и вжать ее в матрас.

Она издавала звуки, напоминающие мурлыканье котенка, наполненные удовольствием и одобрением. Спар хотел гладить ее медленными, протяжными прикосновениями с небольшим нажимом, но страсть и собственнические чувства со всей силой обрушились на него. Он не думал, что мог так легко перестать сопротивляться чувствам.

А то, как Фелисити выгнулась под ним, вдавливая грудь в его и нежный живот в, до боли эрегированный, член, совсем не помогало. Спар выдохнул с шипением.

Прикосновения опаляли и ласкали. Спару нужно быть как можно ближе к Фелисити, но с каждой секундой необходимость быть «ближе» превращалась в желание быть «в» ней.

Он едва ли не дрожащей рукой сжал ногу Фелисити прямо над коленом. Ее кожа оказалась чрезвычайно нежной и мягкой. За всю жизнь он не касался ничего мягче.

Контраст между ее нежной кожей и его грубыми, мозолистыми руками завораживал, как и то, что Фелисити задержала дыхание, когда он скользнул рукой выше.

Кончиками пальцев Спар проник под подол ее короткого халатика и коснулся влаги между бедер. Он скользнул рукой дальше, заставляя Фелисити затрепетать.

А когда костяшками пальцев он натолкнулся на завитки, которые увлажнились от соков больше, чем от воды после ванны, и не смог сдержать рык удовольствия. Фелисити его желала.

— Спар.

Его имя дрожало на ее губах, и он смел его поцелуем. Спар не желал, чтобы она говорила, думала или делала что-то иное, кроме как разрешала ему исследовать себя.

Он уже знал, что ее вкус представлял собой редчайшее удовольствие. Он толкнулся языком глубже, исследуя ее рот, пока руками стягивал халатик с ее рук.

Аромат Фелисити вскружил голову Спару быстрее, чем какой-либо алкоголь, придуманный человечеством. И он понял, что если когда-нибудь опьянеет, то из-за нее.

Его язык требовал ответной реакции, начав игру в прятки, от которой и Спар и Фелисити тяжело дышали. Она застонала, когда он немного отстранился и подразнил ее губы легким, но в то же время жестким укусом.

Затем зубами проследил по линии подбородка до самого ушка. Фелисити задрожала от первого прикосновения губами, а, когда он прикусил мочку, вновь застонала.

Она помогла Спару распахнуть полы халата, раскидывая их на кровати под собой и полностью отдавая себя его жару. Казалось, она наслаждалась свободой, выгибаясь, извиваясь, и терлась об его тело, будто умоляла ласкать ее везде. И Спар был более чем рад ей угодить.

Пока его рот целовал шею Фелисити, руки, путешествовавшие в противоположном направлении, скользнули по ее бедрам и обхватили бока.

Каждый нежный миллиметр ее кожи вызывал желание замереть на ней и насладиться прикосновением и одновременно гадать будет ли следующий миллиметр таким же мягким.

И так и было.

Спар скользнул губами по ключице Фелисити, слегка царапая кожу зубами, чтобы обвести место царапины языком.

Внутри нарастало желание вкусить Фелисити, от чего у Спара заныли десна в тех местах, откуда вырастают клыки. Он быстро вознес благодарность небесам за то, что в человеческом облике не мог серьезно ее ранить.

Он не хотел делать ей больно, лишь доставить удовольствие.

— Прекрати дразнить, — выдохнула она и с силой потянула его плечи. — Я хочу тебя.

— А я тебя сильнее, — пробормотал он. — Придется тебе набраться терпения, малышка, потому как я собираюсь насладиться тобой по полной.

Она судорожно выдохнула. Спар проложил дорожку из поцелуев от ее грудной клетки к животу, а затем начал медленно подниматься к набухшей вершинке груди.

Он почувствовал, как Фелисити напряглась в ожидании, впиваясь коготками в его кожу. Спар подумал о продлении мук, но понял, что лишь сам пострадает.

Он жаждал ее вкуса, хотел познать прикосновение этого твердого бутона к языку. Спар готов был поспорить, что это восхитительно.

И не разочаровался, ни вкусом, ни тем, как Фелисити вскрикнула и выгнулась, предлагая ему больше себя.

Она положила руку на его затылок, скользя пальцами по коротким волосам и не находя во что вцепиться. Спар и не хотел, чтобы она погружала свои коготки в него, желал отдать ее на растерзание той страсти, которая нарастала между ними, и чтобы Фелисити стала столь же беспомощной, как и он.

Потянувшись, он схватил ее за запястья и прижал руки к кровати. Фелисити вновь застонала и стала слабо сопротивляться, но он не обращал внимания, переводя внимание на вторую грудь.

Каждый раз, когда он всасывал твердую вершинку, Фелисити вздрагивала под ним, а когда Спар слегка прикусил чувствительный сосок, она закричала от удовольствия.

— Боже, ты меня убиваешь, — проговорила она тонким, с придыханием голосом, но и из-за такого Спар стал настолько твердым, что мог забивать гвозди. — Спар, прошу.

— Тс-с-с. Позволь мне познать тебя.

Фелисити выдохнула, и он почувствовал, как ее мышцы расслабились. От ее готовности отдать себя ему, он хотел запрокинуть голову и взвыть, как животное, давая понять каждому существу в пределах слышимости, что она принадлежит ему. Спар должен войти в нее. Скорее.

Удерживая ее руки по бокам, он начал спускаться ниже, не отрывая губ от ее тела. Прокладывая дорожку из поцелуев, он вкушал аромат кожи Фелисити прямо под грудью, затем в выемке пупка, а после и с вздрагивающего животика.

И Спар понял, что соблазнен сладостью этого запаха, его концентратом, увеличивающимся по мере приближения к средоточию ее страсти.

Он вдохнул этот аромат, богатый пряностями, теплом меда и ее собственным опьяняющим запахом женственности.

Слишком прост для цветка, слишком сладок для мускуса, напоминающем Спару дымящийся ладан. Такое пришлось бы по душе даже богам. Хотя вряд ли бы он стал делиться даже с ними.

Фелисити судорожно втянула воздух, сопровождая вдох крошечным стоном, который

пронесся прямо к члену. Для Спара самым большим афродизиакром во Вселенной стало понимание, что она хочет его хотя бы наполовину также сильно, как он ее. Ему нужно показать, как ему хорошо с Фелисити, но еще больше ему нужно испробовать ее.

Когда Спар прикоснулся губами к ее завиткам, она дернулась всем телом. Фелисити пыталась освободить запястья, но Спар не намеревался ее отпускать.

Вместо этого, он повел плечами и оказался между бедер Фелисити, заставляя ее широко открыться. Спар нашел для себя место, за защиту которого убил бы тысячу демонов, и собирался использовать его по максимуму.

С благодарным вздохом он раздвинул языком ее складочки и наслаждался первым глотком ее вкуса. Сладкий, дикий и невероятно будоражающий, и он лишь распалил голод Спара.

Он еще раз лизнул, но на этот раз проник языком глубже. Ее соки растеклись по его языку, как мед, скользящий с ложки, вызывая пристрастие к сладкому, которое могла утолить лишь Фелисити.

— Ох! — кратко и отрывисто вскрикнула Фелисити, задержав дыхание от удивления и удовольствия, что лишь подстегнуло Спара. Он наслаждался ее вкуснейшими соками, получал удовольствие от криков, исходящих из сильной и прекрасной ее сути.

Его очаровывало, как она таяла под ласками, становилась податливой и увлажнялась от каждого движения его языка. Спар ощущал слабую дрожь ее бедер, когда Фелисити крепче обхватила его плечи, и захотел, чтобы она так же крепко сжимала его бедра, когда он проникнет в жар этого желанного тела.

Подняв голову, Спар проследил взглядом каждый изгиб Фелисити, чтобы увидеть, как она запрокинула голову и приоткрыла рот, хватая воздух. Ее кожа блестела от пота из-за жара, созданного их телами, и Спар знал, что не видел ничего прекраснее.

Почувствовав его взгляд, она открыла глаза, затуманенные страстью, и посмотрела на Спара. Между бровей пролегла крохотная морщинка.

Она начала выдергивать и выкручивать руки из его захвата. Когда он ее отпустил, она с напряженной нежностью прижала ладонь к его щеке.

— А теперь, — потребовала она наполненным страстью и хрипотцой шепотом. — Иди ко мне.

* * *

В течение долгой, тихой минуты Спар просто смотрел на нее своими черными и блестящими глазами, какие бывали у него в облике гаргульи. Фил не ощутила даже укола беспокойства. Перед ней ее Страж, ее защитник, который умрет раньше, чем сделает ей больно.

Фелисити протянула руки, прижимая Спара к себе. Он разжег страсть внутри нее, и какая-то ее часть боялась, что этот пожар уже не потушить. Ее лоно буквально болело от пустоты и желания. Прямо сейчас Спар нужен ей внутри.

— Прошу, — взмолилась она, и, словно ее собственный ангел-хранитель, он ответил на ее мольбу.

Не отводя взгляда от ее глаз, Спар шире развел ее ноги и разместился между ними. Затем провел головкой члена по расселине, и от этого райского наслаждения Фелисити

увлажнилась еще сильнее.

Она выгнулась, телом требуя воссоединения, и услышала грубый шепот, которым он просил ее расслабиться и спокойно лежать, давая ему возможность позаботиться о ней.

Фил понимала это и доверяла Спару больше, чем самой себе на данный момент, но это не умаляло ощущение ноющей пустоты. Для этого нужно, чтобы Спар проник в ее тело.

Она впиалась ногтями в гладкую кожу его плеч и выдохнула мольбу.

— Войди в меня, Спар. Прошу.

Издав стон, который словно шел из глубины души, Спар одним толчком соединил их.

Фил вскрикнула, лишившись воздуха и ошеломленно застыв. Она чувствовала, как ее тело растягивается, приспособляясь к его размеру, и упивалась вспышкой дискомфорта, который перерос в удовольствие, такое огромное, что Фил хотелось плакать от радости.

Она никогда в жизни не ощущала подобного, ничто так не сотрясало до самого основания, заставляя чувствовать себя умершей и родившейся заново. Фелисити могла сравниться с фениксом, создающим пламя, которое охватывает ее.

И этим пламенем был Спар. Фелисити больше всего хотела почувствовать, как он горит с ней.

Руками, голосом и телом она подгоняла его, встречая каждый толчок и цепляясь при каждом обратном движении. Она обернула ноги вокруг его бедер, притягивая Спара ближе, наслаждаясь ощущением его члена внутри себя и тем, как сокращались его мышцы.

Фелисити чувствовала себя окруженной Спаром, плененной и загнанной, но все же чувствовала свою женскую власть над ним. Впустив его в свое тело, она заполучила его, а теперь позволяла ему покорить себя.

Они двигались вместе, подпитываемые желанием и голодом. Страсть может, и зажгла искру, но в разгоревшемся пламени существовало что-то еще, что-то новое и нежное.

Фил ощущала, как внутри нее вокруг сердца обвиваются ростки, но не сдавливают и не уничтожают, а поддерживают и защищают. Подкармливаемые жаром страсти Фил и Спара, они становились сильнее, как и удовольствие.

Напряжение внутри нарастало. Бедра Фил дрожали там, где соприкасались с бедрами Спара, а пальцы — где ногти впились в его плоть.

Фил ощутила, как глубоко в ее теле зародился трепет и поняла, что близка и практически ощущает край обрыва под ногами. И чтобы отправиться в полет, ей нужен был небольшой стимул.

Который она нашла в тысячах звездочек, горящих в глубине чернильно-черных глаз Спара, в напряженном выражении его лица, будто существовала лишь Фил, в нужном угле его бедер, когда, проникая в ее тело, головка его члена вновь и вновь задевала именно ту самую чувствительную точку.

Но больше всего она нашла его в изгибе губ Спара, когда он оскалился, опустил подбородок и, прижавшись к ее лбу своим, прорычал:

— Моя. — И этот звук пронесся по телу Фил, словно ударная волна, запуская цепную реакцию, из-за которой внутренние мышцы Фил сдавили ствол Спара.

Ее тело содрогнулось, а перед глазами сначала все потемнело, а затем взорвалось ярким светом, словно под веками родилась новая звезда.

Краем сознания она уловила собственный крик, что потонул в эхе собственнического заявления и последующим хриплом реве Спара, который присоединился к Фил в забвении.

Глава 10

Фил проснулась в холодной пустой кровати. Протянув руку, она наткнулась на остывший хлопок и ничего больше. Спар ушел.

Она растерянно села в кровати, отчего одеяло упало к ее талии, а голой кожи коснулся прохладный воздух.

Фил всегда просыпалась с трудом, и сейчас ей потребовалась минута, чтобы прийти в себя и понять, что уже ночь, а она уснула после самого потрясающего секса в своей жизни, и, очевидно, проспала, по крайней мере, пару часов.

Взглянув на прикроватные часы, Фил увидела, что время подходит к одиннадцати, это означало, что через час или два она не сможет уснуть крепким здоровым сном.

Если конечно Спар не захочет вымотать ее снова.

Ее щеки вспыхнули. Мужчина занимался с ней любовью всего один раз, а Фил уже не могла дождаться, чтобы снова к нему прикоснуться. На него нужно приклеить знак, который используют для психотропных препаратов, чтобы держать потенциальных наркоманов, таких как она, в безопасности от его влияния.

Откинув одеяло, Фил нагнулась, чтобы поднять халат, который упал на пол несколькими часами ранее. По крайней мере, она предполагает, что так произошло. После того как Спар распахнул чертову вещицу, все остальное перестало существовать. Ничего не имело значения кроме ее Стража и его прикосновений.

Замерев, Фил смогла услышать сиплый гул его голоса, доносящийся из гостиной. С кем он разговаривал? Спар забыл упомянуть, что у него есть сестра или пара племянников живущих в Монреале, которых он пригласил на ужин?

Из любопытства она открыла дверь и прокралась по короткого холлу в гостиную. Спар сидел посередине дивана и хмуро смотрел в ее сотовый телефон. Фил сразу же узнала голос на другом конце.

— Я очень хочу, чтобы ты разбудил ее, и я смогла бы поговорить с ней. — Заявила Элла с беспокойством в голосе. — Уверена, ты хорошо о ней позаботился, но мне будет некомфортно, пока не поговорю с ней.

— Ты сделаешь так, как просит моя пара, Спар. Иначе она начнет волноваться. А я не люблю, когда она переживает.

— И не подумаю. — Прорычал Спар, и Фил предположила, что злость на его лице адресована Кесу. — Она ранена и измучена. Ей необходим отдых. Я не стану ее будить, чтобы просто удовлетворить любопытство твоего человека.

Фил шагнула вперед и положила руку на его плечо.

— Тебе не нужно меня будить. Я уже встала.

Спар повернулся к ней, но радостнее не стал.

— Почему ты проснулась? Тебе нужно отдыхать.

— Я спала, и уверена, что усну снова через какое-то время, но на данный момент я в порядке. Элла, ты слышишь?

— Да. Спар передвинь телефон, чтобы я смогла ее увидеть.

— Подожди. — Фил обошла диван и села рядом со Спаром. — Так лучше?

Он заворчал и усадил ее себе на колени.

— Вот так.

— Я говорила не с тобой.

— Мне плевать.

Фил закатила глаза и повернулась, чтобы посмотреть в телефон.

— Извини, Эл. Я задремала. У меня был не самый легкий денек.

Подруга смотрела на нее с широко раскрытыми глазами, удивление и восторг на мгновение озарили ее лицо, прежде чем ей удалось взять себя в руки.

Она прочистила горло.

— Спар сказал то же самое. Мне так жаль, дорогая. Как твой бок?

— Заживает. — Ответила она честно. — Немного тянет, когда пытаюсь двигаться слишком быстро, но, по большей части, все в порядке. Спар сказал, что могло быть и хуже. Я поправлюсь где-то через неделю. Он позвонил вам, чтобы рассказать о том, что произошло?

— Нет, я позвонила тебе. Кес и я пришли совсем недавно и получили твое сообщение. Батарея на моем телефоне разрядилась, пока мы были в отъезде. Мне жаль, что прошло столько времени, прежде чем удалось перезвонить вам.

— Все в порядке. У вас ребята хватает своих собственных дел, о которых нужно беспокоиться.

— В данный момент я больше всего волнуюсь о тебе. — Нахмурилась Элла. — Покажи мне метку.

С неохотой Фил подняла руку и поднесла ладонь к камере телефона.

— Мило, да?

— Я бы так не сказал. — Сказал Кес, появляясь в камере. — Спар поведал тебе, что она значит?

— О том, что у Отступника Ултора я первая в списке самых разыскиваемых? Да. Прекрасное имя, кстати. Звучит очаровательно.

— Фил, мне так жаль. — Сказала Элла, прикусив нижнюю губу. — Мне следовало понять, что что-то не так, после того как ты рассказала о произошедшем в аббатстве. То есть я поняла, что ночью пытался использовать против тебя какое-то заклинание. Но нужно было лучше копать и выяснить, что он сделал.

— Это не твоя вина, Элла. Даже если бы ты все выяснила, ущерб уже был нанесен на момент нашего разговора. Ты бы ничего не смогла поделать, чтобы изменить это. Если конечно у Академии нет какого-нибудь шикарного артефакта для путешествий во времени, который тебе удалось отыскать.

— Ничего такого. Или если у них и был такой, то он, как и миллиард других секретов, исчез во время взрыва в штаб-квартире.

— Тогда не переживай об этом. — Сказала Фил уверенно. — Все уже случилось. Сейчас я бы предпочла забыть о том, как это произошло, и сосредоточиться на том, что можно сделать, чтобы избавиться от метки. Я имею в виду, это заклинание что-то вроде проклятья, правильно? Значит должен быть антидот к нему? Контр заклинание или что-то в этом роде?

Элла вздохнула.

— Теоретически, да. Проблема в том, что нам нужно точно знать какое проклятье на тебя наложили, чтобы найти контр заклинание. Если мы ошибемся, то можем только усугубить ситуацию. И потом, понадобятся довольно серьезные навыки, чтобы управлять чем-то подобным. Это деликатная работа. У меня может быть приличное количество сил, но для Хранителя я все еще не до конца обучена.

— Я думала, ты учишься на третьем курсе юридического факультета.

— Так и есть, когда выпадает шанс, но в данный момент мне нужно изучать заклинания, к которым получила доступ, и, все равно, это всего лишь базовые знания. А пока я больше знаю о хранителях, скрепляющих заклинаниях и порталах, чем о проклятьях. Прости.

— Опять же, это не твоя вина. Я очень хочу избавиться от этого. Должно быть что-то еще, что мы можем сделать.

— Я собираюсь приложить все усилия, чтобы найти еще одного Хранителя, — сказала Элла. — Настоящий, полностью обученный член Академии знает намного больше об этом, чем любой из нас, так что, если мы выследим его, он сможет помочь.

Фил скорчила гримасу.

— Прекрасно. При условии, что он все еще будет жив, когда ты отыщешь его, правильно?

Элла отвела взгляд.

— Хранители не единственные у кого есть силы. — Сказал Кес, положив руку Элле на плечо и пытаясь приободрить ее. — Магия, которой они владеют, это чистейшее проявление силы, но на протяжении многих веков существовали люди с возможностями черпать энергию земли или направлять ее на создание простых заклинаний в мир смертных.

Через мгновение Фил сложила все кусочки воедино.

— Что? Ты говоришь о ведьмах и священниках? Мне нужен экзорцист?

Спар фыркнул.

— Экзорцизм — не что иное, как заключение слабой формы темного духа в замкнутое пространство в качестве наказания. Метку одного из семи не так легко удалить, и тем более, это не под силу святому человеку из церкви размахивающему распятием и распивающему обычные молитвы.

— Раз существуют демоны, то должны быть и боги, правильно? Тогда почему священник не может помочь?

— Бог всего лишь человеческое представление. — Спар покачал головой. — Есть Свет, и есть Мрак.

То, что вы люди называете богами, это грани Света, про которые сложили истории, чтобы постичь неизвестное. Священник одной из грани не сможет противостоять развращенности, присущей одному из Семи.

— А ведьма справиться лучше? — огрызнулась Фил.

— Силы ведьмы могут быть более точными. — Вмешался Кес, прежде чем Спар смог ответить. — Они могут направить силу земли, а также применить в качестве защиты, которую она дает. Вряд ли ведьма сможет удалить метку, но, возможно, у нее получится помочь замедлить ее развитие.

— В таком случае, я согласна.

— Но как она сможет найти ведьму? — спросила Элла, хмуро посмотрев на своего Стража. — Она человек, Кес, как и я, не забыл? Сомневаюсь, что она зависает с местным ковроном, или как это называется.

Фил засмеялась.

— Ты права, я не зависаю с ними. Но мне кажется, я знаю кое-кого, кто может меня направить к одной из них.

— Кто?

— Тим Масселло. Он профессор Университета Макгилла, социолог или антрополог,

что-то в этом роде, но еще и увлекается всем сверхъестественным. Около года назад он нанял меня восстановить страницу из иллюстрированной рукописи. Тим наткнулся на нее, когда занимался исследованиями для своей книги об эволюции ведьмовской силы с исторических гонений до современного язычества. Он рассказывал, что провел много времени, общаясь с современными ведьмами для своего проекта. Интересно, поможет ли он мне связаться с кем-нибудь из них.

— Попытка не пытка, правильно? — Элла говорила почти восторженно об этой идее. — Ты должна использовать этот шанс, Фил. Мне не нравится мысль, что эта штука на твоей руке может стать хуже. Или, не дай бог, разрастется.

Фил вздрогнула.

— Ага, спасибо за пищу для размышлений, как будто мне больше не о чем беспокоиться.

Подруга поморщилась.

— Извини.

— Мы завтра же свяжемся с этим профессором. — Сказал Спар, потянувшись к ее руке. — И, если он не сможет нам помочь, мы найдем того, кто сможет.

— А в это время Элла и я будем искать Хранителя. Надеюсь, что мы найдем его не только живым, но и готовым поделиться информацией о том, где находится один из наших братьев. Следует признать, что им грозит большая опасность, чем когда-либо.

— Согласен. Нужно созваниваться, по крайней мере, раз в несколько дней. Нам необходимо собрать воедино наши знания и средства, чтобы быть на шаг впереди ночных.

— Это средство коммуникации кажется подходящим и эффективным.

Элла улыбнулась Фил.

— Это так великодушно со стороны Кеса. Современные технологии еще не завоевали его сердце. По крайней мере, не те, у которых нет колес и огромного мотора.

Спар встретился взглядом со своим братом в экране и ухмыльнулся.

— У моего человека есть мотоцикл. Мне нравится ездить на нем, но я надеюсь уговорить ее, позволить мне поводить.

— Только через мой труп. — Прорычала Фил, хмуро взглянув на него.

Элла засмеялась.

— Удачи вам в этом и с вашим профессором. Пришлите мне смс или e-mail и дайте знать, как все прошло, хорошо? И звоните, если что-нибудь понадобится.

— Хорошо, Эл. Спасибо.

— Без проблем. Поговорим позже, дорогая.

— Пока.

Фил забрала телефон из железной хватки Спара и закончила звонок. Пытаясь положить его на кофейный столик, она наклонилась вперед, только для того, чтобы Страж притянули ее обратно к своей груди.

— Ты должна была спать.

Она прислонилась к нему и положила голову на его плечо.

— Если ты не хотел, чтобы я проснулась, то должен был остаться в постели.

— Я боялся, что звуки на твоём устройстве могут потревожить тебя.

— Нет, я проснулась из-за холода.

Его руки скользнули под ее халат и прошли по перевязке.

— Я беспокоюсь, что был слишком груб с тобой. Твоей ране нужно время, чтобы

зажить.

— Все в порядке. — Она положила руку ему на грудь и почувствовала, как оно бьется под ладонью. — По крайней мере, физически. Я не отрицаю, что чувствовала бы себя лучше без этой шуковины на моей руке. Избавление от нее, безусловно, улучшит мой день.

Она почувствовала теплое и нежное прикосновение губ к своему лбу.

— Завтра мы свяжемся с этим мужчиной в университете и потребуем, чтобы он нашел нам ведьму.

Фил усмехнулась и, наклонив голову, бросила на него косой взгляд.

— Сначала мы можем попробовать попросить его вежливо. Он был в восторге от моей работы над его рукописью. Думаю, он поможет, если сможет.

— Хорошо.

Спар обнимал ее в тишине несколько минут, и она впервые, после проникновения в аббатство, ощутила себя абсолютно в безопасности и почти умиротворенно.

Конечно, из-за его твердых бедер, прижимающихся к ее заднице, и большой руки, рассеяно поглаживающей ее бедро, вскоре она начала ощущать совсем другое.

Откинув голову, она прижалась губами к нижней, колючей стороне его челюсти. Фил почувствовала, как он напрягся, и стала языком дразнить его кожу.

— Тебе нужно отдыхать. — Сказал он голосом со знакомыми низкими нотками, от которого в ней вспыхнуло желание. Спар подался вперед, будто хочет снять ее со своих колен, но она могла сказать, что его пальцы вцепились в нее, не желая отпустить.

— Ты знаешь, где находится очень хорошее место для отдыха? — промурлыкала она, шевеля задницей и чувствуя, как его член твердеет под ней. — В кровати. Почему бы нам не пойти туда, хм? Вместе.

Спар измученно застонал, но это не остановило его от того, чтобы встать на ноги, надежно держа ее на своих руках.

— Ты будешь отдыхать. — Приказал он, целенаправленно шагая по коридору, и страсть сияла в его глазах. — Ты должна пообещать.

— Конечно, детка. Обещаю, что отдохну. — Она обвила руками его шею и приблизила свои губы к его. — После.

* * *

Профессор Марсселло оказался мужчиной среднего роста, среднего веса и острого ума. В свои сорок лет он выглядел скорее как повзрослевшая версия одного из его студентов, а не как скучные, серьезные академики, которых встречал Спар в свои предыдущие годы.

Конечно, то, что он не просыпался последние два столетия, могло слегка отразиться на его восприятии.

Тим, как он позволил себя называть, впустил их в свой кабинет с теплой улыбкой и закрыл дверь, отрезая от толпы слоняющихся по коридору студентов.

— Извините, что прерываем вас в рабочее время, но я подумала, что, скорее всего, вас можно найти именно здесь. — Улыбнулась Фил.

— Не беспокойтесь об этом. Вы пришли как раз под конец. Я только собирался закрыть дверь перед многочисленными паразитами и позаниматься.

Он подождал, пока они усядутся на неудобных стульях, стоящих перед его столом,

прежде чем оперся бедром на его край и приподнять бровь.

— Итак, что я могу для тебя сделать, Фил. Подозреваю, что ты заскочила не для того, чтобы выпить со мной чашечку кофе, на которую я так усердно тебя приглашал.

Фил услышала, как Спар хмыкнул, и стрельнула в него предупреждающим взглядом.

— Сначала, думаю, нужно вас познакомить. Спар, это профессор Тимоти Масселло Макгиллского Университета в Квебеке. Тим, это мой друг Спар...

— Ливингстон. — Вмешался мужчина, от чего профессор оживленно кивнул. Оживший камень^[9]? Фил чуть ли не растянула мышцу, пытаясь не закатить глаза.

— Приятно с вами познакомиться.

Тим казался немного настороженным, но достаточно дружелюбным. Возможно, он заметил, как Спар вошел в кабинет и сразу же просканировал каждый его дюйм в поисках угрозы, или может просто заметил, как Страж едва ли не кружил над Фил, защищая.

В любом случае он оставался спокойным и не делал попыток флиртовать с ней снова. Она могла только порадоваться этому. На данный момент больше неприятностей ей не нужно.

Ей нужна помощь и ответы, и чтобы Тим не подумал, что она сошла с ума, когда расскажет ему свою историю.

Сделав глубокий вдох, она решила, просто рассказать все как есть.

— Ладно, возможно, это прозвучит немного безумно...

— О, все самые интересные истории начинаются с этого. — Тим улыбнулся и помахал рукой, извиняясь за то, что прервал ее.

— Но я подумала, что ваши другие, эм, эзотерические исследования могут означать, что вы в силах помочь мне с моей проблемой.

Фил провела полночи и все утро, размышляя над тем, что рассказать профессору, и, в конце концов, решила придерживаться минимально возможного количества информации.

Ему не нужно знать о Стражах, об Обществе Вечного Мрака или о непрерывной войне между силами добра и зла. Лучше отнестись к вещам проще и просто сконцентрироваться на метке и помощи, в которой она нуждается, чтобы избавиться от нее.

— Хм, я так понимаю, вы хотите поговорить не о моей работе над обрядами инициации в странах к югу от Сахары в племенах Черной Африки.

С губ Фил сорвался смешок.

— Не совсем. Я подразумевала что-то вроде вашей книги, особенно об ее более современном разделе.

Брови Тима поползли вверх.

— Вы интересуетесь неоязычеством? Мне кажется, вы говорили мне, что католичка. Хотите изучить альтернативную одухотворённость?

— Я больше заинтересована в ваших связях с людьми, которые занимаются этим на практическом и на религиозном уровнях. — Когда он нахмурился, Фил вздохнула. — Я надеялась, что вы сможете мне связаться с ведьмой.

Тим фыркнул от удивления и покачал головой.

— Что? Только не говорите мне, что вы ищете кого-то, кто продаст вам любовное заклинание. Не думаю, что мое воображение выдержит это.

Она заставила себя улыбнуться.

— Нет, никаких любовных заклинаний. Я полагаю, во время вашего исследования вы встречались с кем-то, кто хоть немного разбирается в магии? Или, эм, в проклятьях?

Повисла тишина, потому что Тим просто усталился на нее.

— Мне сложно представить, что вы пытаетесь найти кого-то, кто поможет вам наложить заклятие на что-то, но еще сложнее понять, для чего еще вы можете это спрашивать.

— Тим, когда мы раньше говорили о вашем исследовании, пока вы им все еще занимались, то обсуждали, что вы видели несколько довольно удивительных вещей, так? Вещей, в которые вы бы ни за что не поверили, если бы не увидели их своими глазами.

— Да, так и есть, но...

— Что же, поначалу я решила, что вы немного не в себе, или, возможно, слишком наивны, чтобы понять, когда некоторые люди, за которыми вы наблюдали, вас разыгрывали. Ну, знаете, когда используют дым и зеркала, чтобы создать хорошее шоу, а вы бы подумали, будто они могут владеть настоящей магией, и написали о них.

Когда он усталился на нее, словно она случайно начала говорить на литовском, Фил вздохнула. Затем вытянула свою левую руку, которую прятала между своей ногой и стулом.

— Сегодня я не считаю вас наивным или сумасшедшим. Думаю, если вы на самом деле видели людей, практикующих магию, во время вашего исследования, то мне может понадобиться их помощь.

Держа ладонь на весу, она следила, как его взгляд опустился на ее кожу.

Глаза Тима расширились.

— Боже мой, Фил. Что это за чертовщина?

— Мы думаем, это что-то вроде проклятья, и нам очень хотелось бы найти кого-нибудь, кто сможет нам помочь от этого избавиться.

Тим потянулся к ее руке, но замер, когда Спар предупредительно рыкнул. Фил успокаивающе на него посмотрела и затем кивнула профессору.

— Давайте, взгляните на нее поближе. Знаю, она довольно безобразна.

Он осторожно обхватил тыльную сторону ладони своей рукой и наклонил к свету, льющемуся из витражного окна. Сначала казалось, что он одним глазом следил за Спаром, но за считанные секунды все его внимание переключилось на метку, покрывающую ладонь Фил.

— Это удивительно. Как это случилось?

— Это очень длинная и странная история, а сейчас не самое лучшее место и время для нее. Достаточно сказать, что кое-кто рассердился на меня, из-за этого произошли нелепые и невероятные вещи, затем эта штука просто появилась сама собой.

— Это почти как ожог или какое-то клеймо, но метка не разорвала кожу, как обычно это происходит после ожогов. Предполагаю, что она больше напоминает татуировку. Это восхитительно.

Фил состроила гримасу.

— Это потому, что она не на вашей руке.

Тим взглянул с виноватым видом.

— Мне жаль. Вам больно?

— Нет, она не болит, просто... раздражает. Поэтому я вас и спрашиваю, не встречали ли вы кого-то, кто может знать о таких вещах и методах избавления от них.

Спар протянул руку и выдернул ладонь Фил из захвата мужчины, крепко сжав ее. Тим поочередно посмотрел на них и покачал головой.

— Это хороший вопрос. — Сказал он. — Я встречал много ведьм и людей, которые себя

так называли, во время моих опросов, но около девяноста девяти процентов того, что они считают магией, академик как я назвал приукрашенной молитвой. Они решают, чего хотят достичь, и используют символы и ритуальные действия, фокусируя свои намерения на том, чтобы это случилось.

— Не забудьте, что мы не академики. — Сказал Спар таким глубоким и резким голосом, что Тим тяжело сглотнул.

— Верно. — Поторопился он сказать. — Но я имел в виду вот что: скажем, одна из этих ведьм подумала, что ее сосед за ней следит. Ну, знаете, заглядывает в окно, когда она переодевается, или что-то в этом роде. Она могла взять небольшое зеркальце, прикрепить к нему веревочку как к ловцу солнца, наложить заклинание, которое больше похоже на молитву, и представить себе, как зеркало отражает энергию человека, который смотрит в него. Затем женщина подвешивает зеркало в окно и закрывает занавески. Когда сосед перестает следить за ней, и она узнает, что он потерял работу, потому что начальство застукало его на просмотре порнороликов в интернете, она убедила себя, что ее заклинание сработало. На самом деле, парень перестал следить за ней потому, что она закрыла занавески, и ему больше не на что было смотреть, а его начальство отслеживает все компьютеры своих работников.

Спар фыркнул.

— Это не магия, это самообман.

— Об этом я и пытаюсь сказать. Люди попадают на это потому, что верят, точно так же, как и католики верят в то, что если они съедят просвиру, которую священник дает им во время мессы, то вкусят часть тела христового. Заклятие обретает значимость не из-за того, что с помощью него, якобы, достигнут результат, а из-за того, что они верят в то, что эффект будет.

Не это хотела услышать Фил. Ей нужна настоящая помощь, а не бесполезные молитвы. Их она и сама знала.

— Вы сказали девяносто девять процентов. — Выделила она. — Это значит, что один процент был не таким?

— Я повстречал одну женщину. — Сказал Тим задумчиво. — Правда, встретился с ней случайно. Она не была одной из тех людей, кому я отправлял письмо об исследованиях в начале, когда я искал субъекты. Я столкнулся с ней в оккультическом магазинчике, когда разговаривал с людьми работающими там. Она зашла, чтобы продать некоторые травы, которые вырастила в своем саду.

— Она травница?

— Помимо всего прочего. Она выращивает травы, делает чай, лосьоны и продукты для ванны из них. Она также лицензированный массажист и корзинщик. — Усмехнулся Тим. — Когда я впервые ее увидел, то принял за хиппи современного, викканского стиля.

Спар сузил глаза.

— И чем же она отличалась?

— Поначалу, ничем. Она занималась своими делами с менеджером магазина, пока я разговаривал с владельцем за прилавком, и ушла. Но когда я закончил свой первый опрос и вышел из магазина, она ждала меня снаружи. Она предупредила меня, что некоторая информация, которую дал мне хозяин магазина о растениях и травах, бала просто не правильной. И посоветовала мне поговорить с женщиной в другом магазине в Анжу. После того как мы поболтали с ней несколько минут, я спросил ее не хочет ли она ответить на

несколько вопросов для моего исследования. Она наотрез отказалась.

— И как же вы выяснили, что она отличается от других людей, с которыми вы разговаривали?

— Она уже отличалась. Большинство людей, с которыми я общался, не могли дождаться, чтобы навесить мне лапши на уши. — Тим покачал головой. — Я шесть месяцев настойчиво уговаривал ее просто записывать то, чем она занимается.

— И чем она занималась? — потребовал Спар.

— Я однажды видел, как она зарыла семечко яблока в обычный садовый горшок и положила руку поверх земли. В течение пяти минут наблюдал, как из грязи прорастает зеленый стебель и расцветает новый листок. Я выронил свой цифровой диктофон, едва не потеряв все утренние интервью.

— Это все? Она вырастила растение?

— Тс! — ругнулась Фил на Спара и развернулась к Тиму. — Это не все, так?

— Список слишком велик, по большей части мелочи, но все они не сравнятся с тем, что я тогда увидел. Остальные рассказали бы длинные истории о ритуалах, которые они проводили, чтобы то или иное случилось, но все что я узнал это *post hoc, ergo propter hoc*. «После этого — значит по причине этого». — Объяснил Тим. — Еще в средневековые люди думали, что личинки вырастают из мяса, потому что, оставляя кусок мяса, замечали, как потом в нем появлялись личинки. Они видели одну вещь, затем вторую и предполагали, что второе вытекало из первого.

— Я поражена, что не все люди были вегетарианцами. — Пробормотала Фил.

— В основном были, но эта тема для лекции кафедры истории. Важно одно — ничто из того, что... что она делала, — Тим поправил сам себя, — не было похоже на это. Она никогда ничего не доказывала. Просто делала вещи, а интерпретацию оставляла мне.

Фил поджала губы.

— Вы думаете, эта травница сможет мне помочь?

— Считаю, она единственная из всех, кого я встречал, кто может иметь хоть какое-то верное представление о том, как попытаться.

— Вы дадите мне ее номер?

Тим составил гримасу.

— Не могу. Я пообещал сохранить ее личность строго конфиденциальной. Это был единственный способ разговаривать с ней.

Губы Спара искривились в оскале.

— Тогда зачем вы дразните нас тем, что даете веру в то, что она может помочь Фелисити?

— Я не дразнил вас, клянусь. — Поторопился заверить их мужчина. — Я не в силах дать вам ее номер, но могу сделать наоборот. Я сам ей позвоню и расскажу вашу историю. Она верит в то, что способности даны ей, чтобы помогать другим. Уверен, если расскажу ей, что случилась с вами, она сама примчится.

Фил выдернула руку из захвата Спара и снова протянула ладонь.

— Это важно, Тим. Мне действительно нужно поговорить с ней.

— Знаю. И обещаю, она позвонит.

Фил вздохнула.

— Тогда думаю это лучшее, о чем я могу просить.

— Мне жаль. Поверьте, если бы я сам мог помочь вам, то сделал бы это, но, даже

учитывая всю мою осведомленность, боюсь это всего лишь академические знания. Простите за каламбур. Я увидел и зафиксировал много невероятного, но совершенно не представляю, как сделать такое самому.

Тим оттолкнулся от стола и побрел в подсобку, чтобы порыться в одном из нижних ящиков. Через мгновение он вернулся, держа в руках миниатюрный стеклянный пузырек.

— Вот. Думаю, это не навредит. — Он передал его Фил, пожимая плечами, и засунул руки в карманы. — Святая вода. Из Ватикана. Это был сувенир. Знаю, это вроде клише, но вы же католичка, правильно? Я действительно считаю, что в вере заключена великая сила.

Фил выдавила полу смешок.

— Я была католичкой. Мои бабушка и дедушка меня так воспитали. Но за последние несколько дней? — она покачала головой. — Я больше не уверена в том, во что верила.

— Что же, считайте, что в пузырьке кроличья лапка. — Уголок его губ приподнялся. — И ношение его собой ничего плохого не навлечет, а если из этого выйдет что-то хорошее... post hoc, ergo propter hoc, правильно?

Фил поднялась и положила пузырек в карман своей куртки.

— Спасибо, Тим. Буду признательна, если вы позвоните как можно скорее. Как я уже говорила, у меня выдалась очень сложные дни.

— Как только я закрою за вами дверь. — Он поднял руку с тремя вытянутыми средними пальцами. — Честь скаута.

— Спасибо.

Вложив свою ладонь в руку Спара, Фил попрощалась. Вместе они вышли из прохладного кирпичного здания прямо на яркий солнечный свет.

Щурясь от яркого света, Фил выдохнула.

— Получилось не совсем так, как я надеялась.

Спар провел большим пальцем по линиям метки на ее ладони и нахмурился.

— Нет, не так. Я ожидал большего от человека.

— Он делает, что может. Мы оба знали, что шансы малы.

Он хмыкнул и прошел по лужайке туда, где они оставили мотоцикл.

— Мне не нравится это ощущение, когда приходится ждать, пока другие решат наши проблемы. Я предпочитаю все брать на себя.

— Ага, я вроде как уже поняла это. Я тоже не в восторге от этой беспомощности, но прямо сейчас не уверена, можем ли мы еще что-нибудь сделать.

Спар проворчал что-то себе под нос и закинул ногу на мотоцикл.

Она посмотрела на него.

— Знаешь, твое ворчание нам не поможет.

Он открыл было рот для ответа, но закрыл его и уставился на ее бедро. Заиграла песня Эллы Фицджеральд «Oh, Lady Be Good» из кармана на ее джинсах.

Вытащив свой телефон, она по привычке проверила экран. Хотя уже узнала рингтон, стоящий на подругу.

— Что случилось? — ответила она.

— У меня. Есть. Новости!

Сердце Фил ускорило свой темп, когда она уловила волнение в голосе Эллы.

— О, мой бог. Пожалуйста, скажи мне, что ты говорила с хранителем, и он жив и является экспертом по устранению демонических проклятий.

— Нет, блин, Фил. Теперь все, что я скажу, только разочарует тебя. Обязательно нужно было поставить планку так высоко?

Она вздохнула.

— Просто скажи мне, что это что-то более значимое, чем обнаружение той идеальной пары бежевых шпилек, которые искала.

— У меня есть адрес.

— Обувного магазина?

— Последние известное место нахождения Джеффри Майкла Онслоу, продавца антиквариата и члена Академии Хранителей.

Фил чуть не выронила телефон из рук.

— Какого черта ты не звонишь мне из его гостиной?

— Потому что, — сказала Элла, подчеркнуто медленно, — мои маленькие проворные ручки добрались до этой информации примерно двадцать семь минут назад.

— Это не...

— И, — продолжила она, — потому что этот адрес в Оттаве.

— Это в нескольких часах езды отсюда.

— Знаю. И поэтому сообщаю это тебе.

— Ты лучшая.

Закончив разговор, Фил отстегнула свой шлем, и запасной с задней части мотоцикла.

— Надевай. — Она передала Спару второй шлем. — Мы собираемся прокатиться.

Она нарушила все скоростные ограничения Канады по дороге в Оттаву. Оставляя позади километры. Фил ощущала теплое присутствие Спара за спиной, которое только подталкивало ее. Он надеялся на исцеление также отчаянно, как и она.

Спутниковая система навигации на ее телефоне указала ей съехать с шоссе к востоку от города Оттава. Указатели сообщали, что они находятся в Кларенс-Рокланде, а затем и в самом Рокланде, куда Фил начала перемещаться по местным дорогам.

К тому времени, когда указатели привели ее к краю города и направили ее свернуть с сельской дороги, был уже полдень. Ее сердце колотилось в груди, а руки начали потеть на ручках руля.

Длинная дорога привела их к строению, которое когда-то было фермерским домом, окруженный небольшим яблоневым садом. Белые доски сияли в солнечном свете, у окон была ярко зеленая отделка и подобранные пышные элементы на карнизах.

В таком доме мог бы жить продавец антиквариата, и она практически представляла интерьер, переполненный викторианскими диванами и обеденными столами кустарного производства.

Фил заглушила двигатель и на мгновение откинулась назад, анализируя. В данный момент она с трудом могла отделить свой страх от интуиции, но и тут ее чувства нельзя было назвать позитивными.

Спар спрыгнул с мотоцикла и уставился на нее.

— В чем дело?

Она кивнула на дом.

— Не думаю, что дома кто-то есть.

— Пойдем, посмотрим.

Фил взяла его за протянутую руку и пошла к широкому парадному крыльцу, чтобы постучать в деревянную входную дверь. Когда через минуту или две никто не ответил, она открыла ее и постучала дверным молотком по внутренней двери. По прежнему, никто не отвечал.

Прежде чем она смогла остановить его, Спар протянул руку и повернул дверную ручку, обнаружив, что дверь не заперта. Он открыл ее и вошел внутрь, в то время как Фил уперлась ногами в порог и дернула его за рубашку.

— Ты не можешь просто так взять и войти в чей-то дом. — Зашипела она. — Никого нет дома! Мы можем попасть в неприятности из-за этого.

— И кто же нам устроит неприятности? Здесь никого нет. — Аргументировал он и прошел через фойе.

— Полиция, как только кто-то из соседей им позвонит.

Он пожал плечами и прошел через открытую дверь.

Позади него Фил застонала и зажмурила глаза.

— Прошлый раз, когда я совершила взлом с проникновением, это ничем хорошим для меня не закончилось. Пожалуйста, пожалуйста, пусть это не закончится так же. Я не смогу вынести больше одной метки демона одновременно.

Нашупав флакон святой воды в своем кармане... и горячо надеясь, чтобы Тим оказался прав на счет того, что она приносит удачу... Фил с неохотой вошла в дом и поторопилась

нагнать Спара.

Гостиная выглядела почти так же, как она и представляла. Темная, с дверьми и окнами, окантованными настоящим деревом, и соответствующим мощным камином с замысловатыми резными листьями и желудями.

Античный двухместный диван, обитый зеленым бархатом, стоял лицом к камину, по бокам поставили кожаные кресла. Кружевные салфетки лежали на чайном столике, и Фил поставила бы двадцать баксов на то, что красиво инкрустированный шкаф в углу дома был старинным патефоном фирмы Виктрола.

Она добавила бы еще два доллара на то, что он до сих пор работает.

Спар уже прошел через раздвижную дверь, разделяющую зал от комнаты, которая напоминала рабочий кабинет. Громадный письменный стол гордо стоял посреди комнаты, оснащенный спиралевидными ножками, которые в обхвате были шире руки Фил.

При взгляде на поверхность у нее тут же сложилось впечатление управляемого хаоса. Почти всю поверхность заполнили кипы бумаг, коробок, ручек, кружек, часы, по меньшей мере, три различных антикварных письменных набора, которые она смогла заметить, и книги.

Книги валялись повсюду. Они высились в стопках, располагались на полках, фолианты открыто лежали на почти каждой доступной поверхности. Либо Джеффри Онслоу был ненасытным читателем, страдающий Синдромом дефицита внимания с гиперреактивностью, или он был в процессе какого-то исследования.

Фил не знала, какой из ответов ее больше бы устраивал.

Спар отодвинул в сторону рабочий стул и просмотрел документы, лежащие посреди остальных бумаг.

— Ты была права. Его здесь нет.

— Я предположила, что он может быть наверху, но не думаю, что он дома. Здесь так пусто. Думаешь, нам следует вернуться на крыльцо и подождать его? Он может быть на работе или в магазине или где-то еще.

— Нет, я имею в виду, что он все бросил. Сбежал от Общества. — Спар поднял голову и встретился с ней глазами. — Но он оставил нам послание.

— Какое?

— Подойди и посмотри.

Он помахал ей рукой, подзывая к себе, и подтолкнул к ней листок.

Канцелярская бумага была цвета свежих сливок, толстой, дорогой и до смешного старомодной. Она полностью соответствовала этому дому. Кто-то, использовав ручку с широким пером, торопливо нацарапал на нем послание.

— Стражу. — Прочитала она вслух. — Я знал, что ты придешь, но не достаточно быстро. Поскольку время истекает, я пришел к выводу, что лучше всего сбежать сейчас и надеяться увести наших врагов за собой. Если мне удалось, то вы найдете конверт в моей любимой книге поэзии. Надеюсь, что его содержимое поможет тебе и твоей женщине сделать то, что вы должны. Боюсь, что появился Тот, кто уже не спит.

Она перевернула страницу, но больше ничего не увидела.

— Это все. Милая загадочка, да? Надеюсь, ты знаешь, что это значит, потому что мне сейчас совсем не до интеллектуальных игр.

Спар уже отправился к книжным полкам, стоящим у задней стены комнаты.

— Это означает, что, прежде всего нам нужно найти этот конверт.

— Да ладно? Ты знал Джеффри Майкла Онслоу, Спар? Вы, ребята, были приятелями? — спросила она, сарказм разве что не капал с подбородка. — Надеюсь достаточно близкими, чтобы поболтать о ваших любимых поэтах.

— Я никогда раньше о нем не слышал. — Хмыкнул он и вытащил тяжелый том со средней полки.

Он был размером с фотоальбом только толще, и обтянут потертой кожей.

— Но его подсказка довольно старая и знакомая, используемая Академией. Каждый Хранитель в течение нескольких столетий хранил копию этой книги в своей библиотеке.

Фил позволила ему положить книгу на стол и перелистнуть обложку.

— Потерянный рай? Серьезно? Ты пытаешься мне сказать, что у Академии есть чувство юмора?

— Ты считаешь поэму смешной?

— Поэму, нет. Но то, что Академия называет ее своей любимой книгой поэзии, да. Ну брось. В ней же рассказывается только о падении Сатаны и о войне между ангелами и павшими. — Он продолжал смотреть на нее в недоумении, когда она закатила глаза. — Ты не считаешь, что это довольно близко к истине?

Спар покачал головой.

— Повторюсь, религия является лишь языком, чтобы объяснить непонятное. Я могу заверить тебя, что ни один из Семи не является творением Господа, который изгнал их из-за высокомерия. Каждый из них частица самой Тьмы, разорванной на части, чтобы ослабить их всех и держать взаперти во благо живой вселенной. А эта история просто сказка на ночь.

— Ладно, значит, у Академии есть чувство юмора, а у тебя нет.

Он проигнорировал ее и начал листать страницы книги. Спар хмыкнул, когда выпало несколько страниц, которые раскрыли отверстие, вырезанное в бумаге. Внутри лежал коричневый конверт семь на девять.

Фил громко выдохнула.

— Вау. После записки, похожей на одну из тех, что показывают в малобюджетных шпионских фильмах, я была почти уверена, что этот парень сумасшедший, но, по крайней мере, многое из написанного оказалось правдой. Как же он узнал, что мы придем?

— Предполагаю, что использовал какой-то способ гадания, если конечно он не обладает способностью видеть будущее от рождения.

— Как предсказание? Есть люди, которые могут на самом деле делать такие вещи?

Он бросил на нее косой взгляд.

— А действительно существуют люди, которые могут посмотреть на человека и определить его характер и способность излучать магию взглядом?

Она показала ему язык. Это само собой напрашивалось.

— Не будь придурком. Ну то есть, тетя моей бабушки всегда знала, кто пришел, еще до того как раздавался дверной звонок, но эти предсказания были минут за пять. Судя по тому, как выглядит это место, Онслоу, должно быть, ушел несколько часов назад. А может быть и дней, откуда нам знать.

— Возможно. Я видел оракулов, предсказывающих войны на столетия вперед. Полагаю, что после недавних событий, ты захочешь переосмыслить свое определение тому, что возможно, а что нет, маленький человек.

Он провел кончиком пальца по ее щеке. Фил схватила и сжала его руку.

— Неплохая идея, по-моему. — Она выхватила конверт из его рук и потянулась за

канцелярским ножом, который лежал посреди беспорядка. — Давай посмотрим, что мистер Онслоу посчитал нужным нам сообщить.

Разрезав край, Фил вытащила из конверта толстый кипу бумаг. Они были сложены друг в друга внутри стандартных компьютерных листов, но она видела разные материалы и размеры, включая фотокопии, страницы записной книжки и вырезки из газеты. Ее любопытство взбудоражилось.

Послышался звук удара вдалеке, и Фил подняла голову.

— Пожалуйста, скажи мне, что это не дверь машины. Например, дверь машины КККП^[10], которые пришли арестовать нас за проникновение в дом.

Она попыталась выглянуть в окно, но эта часть дома выходила в сад, а не на передний двор.

— Мы ничего не взламывали. Дверь оказалась открыта. — Голос Спара даже не дрогнул, но она заметила, что он уже переместился к двери. — И к тому же нас ждали. Я объясню это властям.

— Ага, обязательно. Я все же хочу убраться отсюда. Мы сможем разобраться со всем этим дома.

Фил обнаружила, что говорит в пустоту, и услышала, как дверь в передней части дома захлопнулась за исчезающим гаргульей.

— Говорила же, — бормотала она себе под нос, складывая кучу бумаг и пытаясь запихать их обратно в конверт, — взлом с проникновением ничем хорошим для меня не закончится.

Слова едва слетели с ее губ, как звук разбившегося окна прямо позади нее заставил Фил закричать, что есть мочи.

Завертевшись, как волчок, она выставила конверт перед собой, как довольно жалкий щит, и с ужасом наблюдала, как кулак цвета грязи проник через окно и схватил ее.

Она мельком увидела толстую, темную руку, переходящую в мускулистое плечо, которое опустилось, позволив скуластому лицу заглянуть в окно.

Учитывая то, что за счет ступенек полдома находился в пяти футах над уровнем земли и тот факт, что неизвестный, стоящий снаружи, пытался нагнуться, чтобы заглянуть внутрь, никак не успокаивало Фил.

Выкрикивая имя Спара, она кинулась обратно к столу, чтобы оказаться вне досягаемости этого нечто. Казалось, грязь капала с его кожи, а затем снова растекалась по телу, и Фил поняла, что это существо было не просто грязного цвета, оно выглядело сделанным из грязи.

На самом деле, красное, неземное сияние его глаз оказалось единственным, что не походило на глину, почву или тонкие корни растений, которые жестоко вырвали из почвы.

И, фу, это червь обвивал его запястье?

Фил услышала зловещий треск деревянной оконной рамы, когда остальные осколки осыпались на пол. Внезапно сделав выпад, существо просунуло руку в окно по плечо и как-то умудрилось схватить Фил за лодыжку своей грязной лапой.

В ужасе она ухватилась за край стола, но казалось, что под рассыпчатым слоем почвы скрывался железный скелет. Существо потянуло, и Фил закричала, но чувствовала, как неизбежно ослабевают ее захват, пока руки не соскользнули, и она не потела через окно.

Существу удалось вытащить ее ноги наружу и схватить за другую лодыжку для более прочного захвата. Фил согнулась, пытаясь хотя бы верхней частью тела удержаться в

комнате.

Распластавшись грудью по стене под окном, она старалась уцепиться за что-нибудь. Ее пальцы нащупали подлокотник кресла, и от этого оно покатилося прямо на ее голову. С проклятием она оттолкнула его от себя, и кресло врезалось в книжные полки.

Единственной вещью, оставшейся в ее досягаемости, оказался край ковра с кисточками. Обхватив его пальцами, она вцепилась в ткань, как моллюск в свою раковину, и отчаянно пыталась пинать существо, удерживающее ее.

Нечто взвыло от разочарования. Звук сотрясал оконную раму, и Фил почувствовала вибрации у себя в животе. «Бедняжка, — подумала она, — не получилось убить ее с легкостью». Фил волновалась, что высокий, темный и грязный мог зарыться в нору.

Когда дверь в библиотеку ударилась о стену при открытии, Фил чуть ли не зарыдала от облегчения. Но только до того момента, пока гаргуля не взглянул на нее и не исчез в том же направлении, что и пришел.

— Спар! — выкрикнула она. — А ну вернись назад, ты беспечный сукин сын! Мне бы не помешала твоя помощь.

Монстр, удерживающий ее, сильно дернул за лодыжки, заставляя ее закричать совсем иначе. Казалось, будто ей вырывают тазовые кости из суставов.

Либо так, либо он собирался полностью вырвать конечности. Боль смешалась с давлением на живот, из-за чего на нее накатила тошнота.

Черт побери, ее не вырвет снова. Она уже исчерпала норму за неделю. Нет, за долбаный год.

Новый рык пронзил тишину, и Фил его узнала. Где-то снаружи Страж перешел в полную боевую готовность.

— Чертовски вовремя, Твердолобый.

Внезапно ее лодыжки выпустили, и она ударилась коленями о дощатую обшивку настолько сильно, что у нее полетели искры из глаз. Фил вскрикнула и ухватилась за ковер, потому что из-за гравитации ее ноги потянуло вниз, угрожая утащить остальную ее часть туловища через окно.

Позади нее раздавались звуки настоящей войны, но она видела только библиотеку и нижнюю часть стола Онслоу.

Фил верила, что Спар способен защитить ее, но неужели это существо, напавшее на нее, причиняет боль Стражу? И что это вообще за чертовщина? Что-то она сомневалась, что название грязевой демон можно считать техническим термином.

Неудобное положение не помогало душевному состоянию Фил. Быстро взвесив все за и против, она пришла к выводу, что закончить путешествие, упав снаружи, куда проще, чем пытаться затащить свой зад назад через окно.

Ей просто нужно положиться на Спара, который будет отвлекать монстра, пока она вылезет и затем смоется отсюда.

Быстро помолившись, она отпустила ковер и оттолкнулась от пола, приземлившись спиной прямо на твердую почву. Это действие сотрясло и так уже ноющие мышцы, но она проигнорировала это ощущение.

Настолько быстро насколько смогла Фил перекатилась на ноги и огляделась. Менее чем в двадцати шагах Спар парил над чем-то, что, как она теперь ясно разглядела, походило на Невероятного Халка. Ну, знаете, если бы ребенок слепил его из грязи, как на пляже замок из песка.

Грязевой Халк кинулся на Стража, но гаргулья просто взмахнул крыльями и взлетел, оказавшись вне досягаемости. Облетев вокруг, Спар подобрался к существу с другого угла, целясь ему в грудь.

Существо развернулось и снова попыталось схватить, но Фил заметила, что оно было медленным и неуклюжим. Сильным, да, и она тому свидетель, но, по сути, не соперник для гаргульи.

Спар сражался как хищник, изнуряющий свою добычу. Он стрелой нападал, отрывал кусок земляной плоти, затем отступал слишком быстро, что существо не могло до него добраться. Оно начало крутиться на месте в ответ на постоянное движение Стража.

Это было неуклюже и некрасиво, Фил не предвещала ему будущего в музыкальных клипах. Зрелище могло показаться довольно смехотворным, если бы этот монстр не пытался убить ее пять минут назад.

А она обычно злится за такие вещи.

Халк снова завертелся, пока вновь не оказался лицом к дому. Увидев Фил, он, казалось, позабыл о Страже, пытавшемся убить его, и рванул в ее сторону.

Спар взревел от возмущения и спикировал, чтобы убить, обхватив комкообразную голову существа и начисто сорвав ее с плеч.

Но существо продолжало наступать.

Фил моргнула, вскрикнула и стала пятиться, пока не налетела на стену дома, обшитого досками. Даже без головы существо продолжало двигаться в ее направлении.

Очевидно, ему не нужно видеть, чтобы напасть на нее. Оно потянулось слишком рано, чтобы схватить ее, так что, возможно, его чувства восприятия все же были нарушены.

От этого движения грязь на его груди сдвинулась, и что-то странное привлекло ее взгляд. Прямо там, где должна быть грудина, виднелся чистый, четко выраженный медальон, встроенный в земляную плоть.

На нем был вырезан какой-то символ, но, по правде говоря, Фил была слишком занята поиском отходного пути, чтобы попытаться разобрать его.

Если она все верно рассчитала, то у нее получится поднырнуть под руку существа, когда оно подойдет достаточно близко, чтобы схватить ее. Фил видела, как медленно оно двигалось, и, несмотря на ее ноющие, ушибленные мышцы и суставы, она все равно быстрее. После того как увернется от его хватки, то побежит к мотоциклу. Добравшись до Tiger, она окажется вне досягаемости, а в это время Спар расправится с проклятым существом.

К счастью, ей не пришлось ждать.

С яростным ревом, гаргулья приземлился на плечи существа. Не в состоянии издавать звуки без головы, монстр все-таки проявило неудовольствие, потянувшись вверх, чтобы схватить Стража за талию.

Прежде чем Халк смог перевернуть нападающего на землю, Спар схватил странный медальон и выдернул его из груди зверя. Тут же существо осыпалось на землю как оползень, не оставив после себя ничего кроме груды плодородной темной почвы.

— Твою мать. — Казалось, что с этими словами ее покинули последние силы, потому что, когда они слетели с ее губ, колени подкосились. Она скользнула вниз по стене дома и опустилась на задницу возле разрушенного окна. — Что за чертовщина это была?

— Голем. — Выплюнул Спар, сжимая кулак и превращая медальон в пыль.

Потрясенная, Фил услышала пронзительный крик и увидела, как облако тошнотворного зеленого тумана поднялось в воздух над ними. Оно корчилось в течение секунды, и она

могла поклясться, что увидела изображение знакомого лица в испарениях.

— О боже! Ты видел это?

Спар смотрел, как рассеивается туман, и крик становится эхом, а затем исчезает.

— Кто это был?

— Он похож на Иерофанта. Ну, по крайней мере, он был в моем видении.

Спар только зарычал и потянулся за ее рукой.

— Пошли. Мы заберем конверт и покинем это место. Тебе нужно оставаться дома, там я смогу защитить тебя должным образом.

Не дожидаясь ответа, он поднял ее на ноги и потащил к парадному входу.

— Подожди секунду. — Запротестовала она, упираясь. — Что только что произошло? Откуда взялось это облако, и почему в нем был образ Иерофанта? Спар, ты должен мне объяснить, что происходит.

Он проигнорировал ее попытки замедлить его, но, по крайней мере, он ответил на ее вопрос.

— Голем — существо, созданное из земли и оживленное силой своего создателя. У него нет разума, нет собственной воли, но это делает его беспощадным и беспрекословным слугой.

В медальоне на его груди содержалась магия, которая давала ему жизнь, и когда я разрушил его, ты увидела сущность ночного, которой пришлось вернуться в свое тело.

Фил последовала за ним в библиотеку и подобрала конверт, который она выронила, когда напал голем.

— Значит, Иерофант создал голема и послал его за мной. Поэтому, когда он заметил меня, то перестал бороться с тобой и снова направился за мной.

Спар хмыкнул и потянул ее обратно к двери.

— Да.

— Черт.

Остановившись, чтобы вернуть себе человеческую форму, Спар открыл дверь и посмотрел на нее.

— Ты не выглядишь раненой, но я мог что-то упустить. Если ты не в состоянии доехать до Монреаля, мы можем полететь, но тогда придется оставить мотоцикл здесь и подождать до темноты. Я бы предпочел уйти сейчас, но не стану рисковать твоим здоровьем.

Фил смягчилась и потянулась к его лицу.

— Я в порядке. — Успокоила она его. — Меня тащили и немного побросали по округе, так что, возможно, все тело в синяках, но не более.

— Ты уверена?

Его темные глаза сверкнули, их внутренний огонь явно преобладал над способностью сдержаться. Она смогла распознать беспокойство по напряженному выражению лица и вспомнила, как он заявлял права на нее прошлой ночью.

Фил знала, что он чувствовал ответственность за ее безопасность, но у нее появилось неприятное чувство, что Спар слишком близко к сердцу принимал «свою» работу.

Отступая на шаг назад, она опустила руки и выдавила повседневную улыбку.

— Со мной все хорошо. Честно. А вот отправиться домой действительно было бы неплохо. Нам по-прежнему нужно изучить все эти вещи от Онслоу, не забыл?

Я бы предпочла сделать это где-нибудь, где на нас точно никто не нападет снова.

Спар сжал челюсти. Он остановил ее прежде, чем она успела выйти во двор, и осмотрел

местность в поисках опасности, перед тем как позволил ей выйти наружу.

— Когда ты найдешь такое место, убедись, что сообщила мне о нем, — проворчал он. — Возможно, мы сможем отправиться туда.

Спар стоя смотрел из окна квартиры Фелисити и размышлял. Несмотря на ее заверения, он видел скованность в ее движениях, что свидетельствовало о боли.

В этот раз у нее может и нет кровотокающих ран или сломанных костей, но ему не нравилась сама мысль о том, что она испытывала даже малейший дискомфорт. Поэтому, сразу же добравшись до ее дома, он выхватил конверт из рук Фелисити и отправил ее в ванную.

Отмокание в горячей ванне поможет облегчить боль, а за проведенное в отдалении время он мог подумать.

Спар почувствовал, как она отстранилась, или, по крайней мере, попыталась. Он заметил это сразу же, после нападения Голема, но списал все на шок после очередной попытки покушения на ее жизнь всего за несколько коротких дней.

Поездка назад на мотоцикле не предоставила ему ни единой возможности утешить Фелисити, кроме как держать ее в своих руках, но даже тогда она была напряжена в его объятьях.

Она попыталась создать дистанцию между ними, но Спар не позволит этому произойти.

Он знал с самого начала, что реагировал на Фелисити так, как ни на одну другую женщину, ни на одного другого человека за всю свою долгую жизнь.

Одно это уже притягивало его, но как только он интимно прикоснулся к ней, то начал подозревать, что в этом может быть замешано нечто большее, чем просто влечение.

Спар верил в рассказы только ими, и были... рассказами. Он слышал предания о первых Стражах, как и все из его рода. История, в конце концов, была одним из самых величайших учителей Света.

Когда Академия призвала первых Стражей, чтобы сразиться с семеркой демонов, они привели мир в ужас своей устрашающей мощью. Они сражались дни и недели, пока, наконец, Семерка не разнесли в пух и прах и изгнали из царства смертных в их бездонные тюрьмы.

Исполнив свой долг, Стражи впали в сон до тех пор, пока Мрак снова не возродился, и Хранители вновь не призывали гаргулей для выполнения своей миссии.

Цикл повторялся, снова и снова, но, насколько бы Стражи не были свирепыми и мощными, они существовали только для того, чтобы сражаться в бою, который даже не могли назвать своим. Они не чувствовали связи с людьми, которых защищали, или с миром, в котором воевали, и поэтому, в конце концов, перестали отзываться на призывы Академии.

Без чувств злости, боли или потребности защищать, которые могли заставить их сражаться, у них не осталось смысла просыпаться, и Мрак грозил захватить весь мир.

В конце концов, вызвалась женщина и бросила вызов Академии, предложив свою помощь для пробуждения Стражей. Несмотря на их протесты, она подошла к ногам первой статуи, встала на колени и начала молиться Свету, чтобы он помог ей вернуть Стражей в царство смертных и спасти человечество.

Прежде чем молитва успела закончиться, мощный треск расколол воздух, и Страж прыгнул с камня и схватил женщину, заявив на нее свои права. Она была его парой, и он поклялся, что ради ее блага и блага ее народа он снова вступит в борьбу против Семерки.

Одна за другой появлялись могущественные женщины, и друг за другом каждый Страж

нашел свою суженную.

Каждый боролся на благо своей пары, чтобы вновь изгнать Мрак из мира, и, когда угроза отступила, Стражи, желая провести остаток их существования со своей парой, потребовали, чтобы Академия освободила их от обязанностей.

С того момента Академия наделяла каждого призванного Стража способностью чувствовать, по крайней мере, основную эмоцию... ненависть к зловещему Мраку.

Академия была очень хитра и не желала заменять своих воинов каждый новый цикл, поэтому в последние несколько тысячелетий Спар слышал только перешептывания о тех немногих Стражах, которые нашли свою истинную пару.

Это стало чем-то вроде легенды среди его собратьев, сказкой, которую каждый из них знал, но все же ни один по-настоящему в нее не верил. До сих пор.

Спар поверил, что Фелисити может быть его истиной парой.

Он почти боялся думать об этом. Спар никогда не возлагал надежды, что найдет ее. Ради Света, он не особо верил, что она существует или когда-нибудь будет существовать. Он смотрел в свое будущее и видел войну и сон в бесконечном цикле однообразия.

И однажды он проиграет сражение и будет уничтожен, а на его место призовут другого Стража. Спар понимал это так же, как и понимал каким образом сражаться или летать, это не подвергалось сомнению.

Но сейчас совсем другое будущее появилось на горизонте, и он обнаружил, что стремиться к нему с мучительной силой.

Спар так хотел Фелисити, что это почти граничило с одержимостью. Он хотел не просто ее тело, но и ее острый ум, храброе сердце и благородную душу.

Прошлой ночью ему показалось, будто он попробовал их, прикоснулся к ним, словно она пригласила его в себя и показала ему возможности мира без кровопролития, без нескончаемой разрушающей черноты Мрака. Он хотел больше этого, хотел ее.

Звук шагов Фелисити вырвал его из своих мыслей, и он развернулся, увидев, как она появляется из короткого коридора, с головы до ног в мешковатой, бесформенной ткани, которая скрывала все ее изгибы от его взгляда.

Он поборол желание посмеяться над ее тактикой. Неужели она думала, что каждый дюйм ее прекрасного тела еще не отпечатался в его мозгу, готовый всплыть в памяти в любой момент? Ему не нужно видеть ее кожу, чтобы желать Фелисити.

Ему даже не нужно ее присутствие. Спар хотел бы ее, даже если бы она была бы в другом измерении, потому что уже прикасался к ней и знал, что Фелисити принадлежит ему.

— Готов узнать, что находится в конверте? — спросила она.

Он проследил, как она нервно пошевелила пальцами в смешных, пушистых, ярких полосатых носках, и кивнул.

— Давай посмотрим, что Хранитель решил поведать нам.

Больше часа они работали вместе, рассортировывая толстую стопку бумаг, бегло просматривая содержание и выкладывая их на поверхность кофейного столика. Когда они закончили, Спар отступил, чтобы переварить историю, о которой в них говорилось.

Фил сидела с одного края дивана, поджав под себя ноги, и занималась тем же, чем и он. Через несколько минут она откинулась назад и покачала головой.

— Единственное, что я чувствую, глядя на все это, ужас. Если Онслоу думал, что шлет нам какое-то связное послание, то видимо оно пролетело мимо меня прямо в окно. — Она

взглянула на него. — Ты знаешь, что это должно означать?

Как же Спар хотел не понимать. Назвать содержимое конверта тревожным значило бы оказать им медвежью услугу. Пропавший Хранитель, очевидно, провел недели, если не месяцы, объединяя, казалось бы, случайные потоки информации.

Ксерокопировал страницы странных текстов по демонологии совпадающие с покрытыми рукописными заметками страницами в таких старых книгах, что ни одна библиотека не позволила бы жесткому свету ксерокса воздействовать на них.

Другие тексты казались распечатками из коллекции интернет библиотеки, у большинства из которых по краям были вопросы, выводы и уточнения.

В стопке нашлись несколько фотографий, включающие экземпляры оттенка сепия, помятые и выцветшие со временем, а также, по меньшей мере, один выцветший полароидный снимок и несколько фотографий пять на семь, распечатанных на компьютере.

Несколько изображали людей в разных позах или непринужденной обстановке, когда другие, казалось, концентрировались на местах, городах или природе. Копия, которая походила на заметку из академического журнала под названием Психология Сверхъестественного, лежала рядом с несколькими газетными вырезками на английском, французском, испанском, немецком и арабском языках.

Все это составляло одну эклектическую и загадочную коллекцию. Если, конечно, не посмотреть на это все глазами Хранителя. Или Стража.

Ярость и страх охватили его, и Спар боролся с порывом подхватить Фелисити на руки и унести в безопасное место. Он горел желанием найти для нее убежище, в котором не будет даже малейшего намека на Мрак.

Но если теория Онслоу верна, то такого места не существует, особенно не для человека с необычными способностями и меткой отступника на ее коже.

Он ощущал взгляд Фелисити на себе, чувствовал ее беспокойство и, повернувшись к ней, знал, что она заметит его мрачный настрой. Лучше взволновать ее, чем напугать. По крайней мере, пока.

— Что это? По твоему лицу понятно, что ты понимаешь, чем связаны эти вырезки. Так что скажи мне.

В ее тоне прозвучала непримиримость, но он уловил в нем след беспокойства. И то, что он собирался сообщить, не принесет облегчения.

Спар сделал глубокий вдох.

— Хранитель хотел, чтобы мы узнали о том, что уже провалили, по крайней мере, часть нашей миссии. — Сказал он серьезно. — Судя по тому, что он пытался сказать нам, Общество в реализации планов продвинулось дальше, чем мы думали. Один из Семи уже на свободе.

* * *

Фил моргнула. На какой-то момент это было единственным, что она могла делать. Ей даже казалось, что она не дышит, хотя знала, что ее сердце не остановилось, потому что оно билось в ее ушах, как гулкий гром, оглушая все вокруг.

Кожу на ее ладони начало покалывать, и Фил изо всех сил надеялась, что это всего лишь психосоматическая реакция.

— Как такое возможно? Я думала, Страж должен почувствовать, когда один из плохих парней начинал мутить воду, и вмешаться, прежде чем все пойдет слишком далеко. — Ее голос дрогнул и осип, но она закончила вопрос и сжала кулаки, пока ждала ответа.

Спар покачал головой.

— Я не знаю. Все, что ты говоришь, правда, и Хранители должны были призвать нас при первом же признаке такой опасности, и все же ничего из этого не произошло. Могу только предположить, что именно поэтому Общество начало свою войну против Академии. Прореживая ряды Хранителей, они, скорее всего, разрушили что-то связывающее нас вместе, и, таким образом, им удалось призвать одного из своих хозяев незаметно.

Она почувствовала, как засмеялась, зная, что это отчасти вызвано истерикой.

— Незаметно? Что-то мне с трудом верится, что один из представителей исключительного вселенского зла однажды появился в Саскатауне или где бы то ни было, и этого никто не заметил.

— И в этом наше преимущество.

Спар опустился на диван рядом с ней и потянулся к ее руке. Она попыталась не дать ему это сделать, но он с легкостью справился с ней. Его нежная забота была именно тем, что могло столкнуть ее в пропасть.

— У нас есть преимущество?

— Если бы один из Семи вырвался из своей тюрьмы по собственной воле, то был бы на пике своей силы. Ничто другое не смогло бы разрушить место заточения и средства защиты, которые сдерживали его, и демон Мрака на полной мощи смог бы пройти и никто бы не заметил. А без Стражей, которые сразились бы с ним, кровавая волна разрушения уже разошлась бы по всей земле. Мы бы об этом услышали.

Фил взглянула на него, в его темные, серьезные глаза, сверкавшие внутренним огнем, и изо всех сил попыталась сдержаться, чтобы не забраться ему на колени, свернуться калачиком и спрятаться. Она не знала, сколько еще сможет вытерпеть.

Каждый раз, когда она думала, что справилась с кошмаром, что-то снова случалось, усугубляя ситуацию. Если Фил думала, что, ущипнув себя, проснется где-то в противоположной, более разумной реальности, то была бы вся покрыта синяками.

Хотя именно так она себя и чувствовала после стычки с големом.

— Тогда, возможно, это означает, что Онслоу ошибся. — Она попыталась, чтобы надежда в ее голосе прозвучала не так жалко, но поняла, что не получилось. — Если мы не видели доказательств активности Семерки, может, они по-прежнему заперты там, где им и положено находиться.

— Доказательства здесь. — Спар указал на бумаги, и у нее скрутило желудок. — Я думаю, Хранитель пожертвовал уйму времени на свое исследование и, кажется, докопался до истины. Его теория, и я с ней согласен, заключается в том, что ночные либо узнали, либо создали заклинание, которое работает по тому же принципу, по которому Хранители будят нас, только вместо того чтобы разбудить Стража, они попытались призвать демона в нашу реальность.

Это потребовало бы огромного количества энергии, но могло сработать.

— И ты думаешь, у них получилось.

— В этом есть смысл. — Он подобрал вырезку из газеты и положил ей на колени. — Я подозреваю, что ты не читаешь на арабском...

— Не особо.

— ...поэтому объясню тебе, что в этой статье говорится о массовой расправе в горах на северной границе Афганистана.

— Учитывая, что там идет война, ты действительно считаешь, что это как-то связано с демонами? То есть, я всегда считала группы людей, которые хотят подчинять себе своих женщин и вести войну на западе, очень злыми, но...

Взглядом Спар заставил ее утихнуть.

— Такое место — идеальное укрытие для ночных. Как видишь, СМИ сообщают, что группа боевиков напала на деревушку глубокой ночью. Пятьдесят человек было убито, каждый мужчина, женщина и ребенок в деревне. Самому старшему было почти восемьдесят, а самому младшему — всего несколько недель от роду.

Сердце Фил сжалось.

— Это отвратительно, но такие вещи случаются во время войны.

— И они происходят, когда злодеям необходимо собрать огромное количество энергии через кровавое жертвоприношение, — настоял он четким, холодным голосом. — Ничто во вселенной не порождает больше Темной силы, чем пролитие человеческой крови и истощение жизненной силы. Ничто. Это самый непростительный акт, и он питает Мрак, как ничто другое. Даже ночные прибегают к этому ради редких и самых важных своих ритуалов. Жизненная сила одного человека будет питать демона на полную силу несколько дней. Возможно, недели. Пожертвовав пятьюдесятью жизнями, Общество могло прорваться сквозь чары одной из тюрем и призвать демона.

Фил покачала головой. Она понимала слова Спара, но не хотела слышать их, не хотела верить.

— Если это все, что нужно для ритуала, тогда почему бы им не подорвать целый город и не освободить всю Семерку разом? Зачем тратить время, прячась в тени, когда они могли уже тысячу раз захватить мир?

Спар изумленно смотрел на нее мгновение.

— Что?

Он сжал ее руку.

— Думаю, нам очень повезло, что ты на стороне Света, мой храбрый человечек. — Страж вздохнул. — К счастью, не все так просто. Такое устройство как бомба, не имеет того же эффекта. Необходима не просто смерть человека. Существует ритуал, который нужно соблюсти, и во время смерти необходимо пустить кровь, используя холодное оружие, которое посвящено Тьме. Многочисленные уничтожения могут удовлетворить Семерку, но они не наделят их энергией, которая требуется. Для этого ночным нужно забрать каждую жизнь индивидуально, а на это требуется либо много времени, либо очень много убийц.

— Все равно, мне кажется, они могли бы сделать это давным-давно.

— С наблюдающими Хранителями и Стражами? Мы бы этого не допустили.

Фил вспомнила то, что она узнала от Эллы и Кеса, с момента когда началась вся эта канитель. Кусочки пазла начали вставать на места.

— Вот почему они начали так сильно пополнять свои ряды и охотиться на Академию. — Она выругалась. — Первым делом собрали армию, чтобы устроить крупномасштабное жертвоприношение. А затем начали устранять Хранителей, обеспечив этим меньшее число людей, которые могли бы вмешаться, и сделали почти невозможным призыв Стражей, которым по силам их полностью остановить.

Спар угрюмо кивнул.

— Я уверен, они так и думали.

— Это почти шикарно.

Фил могла видеть всю красоту этого плана. На его разработку, должно быть, ушли годы, возможно, десятилетия. Вычислить необходимое количество, найти подходящих новобранцев и приманить их на Темную сторону, скорее всего, было нелегко. По крайней мере, она на это надеялась. Ей бы не хотелось думать, что для того, чтобы обычный человек отдал свою душу на служение абсолютному злу, оказались всего лишь печенки.

Затем нужно было подготовить всех новых маленьких миньонов. Им не только следовало освоить использование магии, но также ритуалы необходимые для демонического господина Общества.

И добавьте к этому время, которое потребовалось, чтобы причинить столько ущерба Академии, сколько начала подозревать Элла, что не являлось ударом слепой ярости. Кто-то должен был организовать это, как шахматную партию, и этот человек вел очень долгую игру.

— Иерофант — Она быстро развернулась, сфокусировавшись и взглянув на Спара. — Наверное, он управляет этим, правильно? У такого замысла должен быть создатель, и если Иерофант лидер Общества, то именно он должен стоять за всем этим.

— Таковы мои предположения.

— Тогда нам нужно найти его. — Решимость и усталость вели в ней борьбу. Судя по тому, что раскрыл Онслоу, сила, стоящая за всем этим заговором, казалась, обладала терпением и хитростью. Он не станет легким противником. — Это как со змеей. Так гласит старая поговорка. Голова самая опасная часть. Отрежь ее, и все, что у тебя останется, — это мертвая змея.

Спар ошеломленно глазел на нее.

— Прямо так и говорится?

— Ну, почти. — Она подняла руку, чтобы подавить зевок. — Значит, так мы и поступим. Найдем Иерофанта и остановим его. Легко. Можно начать завтра.

— Легко. — Усмехнулся он — Как уже говорил, я благодарен, что ты выбрала работу на Свет, а не против нас. Не думаю, что ты бы упростила нашу миссию.

— По крайней мере, мы знаем с чего начать. Я видела Иерофанта, помнишь. И знаю, как он выглядит. С этим можно работать.

— Как?

От усталости ее веки отяжелели и начали закрываться.

— Можно я разберусь с этим утром? Мне необходимо немного поспать. — Еще один зевок грозил сломать ее челюсть.

Если Спар кивнул, она этого не видела. Фил так же не услышала, согласился ли он. Это не имело значения. Даже сам господь бог не смог бы удержать ее в сознании в данный момент.

По-видимому, поездка на мотоцикле, борьба с големом и разработка плана по спасению мира могли выжать все соки из любой девушки.

Кто бы мог подумать?

Фил спала как убитая. Без сновидений, без храпа, без единого приспешника дьявола, тревожащего ее сон. Целых шесть часов.

Когда после трех утра пошел седьмой час, тяжелый занавес беспамятства спал, и она перекадилась на спину.

Затем распахнула глаза, несколько секунд привыкая к темноте. Фил ощутила, как матрас прогибался под массой другого тела на кровати, и ей не нужно было поворачивать голову, чтобы узнать, кто там лежал.

Она ощущала Спара, могла бы найти его в толпе людей со связными глазами и руками. Он зывал к ее чувствам, каких она прежде не испытывала.

Последним ее воспоминанием был диван и грандиозный план по выслеживанию Иерофанта. Наверное, она отрубилась прямо там, и Спару пришлось укладывать ее в постель.

Такая формулировка заставила ее фыркнуть. До сих пор этому мужчине удавалось в любое удобное для него время без проблем уложить ее в постель. Это стало входить в привычку.

Осторожно, боясь разбудить его, Фил повернулась, чтобы разглядеть мужчину, лежащего рядом с ней. Он занимал больше половины кровати, но, нужно отдать ему должное, не перетягивал одеяло на себя.

Удивительно, но это говорило о многом, так как в отличие от других мужчин, с которыми она спала в своей жизни, он не был горячим, как печка. Она знала, что, прикоснувшись к его коже, ощутит приятное тепло, а не жар, который, казалось, исходил от других ее постельных партнеров. Человеческих постельных партнеров.

Фил закатила глаза в темноте. Ставшая сюрреалистической страной чудес жизнь натолкнула ее на эти мысли?

Теперь она делит своих любовников на виды, потому что последний из них определенно не человек. Она задумалась: а должно ли это ее так сильно беспокоить?

Нет, у нее достаточно претензий к сложившейся ситуации, которые не включали в себя ДНК. Она просто не решалась взглянуть на них поближе. У нее было такое чувство, что ей не понравится увиденное.

Фил понимала, что вводит Спара в заблуждение, и ненавидела себя за это. Она всегда недолюбливала людей, которые были то страстными, то холодными, затем снова страстными, словно не могли определиться с манерой поведения.

Насколько она знала, играть можно в карты, кости или небольшие пластиковые фишки, но не в чувства. Ее бабушка и дедушка всегда учили говорить правду, даже если солгать казалось проще.

Пощадить человеческие чувства это одно, а вот давать ему надежду совсем другое.

Как она могла ввести Спара в заблуждение, если сама не знала, как поступить, отчего только сильней запутывалась. Фил признавала, что сделала первый шаг навстречу. Ну, навстречу сексу.

Конечно, он поцеловал ее у больницы, но когда она стояла голая в душе, Страж только промыл и обработал ее раны. Это Фил соблазнила его и, Боже прости, не жалела с содеянном.

Со Спаром она чувствовала себя удивительно. Каждый раз, когда он прикасался к ней,

электрический разряд проходил через ее тело. Это походило на странную энергию магического поля, которую Фил ощущала каждый раз, когда видела его статую, только приумноженную в тысячу раз.

Она хотела бы списать все на химию, но даже самое сильное влечение, которое она чувствовала к другим мужчинам, казалось смешным по сравнению с чувствами, которые пробуждал Спар. Они были такими всепоглощающими, что она боялась их.

Серьезно. От страха она дрожала, как лист на ветру. Спар оказался первым мужчиной за всю ее жизнь, который угрожал независимости Фил. С самых первых дней дедушка и бабушка учили ее самой о себе заботиться.

Они хотели, чтобы она стала сильной женщиной, поскольку знали — отведенное им время закончится раньше, чем она сможет подготовиться.

Фил так сильно любила их, что не была бы готова, проживи они все двести лет, но дедушка с бабушкой знали, что не смогут быть в ее взрослой жизни и поэтому все распланировали.

Когда Фил училась на первом курсе в колледже, они скончались, и боль от их потери пошатнула ее, но она знала, как исполнить их последние наставления, распорядиться своими финансами, управлять дедушкиным бизнесом и сделать практически все необходимое, чтобы продолжить строить свою жизнь.

За это она им благодарна.

И сейчас, спустя восемь лет, появился тот, кто не просто хотел, а нуждался в том, чтобы заботиться о ней. Фил понимала, что Спар не мог уклониться от своего долга Стража; это неотъемлемая часть его сущности, буквально смысл его жизни.

Без этого желания защищать и быть ее соратником, он бы не существовал, и вопрос не в том, позволит ли ему Фил оберегать себя, а в том, сможет ли смириться, когда он перестанет ее охранять.

Она попыталась представить свою жизнь после его ухода, когда все встанет на свои места, и от зияющей пустоты, образовавшейся без него, у нее почти перехватило дыхание. Как жизнь, которую она всегда так любила, могла показаться такой пустой сейчас? Ради всего святого, прошло всего каких-то три дня!

За это время он не мог стать залогом ее счастья. У нее есть работа, которая интриговала, увлекала и восхищала ее, хобби, которое смело можно назвать страстью, уютный дом и друзья, не дающие скучать.

До появления в аббатстве она была счастлива и по-настоящему довольна своей жизнью. Почему это должно измениться?

Ладно, возможно, потому что сейчас она смотрела на вещи немного иначе, чем раньше.

В конце концов, до ее встречи со Спаром и ночными Фил и не подозревала, что ведется бесконечная война между добром и злом прямо перед невидящими глазами человечества; и, конечно, сейчас, зная это, она вряд ли забудет об этом.

Также она узнала, что ее способность видеть особые таланты других — лишь верхушка айсберга, который скрывал существование магии в мире. Вряд ли Фил сможет когда-то отказаться от этой способности, и каждый новый человек, которого она встретит, будет проходить доскональную проверку ее внутренним зрением. Был ли он одаренным? Обычным? Ночным? Кем-то другим?

С новой перспективой она справится... должна, поскольку вряд ли у нее есть выбор. Но Фил не знала, справится ли с тем, что Спар вновь обратится в камень, зная, что ко времени

его очередного пробуждения ее уже может и не быть.

Страж не мог умереть, но Фил была чертовски уверена, что она могла. По крайней мере, прошедшие несколько дней убедительно заверили ее в этом. Однажды она умрет, а Спар продолжит свою жизнь. «Будет ли он помнить меня после следующего пробуждения?» — размышляла она.

Или она станет расплывчатой тенью, запрятанной далеко в его сознании, нечетким чувством дежа вю?

Она наблюдала за его дыханием, смотрела, как поднимается и опадает его грудь в темной комнате. В детстве Фил провела много ночей, лежа в темноте и задаваясь похожими вопросами о своей матери.

Как бы сильно бабушка и дедушка не любили ее и не пытались объяснить, что мать Фил просто не в состоянии позаботиться о ней должным образом, она время от времени задавалась вопросами.

Что такого в наркотиках, раз они важнее ребенка? Почему деньги на дозу стояли на первом месте, а средства на аренду, еду или одежду на втором? Почему мать не могла завязать ради Фил?

Она знала, что эти вопросы неуместны, понимала это еще до того, как провести несколько ценных сеансов с консультантом, прояснившим тот факт, что не на один из ее вопросов нет ответа.

Работа должна была научить ее перестать ждать и строить свою жизнь вокруг пустот, в которых должны быть ответы. В конце концов, Фил успокоилась, нашла, чем заполнить эти пробелы, чтобы больше их не замечать.

Ей казалось, что у нее все получилось, но теперь мысль о том, что Спар выиграет бой и вновь погрузится в заколдованный сон, словно огромным экскаватором снова раскапывала те места в ее подсознании.

Она практически слышала вой мотора в тихой комнате.

Она задумалась, а не чувствовала ли Элла то же самое по отношению к Кесу. Фил видела, как эти двое вели себя, и знала, что между ними что-то есть.

Элла называла себя Хранителем Кеса, и сейчас Фил знала, что это пожизненная обязанность... только длиною в жизнь человека, а не Стража.

По словам Спара, у Стража могли быть десятки Хранителей за все его существование. Каждый передавал обязанности своему приемнику в конце жизни. Как Элла заставит себя это сделать?

Как она допускает, что может состариться, точно зная, где ее любимый, но, не имея возможности поговорить с ним, обнять, заняться любовью, а затем научить кого-то другого заботиться о нем после ее смерти? Не разбивалось ли ее сердце только от одной этой мысли?

Фил уже почувствовала, как треснуло ее. Она знала, пока существует угроза Семи, Спар и Кес не вернуться ко сну и будут охранять их, но это не продлится вечно.

В конце концов, Свет восторжествует, угроза будет устранена, и Стражи вернуться в свои каменные формы. Если случится обратное... что же, по крайней мере, Фил не придется скучать по Спару, потому что они оба станут закуской для демона.

Ей почти захотелось, чтобы битва не кончалась, потому что все это время Спар будет рядом.

Хм, возможно, стоит вскоре позвонить Элле, когда Спар и Кес будут чем-то заняты.

Если подруга страдает и тревожится о том же, что и Фил, возможно, у нее есть какой-нибудь дельный совет, как с этим справиться.

А если нет... тогда у каждой из них есть плечо, на котором можно выплакаться.

С ухмылкой, Фил подложила одну руку себе под щеку, а другую подняла, чтобы провести невидимую линию вдоль мускул Спара от предплечья до тыльной стороны ладони.

Она знала, что нежное прикосновение разбудит его, но ей было плевать. Он проспит еще сотни, если не тысячи, лет за всю свою жизнь. А у нее был только этот момент.

— Ты не спишь. — Его голос был низким, тихим и все еще хриплым ото сна. С рокотом, словно мурлыканье большой кошки, он прошел сквозь нее и заставил задрожать.

Если бы она первая его не соблазнила, то Спар мог бы это сделать при помощи одного голоса.

— Что-то не так?

Фил покачала головой и провела кончиками пальцев по его широкой груди, остановившись, чтобы разглядеть углубление, что пролегалo между двумя твердыми мышцами.

— Я так рано уснула, поэтому уже проснулась. А потом увидела тебя.

Он медленно потянулся к ней, давая достаточно времени, чтобы отклониться, не то чтобы у нее были такие намерения. Ей хотелось поморщиться от очевидного свидетельства того, как она запутала Спара, но не собиралась портить момент.

Фил отталкивала его большую часть дня. Сейчас ей просто нужно дать ясно понять, что передумала.

Она прогнулась под его рукой и с радостью подо двинусь ближе, когда он притянул ее к себе. Обниматься с ним намного комфортнее, чем с подушкой.

Страж идеально подходил ей, твердый в местах, где она была мягкой, угловатый, где у нее были изгибы. В его объятьях она словно обрела дом и все же тосковала по чему-то большему. Ей нужны его прикосновения.

Либо он прочитал эти мысли, либо ее выдало выражение лица, она не знала точно, но его теплые, грубые пальцы погладили руку Фил, опустились на бедро и скользнули по нему.

Даже сквозь одеяло прикосновение Спара разгорячило ее кожу, и она зашипела от удовольствия, перемежая эти звуки с легкими поцелуями в его ключицу.

Он низко одобряюще зарычал и потянулся к краю одеяла. Затем начал медленно стягивать его и рассматривать каждый дюйм открывающегося обнаженного тела.

Она знала, что ее кожа настолько бледная, что сияет при свете луны, но, похоже, Спар не считал это изъяном. Он пожирал ее взглядом, словно Фил была большой миской с его любимым десертом, покрытым щедрым слоем взбитых сливок.

Ни с кем она не чувствовала себя настолько прекрасной, как с ним, настолько желанной. Настолько ценной.

Полностью обнаженная Фил задрожала, не от холода, а от жара, вызванным его вниманием. Везде, где ее касался взгляд Спара, казалось, будто пламя лижет ее кожу, и от мысли, чтобы с ней станет, если его язык последует этому примеру, она со стоном закрыла глаза.

Спар тихо усмехнулся и наклонился ближе, пока его дыханье не коснулось края ее уха.

— Я бы все отдал, чтобы узнать твои мысли, маленький человечек, не будь мои собственные заполнены такими яркими фантазиями.

Ее кожа покраснела, когда головокружительные варианты проплыли в голове. Если бы

мысли мужчины были хоть на долю настолько же развратные, как и ее, он бы тоже застонал, но вместо этого Страж зарычал и наклонился, чтобы завладеть ее ртом.

Его вкус привел ее в восторг. Теплый, насыщенный, земляной с минеральной ноткой французского белого вина и со свежестью нежного весеннего солнца, ей хотелось испить его быстрыми, жадными глотками.

Она попыталась, но он дал ей понять, что инициатива в этом поцелуе принадлежит ему. Спар контролировал его с самого начала, вел, направлял, завоевывал... Фил могла только хватиться за его плечи и наслаждаться крышесносящим действием.

Она вскрикнула, словно утопающая женщина, когда его губы, наконец, скользнули вдоль линии ее подбородка к округлой мочке уха.

Он задержался на ней чуть ли не до конца жизни, прикусив комочек плоти зубами, затем успокоил легким поглаживанием языка. Она никогда не понимала тягу любовников играть с ее ухом, но когда такое вытворял Спар, по ощущениям это напоминало ласку клитора.

Его умелые прикосновения посылали электрические разряды прямо к ее лону и заставляли ее дрожать от желания.

Он заставил ее жалобно захныкать, когда провел губами по ее горлу, затем попробовал языком, как тающее мороженое. От нежного прикосновения носом к ее груди Фил задрожала, а, почувствовав его горячие губы на своем соске, всхлипнула.

Спар сильно и размеренно потянул за вершинку, затем поддразнил небольшими искусными щелчками, прежде чем возобновить посасывание. Фил отчаянно тянула его за плечи и пыталась заставить его оказаться над ней, но он непринужденно сопротивлялся.

Страж удерживал их обоих лежащими на боках, лицом друг к другу, пока наслаждался ее телом и оставлял неизгладимый след на ее душе.

— Спар. Пожалуйста.

Фил попыталась обхватить его голову и прижать к своей груди, чтобы хоть как-то облегчить боль, которая грозила свести с ума. Усмехнувшись, он с легкостью выскользнул из ее захвата и продолжил свое безжалостное нападение.

Грубая ладонь скользнула по ее колену, затем вдоль дрожащего бедра, прежде чем оказаться между ног.

Нежные кончики пальцев, словно перышки, пробрались сквозь мягкие, бледные завитки, скрывающие ее естество, прежде чем погрузиться глубже. Она беспомощно изогнулась, призывая его успокоить боль от беспощадного желания.

Когда его пальцы выскользнули, она чуть не сломалась, чуть не взмолилась, не покидать ее, но он заткнул ее легкими, как бабочки, поцелуями и, приподняв ее ногу, закинул себе на бедро.

В такой позе Фил оказалась раскрытой, незащищенной, и его пальцы вновь мгновенно наполнили ее. Он проскользнул мимо ее влажных складочек, раздвинув нежную плоть, чтобы приоткрыть маленький напряженный комочек нервов.

Страж провел пальцем по клитору, и этого прикосновения оказалось достаточно, чтобы Фил напряглась и выгнулась, словно в нее ударила молния. Она закричала, но он проглотил этот звук, накрыв ее рот своим с неослабевающей страстью.

В этот раз Спар не просто пробовал ее, а пожирал. Она чувствовала себя поглощенной и ошеломленной. Он коснулся ее языка своим и одновременно пальцами усердно выписывал небольшие круги на клиторе.

За несколько секунд он подвел ее к краю наслаждения, но прежде, чем Фил успела упасть в пропасть, резко остановился. Она попыталась оторвать свой рот от его, чтобы отругать за такую игру, но Спар схватил ее за волосы на затылке и одновременно погрузил два пальца глубоко в лоно.

Фил закричала ему в рот, качнув бедрами, когда ее захватило удовольствие. От мини оргазма у нее перехватило дыхание и задрожало все тело, но это не уняло даже часть голода.

Он незамедлительно начал нарастать снова, и Спар утолил его жадными поцелуями и проворными пальцами.

Задыхаясь, Фил оборвала поцелуй и начала лихорадочно дышать.

В истерике у нее промелькнула смутная мысль, если раньше она размышляла о жизни без него, то сейчас переживала только о том, как пережить эти прикосновения. Этот мужчина убивал ее, и она с нетерпением ждала своего конца.

— Открой глаза, — прорычал он дико и грубо, как никогда прежде. — Посмотри на меня.

Ей пришлось предпринять несколько попыток, чтобы заставить себя распахнуть веки. Когда ей это наконец удалось, окружающая обстановка казалась туманной и расплывчатой. Все кроме Спара. Он смотрел на нее с обжигающим огнем в глазах, а прикосновениями между ее ног сводил с ума.

— Ты моя, Фелисити. — Слова обрушились, как удары молота, со свирепой силой. — Мой человек, моя женщина.

Ей не должны били понравиться эти примитивные заявления, но они нашли в ней отклик. Сердце Фил не уловило лжи в них, ничего неправильного, ничего, с чем хотелось бы спорить. Даже ее разум не возражал.

А ее тело? О, ее тело восторженно напевало аллилуйя.

— Скажи это.

Он говорил в приказном, требовательном тоне. Внутри ее лона его пальцы изогнулись и погладили внутренние стенки, задевая точки, от прикосновения к которым у нее сыпались искры из глаз.

— Моя.

Как он мог ожидать, что она что-то скажет, если даже не могла дышать? Она цеплялась за воздух, за голос, за еще уцелевший разум после его удивительных прикосновений.

Внезапно все прекратилось. Его пальцы выскользнули, и хотя их тела прижимались друг к другу, только кулак Спара в ее волосах удерживал Фил рядом с ним.

— Скажи. Это.

Царапнул он своими зубами... это клыки? Почему у него клыки?.. по ее горлу и подался бедрами вперед.

Поскольку нога Фил была закинута на него, от этого движения кончик его члена оказался у ее входа, дразня и чувствительно надавливая.

— Скажи, что ты моя, — прорычал он, и Фил почувствовала, как согласно кивает.

— Твоя, — выдохнула она.

А затем закричала, когда Спар глубоко погрузился в нее.

Каменный ублюдок растянул ее, отлично дополняя. Фил принадлежала ему. Он сделал ее своей и сейчас, входя в нее, праздновал свою победу.

Она почувствовала, как напряглись и начали сжиматься ее мышцы, заставляя задрожать от желания кончить. Голова Фил металась, но ладонь Спара в волосах удерживала ее на

месте. Другой рукой он обхватил ее задницу и не давал двигаться, пока заставил мир вокруг вращаться.

Их игра, начавшаяся медленно и нежно, стала исследованием и обменом, но затем превратилась в откровенный акт владения, тело Фил оказалось в его руках и его власти. Она бы отдала свой следующий вдох, чтобы владеть Спаром взамен.

Они тянулись друг к другу, каждый изо всех сил пытался быть еще ближе, пока не появилось ощущение, что их разделяет лишь кожа.

Фил дышала его воздухом, кожа Спара покрылась ее потом. Их сердца бешено колотились, сливаясь в идеальном синхронном ритме.

Фил почувствовала, как когти оргазма впиваются в ее плоть, подталкивая к взрыву, который мог разорвать ее на части. Она желала, чтобы магия дала ей силу останавливать время, чтобы они навсегда могли остаться такими, сплетенными вместе, купающимися в блаженстве их союза, дрейфующими на пике наслаждения.

Безжалостно Спар толкнул ее за край, и она издала прерывистый крик. Он отозвался у нее в голове, пока все тело дрожало. Фил тряслась от его силы, не в состоянии сделать что-либо, кроме как позволить оргазму захватить ее.

Она продолжала дрожать, когда Спара начал двигаться резче. Ритм нарастал, а дыхание стало более поверхностным. В его груди зародился рык.

Который становился громче и громче, пока не вырвался из горла диким ревом.

Фил посмотрела в лицо Спара и увидела, как на долю секунды его глаза потемнели, а затем в них полыхнул обжигающий огонь, который Фил связала с его магией. Фелисити окутал нереальный жар, когда Спар разлился в ее теле.

В тишине она лежала возле него и дрожала. Спар затронул больше, чем ее тело, глубже, чем в сердце.

Он врос в каждую фибру ее души, и когда Страж снова вернется в свою каменную оболочку, то заберет частичку ее с собой.

Глава 14

За следующую неделю Фил обнаружила, что абсолютно не умела проводить утомительные исследования. По-видимому, она была бы ужасным частным детективом.

Зато развила способность игнорировать слона, стоящего посреди комнаты, восьмисотфунтовую гориллу, сидящую в углу, и все остальное у себя под носом до такой степени, что могла бросить вызов самой Королеве Отрицания.

Да, та корона была бы ее, крошка!

Спар, казалось, действует по принципу не-спросишь-не-ответит; он никогда не поднимал вопрос о статусе их отношений, а она никогда не говорила ему, что, в ту минуту, когда он поворачивался к ней спиной, готова была рыдать, подобно маленькой девочке, и ползать по чану с мороженым размером с небольшую страну третьего мира.

Американские военные не имели ничего против этого.

Не помогало делу и то, что каждый раз, когда Фил пытался поговорить с Эллой по телефону, либо отвечал Кес, либо один из них был настолько ограничен во времени, что им с трудом удавалось передать жизненно важную информацию, которой они владели, после чего соединение завершалось.

Она не имела ни малейшего представления, такие же ли взаимоотношения у Эллы и Кеса, как у нее со Спаром. Фил не удивилась бы, если бы ее подруга в последнюю очередь захотела говорить об этом.

Тот факт, что Фил закончила заказ как раз перед тем, как случился взрыв в аббатстве, и не удосужилась заблаговременно подыскать другой, по крайней мере, означало, что у нее достаточно времени на обдумывание всей ситуации.

Ох, и на попытки найти неуловимого Иерофанта в мире, где проживает более семи миллиардов человек. Но в основном, она размышляла.

Чтобы сохранить свой рассудок, она перевернула всю информацию, оставленную Онслоу для Эллы, а также сообщила подруге каждую деталь, которую ей удавалось вспомнить о своем видении про Иерофанта.

Элла, по-видимому, развила сумасшедшие поисковые навыки за последние несколько недель, и Фил была счастлива ими воспользоваться. Возможно, если они обе будут работать над проблемой, Элле удастся придумать решение. Так как Фелисити не находила ничего.

В воскресенье днем она достигла своего предела. Со щелчком закрыв свой ноутбук, она с глухим ударом бросила его на журнальный столик и уставилась на Спара.

Он ничего особенного не сделал; на самом деле, он просто сидел в кресле, перебирая некоторые из материалов, о которых Онслоу упомянул в своем пакете с информацией.

Он предположил, что знания о ритуалах вызова в Обществе, возможно, смогут помочь им в поиске его местоположения.

Хотя отсутствие проступков не имело значения. Фил скучала, грустила и злилась, а на ее руке до сих пор красовался проклятый знак демона, который за прошедший день или около того начал чесаться, как при сильном ожоге ядовитого плюща.

Так что, черт возьми, она имела право свирепо смотреть, когда и куда хотела.

— Я собираюсь прогуляться, — резко сказала Фил, вставая.

Спар взглянул на нее и нахмурился.

— Это слишком опасно.

— Что действительно опасно, так это держать меня в этом здании, будто в Алькатрасе. Мы не покидали этот чертов дом с тех пор, как вернулись из Оттавы. Лично я уже на пределе. Мне нужен свежий воздух.

— Разве ты забыла, что случилось во время путешествия в Оттаву? На тебя напал голем.

— Ну да, именно мне едва не вырвали бедро из сустава. Я это хорошо запомнила.

Отложив свои бумаги, Спар встал.

— Тогда ты должна знать, что Иерофант вряд ли откажется от попыток заполучить тебя. Независимо от того, хочет ли он твоей смерти для ритуала или же просто желает видеть тебя мертвой, ты действительно хочешь попасть в его руки?

Она подняла голову и задрала подбородок, еле сдерживая желание врезать кулаком по его лицу с крепко сжатой челюстью и губами, вытянутыми в линию. Фил знала, что просто сломает руку. Голова мужчины сделана из камня. Буквально.

— Сейчас я могла бы найти применение новой паре рук, — прорычала она, почти удивляясь своему язвительному тону, но ярость внутри нее нарастала. — А ты довольно часто прикасался ко мне в последнее время, да? Возможно, я начала уже уставать от этого.

Спар отшатнулся, словно Фил его ударила. При взгляде на его лицо что-то дернулось в груди, но она едва это заметила, снедаемая тяжелым грузом ярости, которая охватила ее в данный момент.

Фил могла поклясться, что ее зрительное восприятие изменилось — по краям все стало красным, словно фраза «быть ослепленной яростью» была больше чем просто оборотом речи. Может быть, у нее лопнул кровеносный сосуд или что-то еще, что звучало как еще одно клише, но она уже не могла остановиться, чтобы побеспокоиться об этом.

Ей нужно выбраться из этого долбанного места и сбежать от этого Стража. Кто он такой, чтобы указывать ей, что делать и куда идти? Она не была его гребаной собственностью!

Фил подумала о кухне и большом поварском тесаке, который стоял ближе всех в ее подставке для ножей. Она выкрикнула слово на литовском языке, хотя и не подозревала, что знает такое, и бросилась к входной двери. Если задержится здесь еще на секунду, то прольется кровь.

Ей стало жутко, когда что-то внутри нее одобрило этой идею.

— Фелисити!

Проигнорировав его, Фил нащупала, наконец, дверную ручку, и, ухватившись за твердый металл, открыла тяжелую дверь. Вместо пустого пространства пролета узкой лестницы, она обнаружила, что смотрит на красивое лицо с тепло-кариими глазами.

Гостья взглянула на Фил, а затем посмотрела через плечо на Спара, стоящего позади и выглядящего не только обеспокоенным и разочарованным, но и хладнокровным и раздраженным. Женщина перешагнула через порог, заставляя Фил вжаться в твердое тело Спара.

— Она в беде, — сказала женщина холодным не терпящим возражений тоном. — Хватай ее, прежде чем она попытается ускользнуть от меня.

Фил взмахнула рукой раньше, чем слова сорвались с губ незнакомки, но Спар успел из-за спины поймать ее кулак, и ей не удалось врезать женщине по лицу.

Разочарование взорвалось внутри Фелисити, и ее гнев стал чем-то живым, намного мощнее, чем ее собственный. На глаза упала красная пелена, и Фил погрузилась в безумие.

— Тим сказал мне, что беспокоится за нее, но я не могла себе представить, что все настолько серьезно. Мне нужно было прийти раньше.

Спар посмотрел поверх Фелисити в своих объятиях и увидел незнакомую женщину, качающую головой. Возлюбленная билась в его руках, будто дикарка, бросаясь из стороны в сторону, пинаясь, рыча и ведя себя подобно животному. Это так отличалось от обычного поведения Фил.

Он не понимал, что происходит, но верил словам женщины, что Фелисити в беде.

Он отгородился от нарастающей тревоги и посмотрел на незнакомку.

— Кто ты такая, и что здесь делаешь?

— Меня зовут Уинн, и Тим Масселло из университета предположил, что твоей подружке может понадобиться моя помощь. Все остальное, что ты хочешь узнать, может и подождать.

Она указала на диван.

— Положи ее туда и держи. Мне нужно кое-что взять из машины. Все может пойти наперекосяк.

Она развернулась, намереваясь покинуть помещение. Ворча, Спар сжал Фелисити сильнее после того, как она вонзила зубы в одно из его предплечий, и, пытаясь перекричать визг, спросил.

— Что происходит? Что случилось с моей парой?

— Это метка, но об этом мы поговорим позднее. Если хочешь, чтобы она прошла через это, позволь мне сходить за вещами. Я могу ей помочь. Обещаю.

Не в состоянии что-либо сделать Спар смотрел, как Уинн спустилась по лестнице. Затем он перевел свой взгляд на Фелисити. Ее лицо превратилось в маску ярости, подобной которой ему еще не приходилось видеть.

Она шипела, плевалась и пыталась укусить, будто бешеная собака, при этом сопротивляясь с удивительной силой, пытаясь вырваться из его захвата. Спар прижимал ее к груди, но понимал, что сдерживать Фил станет легче, если уложит на диван.

Если прижать ее к подушкам и навалиться всем своим весом, то получится свести к минимуму ее движения.

Свет, ему нужно понять, что с ней случилось. В один момент она спокойно работает на своем компьютере, а в следующий начинает ссориться из-за пустяка, который они задолго до сегодняшнего дня обсудили и согласовали.

Фил знала, что стоит ей покинуть дом, Общество воспользуется возможностью снова напасть. Спар понимал, что ей невыносимо сидеть взаперти, как в ловушке, но они договорились, что если ее беспокойство достигнет предела, он либо отвезет ее в студию или же с наступлением темноты совершит с ней небольшой полет над городом.

Они заключили сделку, и до этого дня Фил не выражала недовольства их договоренностью.

Спар понятия не имел, что могло спровоцировать ее, но, если женщина, Уинн, может одним взглядом опознать влияние метки демона, то очевидно, что все стало смертельно опасным.

Он надеялся, что по прошествии нескольких дней они избавились от дальнейших

ведений, а угроза от метки миновала или, по крайней мере, не стала опаснее. Теперь же Спар боялся, что все наоборот.

Фелисити продолжала бороться с ним, но ее сила, даже подпитываемая неистовым безумием, не могла сравниться с его. Он беспокоился не о том, что она может вырваться из его хватки, а о том, что Фил могла сама себе причинить вред, и что он случайно ранит ее, пока удерживает.

Когда женщина по имени Уинн вновь поднялась по лестнице, Спар удерживал Фелисити на диване, придавив своим телом. Он рукой сжимал ее запястья над головой и ногой придавил колени. Обеспечив ей относительную безопасность, Спар позволил себе впервые более детально рассмотреть незнакомку.

Для женщины она оказалась среднего роста, возможно, пять футов и пять дюймов (~165 см) или около того, но выше Фелисити.

У нее были длинные волнистые волосы примерно до талии и большие глаза, напоминавшие ему глаза лани, глубокие, мягкие и круглые.

На данный момент на ее лице отражалась тревога, что предавало ее красивым чертам измученный вид.

Ее грудь и бедра поражали своей пышностью, но при этом другие части тела оставались удивительно стройными. Ее мешковатые, широкие джинсы и просторный топ с принтом по большей части скрывали это, но мужчине, даже имеющем пару, было бы трудно не заметить такое. Он мог также видеть, что, несмотря на холодную погоду, она была обута только в пару тонких сандалий, и ее ногти на ногах сверкали фиолетовым лаком.

И все же женщину выдавал не внешний вид, а полотняный мешок, который она положила на журнальный столик, и содержимое, которое начала извлекать.

Он узнал крошечный металлический котел и угольный диск, который она положила внутрь, используя в качестве курильницы, и мог по запаху сказать, что в нескольких небольших тканевых мешочках содержатся травы и смолы, которые используют для сожжения или же, возможно, для других целей.

Пока она продолжала выкладывать вещи на деревянную поверхность, он пробурчал.

— Ты ведьма.

— Похоже, от тебя ничего не ускользнет? — Она не потрудилась даже взглянуть на него, просто спокойно продолжила заниматься своим делом. — Думаю, поэтому она сделали тебя Стражем.

Шокированный Спар ослабил хватку, и это оказалось достаточно, чтобы Фелисити освободила руку и замахнулась, ударив его по лицу.

Он почувствовал, как она ногтями оцарапала его кожу, и незамедлительно снова скрутил ее, усилив захват.

— Как ты назвала меня? — потребовал он.

Женщина закатила глаза.

— Мне не нужно видеть тебя, покрытым гранитом, чтобы понять твою суть, Страж. Мое полное имя — Уинн Майванви Луэллин Поуи. Семь поколений мужчин в роду моей матери служили свету в качестве членов Академии Хранителей.

Спара переполняло желание схватить женщину и хорошенько встряхнуть. Разве она не понимала всю важность своих слов?

— Кто из вашей семьи в настоящее время служит? — прорычал он, подавшись в ее сторону. — Нужно немедленно связаться с ним. Нам надо...

— Эй, прямо сейчас мы должны разобраться вот с этим. — Уинн указала на Фил, все еще корчившуюся на диване. — Не возражаешь, если мы отложим обсуждение моей биографии до тех пор, пока Фелисити не будет вне опасности?

Стыд захлестнул Спара, но он отгородился от незнакомой ему эмоции.

— Конечно, Фелисити необходимо вылечить.

— Рада, что мы сходимся во взглядах. — Уинн обогнула Спара, держащего свою пару, и приложила руку к ее лбу. Затем нахмурилась, когда почувствовала жар. — Сколько прошло времени с момента получения ею метки?

— Более недели. Ее поразило поздно вечером в пятницу на прошлой неделе.

— Мне нравится, что ты все сильнее говоришь на старый манер, когда нервничаешь.

Он наблюдал, как Уинн потянулась к чему-то, лежащему на столе.

— До этого, казалось, других эффектов не было. По крайней мере, чего-то такого, что повлияло бы на ее поведение. На прошлых выходных у нее было видение, после чего метка, казалось, потемнела.

Уинн покачала головой.

— Мне очень жаль, что я не пришла раньше. Когда Тим позвонил и сказал, что знает женщину, которой необходимо снять проклятие, то я подумала, что он имел в виду кого-то, у кого появилась сыпь на руке, и ему не хочется ждать приема у дерматолога. Я допустила промах, и теперь мне с этим придется разбираться какое-то время. Если бы связалась с вами сразу, все могло бы решиться намного проще. И менее опасно.

Спару не понравились ее слова.

— Что ты будешь сделать? Ты сможешь убрать метку, да?

— Хотелось бы. К сожалению, она въелась слишком глубоко. Я не смогу удалить ее полностью, но собираюсь разорвать связь с источником.

— Источник мертв. Ночной, который наложил заклятие, был убит одним из своих. Именно это увидела Фелисити в своем видении.

— Ошибаешься. Если бы источником был один человек, то удаление знака было бы плевым делом. Биппити-боппити-бум, я взмахиваю волшебной палочкой, и метка исчезает, а мы все счастливые идем домой, чтобы перекусить бутербродами с копченостями. — Она протянула ему пачку красных шелковых шнуров. - Все намного сложнее. Этот знак привязан не к заклинателю, а к самому Отступнику. Разрыв связи не будет быстрым и легким. Тебе придется ее связать.

Потрясенный Спар отказался.

— Не буду. Я могу держать ее, как делаю это сейчас. Я не стану связывать ее и заставлять чувствовать себя брошенной, будто заключенной. Ты начнешь без них.

Он бросил веревки на журнальный столик.

Подняв их, Уинн опять протянула их Спару.

— Ты не можешь держать ее во время процесса. Во-первых, я не шутила, когда сказала, что процесс будет медленным; мы можем проторчать здесь несколько часов. И, во-вторых, ты можешь помешать мне, добраться до нее в нужный момент. Ты занимаешь слишком много пространства, которое необходимо для маневра.

Он взглянул на нее, используя самое угрожающее выражение лица Стража. Она просто смотрела на него и ждала, держа в руках красные веревки, которые свисали по обе стороны ее ладони.

Пробормотав грязное ругательство на мертвом языке, он выхватил у нее шнуры и начал

оборачивать их вокруг тонких запястья своей пары.

— На самом деле, моя мама полностью человек, поэтому упоминание домашнего скота здесь не к месту.

Конечно, ведьма говорила на арамейском языке. Почему он это не предположил?

На связывание Фелисити ушло много времени, и это не имело никакого отношения к нежеланию Спара делать это. Фелисити дико сопротивлялась, вырывалась из его хватки, стоило лишь чуть передвинуться, постоянно искала слабое место, чтобы сбежать.

Когда он наконец-то обвязал веревкой ее запястья, локти, колени и лодыжки, Уинн передал ему еще шнуры, на этот раз более длинные.

— Этот для дивана с открытыми ножками. Привяжи руки Фелисити к одному концу, а ноги — к другому.

Спар сжимал кулаки до тех пор, пока не забеспокоился, что сломает себе кости.

— Неужели это необходимо?

— Это ради ее безопасности, Страж. Для нас это будет не самым приятным опытом.

Молча страдая и кипя от негодования, Спар подчинился. Когда Фелисити была полностью привязана, Уинн протянула руку и коснулась его руки.

— Знаю, что ты хочешь... даже нуждаешься... быть рядом с ней, но не могу позволить тебе мешать мне, — сказала она, и выражение лица ее стало жестким. Когда он собрался возразить, ведьма улыбнулась, слегка приподняв один уголок рта. — Если ты обойдешь и встанешь позади дивана, то она будет в пределах досягаемости твоей руки, и ты больше не будешь мне мешать. Хорошо?

Спар почувствовал прилив благодарности, когда встал на указанное место. Посмотрев на свою пару, он увидел, с каким трудом ей дается каждый вдох и выдох. Ее кожа блестела от пота, а одежда была порвана и помята во время их борьбы.

На ее рубашке отсутствовало несколько пуговиц, что открывало голую кожу, которая имела нездоровый, болезненно серый оттенок. Спар перевел взгляд обратно на ее лицо и заметил, что странный цвет начал охватывать корни ее волос.

Уинн последовала за его взглядом и сжала челюсть.

— Хорошо, давай начнем.

Это были самые долгие шесть часов нечеловеческой длинной жизни Спара. Он потерял счет сожженных Уинн благовоний и пропетых ею заклинаний. Кристаллы, камни, травы, руны — все прошло перед его пристальным взглядом.

Иногда она клала свою руку то на голову, то на тело его пары, а порой, казалось, забывала, что Фелисити там, будто впадала в транс. Хотя одно он запомнит навсегда — длинную полоску муслина, которую Уинн обмазала несколькими видами масел, перед тем как девять раз обернуть вокруг руки, на которой проступала метка демона.

Спар запомнит, потому что ему пришлось разжать пальцы Фелисити и держать их, пока Уинн перематывала их, а его пара кричала в агонии в течение всего процесса.

Порой в течение дня и вечера Спар задавался вопросом, почему никто не обратился в правоохранительные органы. Если бы он с улицы услышал крики и не понял, что происходит за пустой витриной магазина, то заподозрил бы, что там кого-то пытаются или даже убивают. Конечно, он сомневался, что многим жертвам убийства потребовалось бы шесть часов, чтобы умереть.

Именно столько времени понадобилось Уинн для выполнения работы. Видя Фелисити в таком состоянии, его охватывала своего рода агония, которую он не испытывал никогда

ранее.

Тот факт, что она продолжала пытаться вырваться из своих пут, корчилась и боролась в течение всего процесса, доказал, что силы, задействованные в игре, были нечеловеческими. Лишь подпитываемые чистой энергией магии могли продержаться столько часов.

Его доверие к Уинн пошатнулось в тот момент, когда в начале седьмого часа она подошла к столу и взяла обоюдоострый нож. Спар перегнулся через спинку дивана и схватил ее за запястье.

— Что ты делаешь?

— Расслабься, Страж. Я не дура, чтобы убивать в твоём присутствии человека. — Повернув нож в руке, она поцеловала лезвие, а затем протянула Спару рукоятку вперед. — Возьми его.

Спар узнал ритуальный нож. Атаме^[11] был небольшим, всего девять дюймов, но блестел ужасно ярко в огнях гостиной.

Рукоять была сделана из эбенового дерева, изогнутая так, чтобы удобно лежала в ладони. Она перетекала в лезвие без какого-либо навершия, которое бы отделяло дерево от металла. Хотя нож пролежал на столе нетронутым, он казался тёплым в руках Стража.

— Раз ты не позволяешь мне причинить ей боль, это придется сделать тебе.

Спар, резко подняв голову, почувствовал, как появляются его клыки, даже будучи в человеческом облике.

— Что?

Уинн, неотрывно наблюдавшая за ним, внешне, казалось, не страшилась его проявления агрессии.

— Я ослабила связь, но, чтобы разорвать ее, нужно слить яд, заразивший ее. Нам нужно порезать ее руку и дать ткани пропитаться. — Увидев выражение его лица, она улыбнулась. — Всего лишь укол, Страж. Клянусь тебе, что ей не придется долго страдать.

Спару все еще не нравилась эта идея. Он был уверен, что ведьма прекрасно видела его лицо и неохотные движения. Повернувшись к Фелисити, Страж к своему удивлению обнаружил, что ее движения замедлились, за последние несколько минут рост агрессии уменьшился.

Она продолжала пыхтеть, все еще напоминая животное, а не человека, но Фил больше не дергалась и не пыталась освободиться от своих пут. Он почувствовал, как в нём снова появился оптимизм, ведь ведьма действительно может знать, что делает.

— Тебе нужно уколоть ее кончиком ножа через ткань прямо в центр метки. Не трогай повязку. Она должна остаться на месте, — руководила Уинн, стоя по другую сторону от Фелисити. — Ткань вокруг руки должна впитать кровь. После того, как уколешь ее, передай атаме мне обратно.

Он кивнул, подтверждая, что понял ее указания, хотя несколько не хотел их выполнять. Идея намеренно навредить своей паре шла вразрез с его природой.

Но если это спасет ее, он сделает все необходимое. Взяв обмотанную руку Фелисити, он нежно разжал ее пальцы и уложил ладонь в свою руку.

Сделав глубокий вдох, Спар отстранился и уколол, прежде чем смог передумать. Если бы он позволил себе медлить, то поставил бы под сомнение свою способность идти до конца.

Ужасно острое лезвие резануло по ткани, словно это была папиросная бумага, и он почувствовал, как кончик врезался в нежную плоть Фелисити. От ее громкого, дикого крика

он едва не выронил нож.

Центр повязки стал менять цвет, не на кроваво-красный, а на черный, как смоль. Уинн посмотрела на него и кивнула.

— Хорошо.

Неохотно Спар передал лезвие обратно.

— Что теперь?

— Подожди минуту.

Спар ждал, не отрывая глаз от белой ткани, где продолжала проступать черная субстанция. Уинн, встав рядом с головой Фелисити, закрыла глаза и начал петь.

Слова ускользали от него, но он узнал певучий, протяжный валлийский слог. Когда она произносила свое заклинание, пропитанный до самых краев бинт Фелисити стал превращаться из черного в ярко-красный.

Открыв глаза, Уинн подалась вперед и просунула лезвие атаме между кожей Фелисити и пропитанным бинтом. Легко разрезав ткань, она выбросила ее, брезгливо держа за края.

После того как она с помощью атаме сдвинула и проткнула бинт, Уинн засунула его в черную шелковую сумку, которую держала открытой, и перевязала ее тонким черным шнуром.

Спар сразу же перевел взгляд на свою половинку и почувствовал, как его сердце пропустило удар, когда увидел ясный, чистый цвет ее кожи и спокойное и мирное выражение на лице.

Она лежала совершенно неподвижно и расслабленно, не натягивая веревки, которыми ее связали, и больше не боролась, чтобы сбежать. Протянув руку и коснувшись ее лица, он чувствовал ее кожу — гладкую, прохладную и мягкую.

Через мгновение она пошевелилась, ее ресницы затрепетали, прежде чем Фил распахнула сонные и смущенные зеленые глаза.

— Хм, ого, — пробормотала она хриплым голосом. Но не ото сна, а от шести часов визга, крика и стонов. - Это был один из ужаснейших коротких дневных снов. Как долго я спала?

После всего, что Уинн для них сделала, казалось вежливым тоном пригласить ее на ужин.

К тому же, у Фил остались вопросы о случившемся за последние несколько часов. Легче их задавать, когда хорошо накормленная ведьма все еще будет здесь.

Они заказали еду в китайском ресторане, и за говядиной хунань, буддийским наслаждением и пельменями из свинины Фил пыталась заполнить пробелы в памяти.

— Мне все еще трудно все это уложить в голове.

Последнее воспоминание: я сижу на диване с ноутбуком и расстраиваюсь, что прогресса в поиске нет.

— Неудивительно. — Уинн, с проворностью орудуя палочками, закинула в рот брокколи. — Ты была не в себе. Буквально.

Я бы не назвала пережитое тобой — одержимостью в классическом смысле, но ты не отвечала за свои действия. Совершенно нормально, что воспоминания не сохранились.

— Но это не значит, что это мне нравится.

— Не вини себя.

Перевернув руку, Фил заметила новый, крошечный шрам в центре метки демона.

— Я уже поблагодарила тебя за помощь, и не сочти меня неблагодарной, но я очень хочу полностью избавиться от этой штуковины. Не могу представить, что проживу оставшуюся часть жизни, с подписью какого-то демона на ладони.

— Мне жаль, но я не думаю, что это навсегда. — Уинн отпила колы и продолжила. — Как уже говорила Стражу, я лишь разрушила связь между тобой и энергией демона. Знак на рисунке со временем исчезнет, и мне жаль, что он непостоянен.

— Эй, любое достижение — уже достижение! Спасибо.

— Всегда, пожалуйста.

— Думаю, что после пережитого, ты должна называть меня по имени, — вставил Спар.

Посмотрев на него, Уинн выгнула бровь.

— Я не хотела бы допускать такое близкое знакомство.

Фил нахмурилась.

— Почему? Если ты выросла с Хранителем в семье, то уже чертовски сильно знакома с делами Стражей. Намного больше, чем я.

— Ага, именно поэтому и не хочу. — Уинн поморщилась. — Полагаю, теперь все встало с ног на голову, но я росла, изучая Стражей, а эти знания всегда подкрепляли трепет и уверенность, что с ними нужно обращаться осторожно и с должным уважением. Особенно, если ты всего лишь девушка.

Ох, эта фраза задела Фил.

— Всего лишь девушка? — повторила она.

Уинн фыркнула.

— Ты и впрямь новичок в деле, да? Давай просто обозначим, что в Академии Хранителей не так уж много записей о девушках, учитывая их гендерное разделение и равноправие.

Фил посмотрела на Спара, который выглядел смущенным.

— Что именно это означает?

— Девяносто девять процентов учеников академии — мужчины. Буквально. На сто учащихся приходится одна девушка. И, поверь, женщины не менее квалифицированное мужчин, но — что очень странно — предпочтение отдается мужчинам.

— И с чего бы этого?

Пожав плечами, Уинн указала палочкой на Спара.

— Почему бы тебе у него не спросить?

Фил повернулась к Спару.

— И с чего бы этого?

Спар кинул на Уинн мрачный взгляд.

— Я не член Академии. Стражи обособленно стоят от нее и не следуют правилам и привычкам Хранителей.

— Хм, похоже на отговорку. — Фил ткнула его в грудь. — Может ты и не в Академии, но ты с ней работаешь уже... тысячи лет или больше. Ты не можешь утверждать, что не знаком с их методами.

Спар вздохнул, словно эта тема разговора действовала ему на нервы. Фил стоило заметить, что она еще и не начинала испытывать его терпение.

— Академия работает по системе воспитанников, а это означает, что примут ограниченное количество претендентов. Обучение Хранителей — усердный и трудоемкий процесс, и у каждого воспитанника очень много предметов, помимо других занятий. Я не знаю, почему многие женщины не допускаются к тренировкам. Лишь Хранитель решает, как именно студент будет проходить обучение. Никто не может заставить его отклонить или принять претендентку.

— Ага, у них довольно убогая система. Этакое сообщество мужчин, абсолютно уверовавших, что женщина «не способна» быть Хранителем. Как в давние времена женщины не занимались медициной, бизнесом и военным делом.

Фил услышала горечь в словах Уинн.

— И на что же, по их мнению, мы «способны»?

Ведьма улыбнулась.

— Знаешь, мне никогда не давали точного ответа на этот вопрос, хотя задавала я его с самого детства.

— А есть какой-то критерий, кого принимать в первую очередь? Ну, не знаю, может быть, тест, для которого необходимо наличие члена?

— Единственное установленное правило, для того чтобы стать Хранителем у претендента должна уже быть какая-то магическая способность к заклинаниям. Если ты можешь это сделать, то подходишь.

— И заклинанием не будет считаться способность написания своего имени, когда мочишься на снег?

— Фелисити! — взревел Спар.

— Что? Я не могу придумать другой причины, почему женщина не может произнести заклинание, которое может мужчина.

— Нет, — произнесла Уинн. — Вот почему это так смешно.

Фил прищурилась и скривила губы.

— Я не смеюсь.

— Мы обе не смеемся, сестренка, — Уинн отодвинула от себя тарелку и посмотрела на Спара. — Как я уже говорила Стражу, моя семья семь поколений готовила Хранителей. В

нашей крови отпечаталась магия. Мы все ведьмы, так или иначе. Но так как я женщина, то мне положен только статус ведьмы. А родись мужчиной, уже стала бы Хранителем.

Спар поднял руки.

— Не вини в этом меня, человек. Ни я причина отказа, я не стану брать на себя вину за это.

— И все же, Спар, ты должен признать, что это смешно, — сказала Фил. — Ну, то есть, зачем отказывать вполне способным кандидатам? По-моему, Академии пора перетянуть свои жалкие зады в двадцать первый век.

— Не уверена, что зады Академии вообще способны перетаскиваться, — заметила Уинн. — Вы в курсе, что происходит с Хранителями?

— Ты про то, что найти такового в наши дни это словно отыскать леприкона с горшочком золота? — Фил кивнула. — О, да-а-а-а, в курсе. Потому как мы не смогли найти кого-то еще, кто бы помог нам, когда все началось.

— Кого-то еще? — Уинн с любопытством зацепилась за эту фразу. — Кто еще знает? Вы разговаривали с другим Хранителем? Когда? Как его зовут? Где вы его нашли?

Поток вопросов не оставил сомнений, что ведьма лично заинтересована в ответах.

— Кого ты потеряла?

— Моего брата, Брана. Два года назад он закончил обучение, и за последние восемь месяцев я ничего от него не слышала.

Фил услышала боль в ее голосе и прикоснулась к руке Уинн.

— Извини. Хотела бы я сообщить что-то о нем, но единственного Хранителя, которого нам удалось найти, звали Джеффри, а моя подруга Элла говорила, что им удалось найти Алана несколько недель назад. К сожалению, когда мы добрались до дома Джеффри, его уже там не было. А Элла рассказала, что Алана убили ночные.

Уинн выдохнула.

— Жаль. Просто, знаешь, очень тяжело быть в неведении.

— Элла все еще ищет Хранителей и у нее вроде как есть успехи. Я попрошу ее поискать Брана.

— Спасибо, но кто такая Элла? И как она оказалась во все это втянута?

Фил вкратце рассказала историю дружбы с Эллой Харроу, и что она первая столкнулась с проблемой Академии Хранителей. Она и ее Страж Кес.

Уинн слушала с широко открытыми глазами.

— Еще один Страж проснулся? О, Господи, это очень-очень плохие новости. — Казалось, она немного позеленела.

— Двое Стражей проснулись, но их не Академия призвала... это серьезная проблема, угрожающая миру.

— Это мы и начали подозревать.

Фил и Спар обменялись взглядами. Она заметила, как он слегка пожал плечом, оставляя за ней право, рассказать остальное. Фил же без проблем это сделает.

Ведьма уже спасла ей жизнь и благодаря семье подготовлена к проблемам с Хранителями, Стражами, Обществом и всем остальным лучше, чем Элла и Фил вместе взятые.

Черт, вероятно, Уинн знала об Академии больше, чем Кес и Спар. Она тот ресурс, который они не могли упустить.

Повернувшись к Уинн, Фил прикусила губу, а затем просто выдала все, что знала.

— Мы со Спаром кое-что узнали в доме Хранителя. Джеффри. Согласно его записям... и мы склонны им верить... он предполагает, что кого-то из Семи уже освободили.

С лица Уинн сошли все краски, она побледнела, посерела и задрожала.

— Прощу, Господи, нет.

— Мы считаем, что он пока не слишком силен, — попыталась успокоить ее Фил. — Спар верит, что демон не сбежал, но при помощи какого-то херова... простите за французский... заклинания, используемого ночными, связан с этим измерением.

— Ничего, магия Общества действительно херова. Это технический термин.

Ведьма дрожащей рукой заправила прядь волос за ухо.

— Что заставляет тебя думать, что демон слаб?

— То, что Фил жива — убедительное доказательство. — Спар взял Фил за меченую руку и провел пальцем по ладони. — Если бы демон обрел силу, Фил не прожила бы и недели с меткой.

— Если бы метка принадлежала другому члену Семи, такое было бы вероятно, но это не так. Ты прав. Думаю, раз метка принадлежит Отступнику, скорее всего, его и призвали.

— Я верю, что ты права. К тому же СМИ не вопят о грядущем конце света, что добавляет мне веры в слабость демона.

— Точно. Если бы член Семи в полной силе был среди нас, мир катился бы в тартарары. — Уинн вздрогнула

— На прошлых выходных у меня было видение, — произнесла Фил. — Я видела кого-то, члена Общества, в каком-то подвале или в похожем месте. Он словно исполнял какой-то ритуал или произносил заклинание... не уверена. В любом случае, через минуту видение сменилось, и я наблюдала, как он вошел в комнату к парню, который оставил на мне метку. Он убил его, убил парня, поставившего на мне метку, но прежде поговорил с ним. И казалось, будто первый парень главный. Думаю, что мертвый назвал его Иерофантом, ну, перед смертью.

— Иерофант? — Уинн выглядела удивленной. — В Монреале?

— Ты не считаешь такое возможным?

— Возможно что угодно, когда дело доходит до ночных. Просто удивительно, я здесь больше года, и никогда не улавливала активность такого уровня. Теперь я считаю себя идиоткой.

— Я не уверена на сто процентов, так как видела ритуальное пространство, и парень перенесся в больничную палату, даже не пролетел, а перенесся, но чувствую, что не особо далеко. Понимаешь, о чём я?

Уинн слабо улыбнулась.

— Инстинкт — основа магии.

— Верно, и инстинкт говорил, что Иерофант близко. Только вот я вообще не представляю, где это «близко». Черт, я совсем новичок в этом. «Близко» в магическом понимании может находиться на Манитобе^[12]. Откуда мне знать?

— Манитоба совсем не близко. Даже по меркам Манитобы. — Уинн казалось задумчивой. — Если нам каким-то образом удастся узнать местоположение Иерофанта, это будет потрясающе.

Если мы его уберем, Общество сделает огромный шаг назад. Хотя кто-то и придет на его место, но до этого момента будет царить хаос. И это не тот хаос, которого они добиваются.

— Мы предполагали так же, но определить, где находится человек в этом измерении,

даже зная имя... — Спар затих. — В общем, это сложно.

— Как вы искали?

— Всеми способами, которые только приходили в голову, — ответила Фил. — В основном, рыская по Интернету в поисках темных делишек или чего-то, действительно, пугающего.

— Общество давно не ведет дела в Интернете, они поняли, что так их очень легко выследить. Так их не поймать. Вы не пробовали найти, не ища?

— Прости?

— То есть не его самого искать, а оставленные им следы, — пояснила Уинн. — Если Общество решило призвать одного из Семи, за этим может стоять Иерофант, но для этого ему потребовалось бы уйма всего. Он главный слуга демона, слабого демона, которого нужно питать.

— Фу. Думаю, в рацион не входит картошка фри?

— Не совсем. Демоны очень избирательны в еде, исключительно кровь и человеческие души.

Спар зарычал.

— Мы должны были искать доказательства человеческого жертвоприношения.

— К сожалению.

— Фу, я очень надеялась, что ты этого не скажешь.

— Так найти его быстрее всего, и чем скорее его найдем, тем меньше они принесут жертв, — пояснила Уинн. — Я могу воспользоваться кристаллом для поиска, но не стоит на это полагаться, так как я не знаю человека, которого ищу.

К тому же, у Иерофанта могут стоять магические барьеры против поиска, учитывая его делишки. Я чертовски хорошая ведьма, но могу поспорить, он сильнее меня и черпает силы из Мрака. Мой способ — резервный план.

Фил застонала и откинула голову на спинку дивана.

— О-о-о-х. Похоже, что я проведу «сколько бы то ни было долго» времени за весельем, изучая отчеты об убийствах. Круто.

Уинн кинула на нее горький взгляд.

— Еще ищи пропавших без вести. Иногда ночные догадываются скрывать тела своих жертв.

— И ты еще печалишься, что это не постоянная твоя работа?

Ведьма пожала плечами.

— У нас у всех есть странности.

Фил поняла, что не хотела отпускать Уинн, и в следующие несколько дней ловила себя на мысли, что желает набрать ее номер и позвать обратно.

Спрашивать у нее было гораздо легче, чем искать всё самой.

Хотя, Фил больше не интересовалась расположением Иерофанта. Нет, все ее вопросы касались Стражей: откуда их вызвали, сколько времени бодрствуют между периодами дремы и просыпаются ли они когда-нибудь, когда мир не под угрозой уничтожения.

Если бы Уинн догадалась, почему Фил интересуется этим, никогда бы не ответила.

— Они могут проснуться, когда Хранитель заканчивает обучение своего ученика, — пояснила ведьма.

— Так они передают эстафету от одного Хранителя другому, поэтому Страж знакомится с новичком, на случай если во время службы ему придется быть призванным. Но, насколько мне известно, или это причина их пробуждения, или они сами просыпаются, когда человечество под угрозой гибели. Между этими периодами не часто они пробуждаются и недолго бодрствуют.

Фил это несколько не успокоило. Она вернулась к размышлениям с того места, где остановилась, только теперь без психологического, внушенного демоном гнева, а вот Спар усиленно принялся за поиски.

Казалось, он собрался разобрать каждый случай смерти и рассмотреть каждого пропавшего, о которых они смогли узнать. Но все же, дело шло очень медленно.

В основном, им приходилось опираться на газетные статьи, так как в полиции за вопросы о нападении демонов или ритуальных убийствах, вероятно, посадят в тюрьму или отправят в психбольницу.

Да, Фил связалась с Рикки, но и с ним разговора не вышло. Сложно было объяснить ее увлечение смертью и разрушениями.

— Сначала ты спрашиваешь про дело о взрыве, которое полиция еще не раскрыло, а теперь про ритуальные убийства? — недоверчиво спросил репортер.

— Девонька, ты втянула себя во что-то, о чем я не захочу знать? Потому что, кажется, будто ты создала террористическую ячейку или типа того.

Фил закатила глаза.

— Ага, я и талибы. Я ищу кое-что для друга, Рикки, но, если ты не станешь мне помогать, просто скажи. Я найду другой способ поиска информации. Хотя так и будет дольше.

— Ох, мне чертовски не по себе, но я помогу. За все эти годы я задолжал тебе более чем одну услугу, Фил, но после этого, уверен, что мы квиты. Не хочу знать, отслеживаешь ты серийного убийцу или сама им захотела стать... в любом случае, ты ступила на опасную тропу, будь осторожна.

Фил знала, что Рикки вряд ли верил, что она решила стать убийцей, но приняла к сведению его предупреждение. Она влипла во что-то опасное, просто реального объяснения этому не было.

А в настоящую причину Рикки вряд ли бы поверил. Кто в здравом уме станет отслеживать демонов и их приспешников? Это звучит куда сумасшедшее, чем попытка выловить серийного убийцу.

Если уж быть с собой честной, последние несколько дней Фил и ощущала себя сумасшедшей, и этому способствовало нападение демонов, культ поклонников, человеческие жертвоприношения и выяснение местоположения главного фанатика. И парень с крыльями, настроенный спасти мир, добавлял безумия.

Она попыталась по-буддистски отнестись к этому, живя одним моментом и не думая о будущем, но наслаждаясь каждым шагом.

И это длилось не дольше получаса, затем Спар упомянул, что хотел бы показать Фил храм в Эльзасе (Франция — прим. пер.), который когда-то охранял.

И одним махом в трубу вылетело все ее спокойствие. От того, что он так просто говорил о будущем, словно может стать частью ее жизни, хотелось кричать. Спар вообще представлял, что с ней делает мысль о том, что он уйдет от нее?

Спар подошел к ней сзади, но она, как всегда, не услышала его шаги, пока он не положил руки ей на плечи. Склонившись, Страж провел носом по раковине ее уха.

— Думаю, тебе пора отдохнуть, малышка. — Он нежно поцеловал чувствительное местечко за ухом, отчего Фил задрожала. — Я голоден, а ты? — Еще один поцелуй, сопровождаемый легким прикусом. — Или просто предпочтешь сходить на ланч?

С болью в сердце Фелисити пожала плечами и скинула его руки. Спар ее отпустил, но его порочный смешок умер в загадочной тишине. Она чувствовала, как его взгляд прожигал ей спину, но проигнорировала его.

— Иди и перекуси, я не голодна.

Она встала и потянулась за ноутбуком, но Спар оказался перед ней, взял ее за локоть и повернул к себе.

— Что не так? Ты кажешься обиженной. Чем я тебя задел?

Фил фыркнула.

— Ничем, Спар. Я в норме, просто нет настроения.

— Нет настроения? — повторил он, хмуро глядя на нее.

— Ты не хочешь сейчас заниматься со мной любовью. Я понимаю это, но мне не нравится ложь, Фелисити. Тебя явно что-то беспокоит, и ты мне расскажешь что же.

— На самом деле, не расскажу. — Она резко закрыла ноутбук и освободила руку. — Понимаю, твоя обязанность приглядывать за мной, Спар, и знаю, что тебе понравился секс со мной, но это все не дает тебе права знать, что творится у меня в голове, так что отвали.

Спар вновь к ней потянулся, схватив за левую руку.

— Ты вновь говоришь так же, как до разрывания метки Уинн. Что-то произошло? Власть метки вновь тобой руководит? Нам стоит позвонить Уинн и попросить приехать.

— Это не из-за чертовой метки, Спар! Я могу злиться и без влияния демонической абракадабры. Забудь.

— Не забуду. Ты ведешь себя нерационально. Ночью лежала в моих объятьях и прижималась ко мне во сне, а сейчас я словно для тебя стал вселенским злом. Если я чем-то тебя обидел, то заслужил шанс на исправление ошибки, а так как не могу сам додуматься, чем же тебя задел, прошу, объясни, чтобы я извинился.

Фил всплеснула руками, желая одновременно, и плакать и смеяться, ведь этот аргумент настолько смешон, и да, она заварила кашу. Она вела себя по-дурацки, но не могла прекратить.

Боль, что мучила ее, желала вырваться, а Спар, хоть и был на ее стороне, казался отличной мишенью.

— Ты ничего не сделал, Спар, — проворчала она. — Ничего не сказал, как думаешь, по крайней мере, насколько могу судить я. Думаю, у меня и правда, испортилось настроение.

Он сделал шаг к ней и протянул руку, а Фил замерла. Если бы Страж ее сейчас обнял, она бы разрушилась на миллиард кусочков.

— Если ты расстроена, позволь помочь, — проговорил он. — Позволь утешить.

— Спар, я же сказала, забудь.

И он не стал настаивать, отпустил ее, а после изменил облик, встав перед ней в истинной личине, едва не задевая головой потолок.

Он нахмурился, отчего его высеченные черты стали отчетливее, затем оскалился и сжал кулаки, отчего когти угрожающе заскрежетали.

— Ты просишь меня о невозможном, человек, — прорычал он, его тон стал глубже и зловеще, чем обычно. — Я во всех смыслах открылся для тебя, а ты все равно что-то скрываешь. Ты не уважаешь меня? Мои чувства? Смотришь на меня и думаешь, что я чудовище? Почему, каждый раз, когда я приближаюсь к тебе, ты находишь причину меня оттолкнуть?

— Нет! Спар, я никогда не считала тебя чудовищем. — Фил прикусила губу, разрываясь между инстинктом сохранить в тайне свои к нему чувства и необходимостью заверить, что она любила его и в облике человека и в облике Стража.

Не личина Спара убьет ее, а его уход. Она станет никем.

Глубоко вдохнув и пытаясь унять дрожь в руках, она заговорила:

— Спар, не думаю...

Тут раздался звонок телефона.

Она увидела, как Спар прищурился, и была уверена, что он скажет не отвечать, поэтому на нечеловеческой скорости подняла телефон и поднесла к уху. Рев Спара практически заглушил ее:

— Алло?

На другом конце повисла тишина.

— Господи, Фил, где ты? В зоопарке Гранби? Дразнишь львов?

— Рик, нет, извини, я... э-э-э, телевизор смотрю. Дай звук убери. — Она предупредительно посмотрела на Спара и отвернулась, желая сосредоточиться на репортере. — Есть что-то?

— Есть повод встретиться и поговорить. Давай через полчаса у Клода.

Фил поморщилась, зная, что Спару это не понравится. За последние дни он стал еще более осторожным с тем, чтобы отпускать ее куда-то.

Она обернулась, гадая, сложит ли он свои крылья, если она передаст слова Рика.

— Эм, не уверена, — начала она, но Рик оборвал ее возражения.

— Через полчаса, Фил. Ты захочешь это услышать, а я хочу узнать причину такого запроса.

Он повесил трубку прежде, чем она смогла ответить.

Когда Фил повернулась к Стражу, то поразились, что он вновь перекинулся в человека и тербил рукава темно-серого свитера.

— Что ты делаешь?

Он кивнул на телефон.

— Не думаю, что твой друг хочет увидеть меня в истинном облике за кофе с бубликами.

Голос Спара теперь стал резким и отстраненным, и у Фил от этого свело живот.

— Ты зол.

Спар посмотрел на нее.

— Минуту назад мы оба злились. Тогда ты не хотела разговаривать, теперь я. Я слышал, что репортер просил тебя о встрече, и, как ты знаешь, я не могу позволить тебе пойти одной. — Он махнул на дверь. — Пойдем?

Ни сказав, ни слова, Фелисити повернулась и схватила куртку. Как она всегда умудряется оттолкнуть людей, которые ей не безразличны?

Это какое-то проклятье? Но если подумать, за двадцать семь лет она должна бы понять, как вести себя с любимыми.

* * *

Рик ждал их в том же кафе у Клода, в котором они завтракали две недели назад, только сейчас тут пахло не сосисками и кофе, а картошкой и говядиной с подливкой.

Как и прежде, Спар провел Фил через толпу и старался не показывать свою злость.

Хотя он был очень-очень злым.

Маленький человечек сводила его с ума. Вновь и вновь меняя свое мнение; то соблазняла его, то отталкивала, то манила, а после закрывались от него непроницаемыми барьерами.

Спар думал, что после того, как Уинн повредила метку демона, все улучшится. Фелисити полагалась на его опыт, несмотря на то, что была довольно тихой, не старалась его оттолкнуть. До сегодняшнего утра.

У него возникало ощущение, что он забирается на гору, только чтобы у самой вершины быть подхваченным оползнем и унесенным к подножию.

Он избрал Фелисити своей парой и не хотел отступать, но начинал опасаться, что его терпению приходит конец. Спар хотел, чтобы она его полюбила, прежде чем заявлять на нее права, но не знал, сколько мог еще ждать.

Видимо, его лицо отразило внутреннее состояние, так как репортер, подсаживаясь к Фил, выглядел неловко.

— Ого, с последней с вами, ребята, встречи он стал выглядеть еще веселее.

— Мы оба просто лучезарны, — недвусмысленно сказала Фил. Спар ощутил укол удовлетворения, что она сказала «мы». — Ты сказал, что у тебя что-то есть. Говори.

— И-и-и-и, вижу, что все те годы в школе очарования, наконец, окупилась. — Рик разместил на столе толстую красную папку, но не подтолкнул к ним, а положил на нее руку и наклонился к Фелисити.

— Ты попросила меня поискать отвратительнейшую гадость, Фил, и я пошел навстречу, потому что считаю тебя другом, но найденное еще несколько месяцев будет преследовать меня в кошмарах, а я работаю в полиции со времен, когда «Ангелы Ада»^[13] и «Рок-машины»^[14] разукрашивали улицы в цвета крови. Уверена, что хочешь это видеть?

Спар увидел, как Фелисити напряглась и медленно вдохнула, после чего едва уловимо, но уверенно, кивнула.

— Я должна, Рик. Это важно.

— Нет, что бы это ни было, это полная хрень. — Он подтолкнул к Фелисити папку и откинулся на спинку кресла. — Советую посмотреть до еды. Мне пришлось ботинки

начищать.

Спар нашел предупреждение лишним, хотя справедливым. В папке находились не только информация, но и фотографии. Он подумал, что некоторые должно быть сделали на улице на местах преступлений.

На других были металлические столы и хирургические инструменты, эти сделанные во время вскрытий фото весьма живописны и жестоки: разрезанные горла, сломанные тела, некоторые были с пометкой, что на людей напали животные. Но не натренированный глаз принял бы следы атаки демона за животные.

Человеческие власти всегда приписывают такое к нападению животного, а вот Спар видел различие.

— Сколько? — спросила Фелисити.

Выражение ее лица было пустым, но Спар видел, как бешено пульсировала жилка на шее, и чувствовал исходящие от Фил волны расстройств. Его маленький человечек сильная, но никто, у кого есть сердце, не мог спокойно смотреть на эти фото.

— Пока полиция нашла трёх, но держат это в тайне, — ответил Рик. — Меньше всего им нужна паника среди мирного населения из-за серийного убийцы. — Он пару секунд помолчал. — Это ведь серийный маньяк?

— Не совсем.

Фелисити посмотрела на Спара. До того как связаться с репортером, она поинтересовалась, что именно могла рассказать. Полная версия могла сломать Рикки, если бы он в нее поверил, но они не могли притвориться, что все это лишь праздное любопытство. В итоге, они сошлись на тщательно отредактированной правде.

Фил повернулась к репортеру.

— Мы подозреваем культ и думаем, что убийства совершаются в рамках какой-то жертвы.

— Типа сатанистов? — Рик слабо хихикнул. — При обычных обстоятельства я сказал бы, что такое возможно лишь в дешевых ужастиках, но, в данном случае, у полиции тоже была такая идея. В телах обнаружили кое-что странное.

— В телах? Не на местах преступлений?

— У полиции нет мест преступлений. Людей убили в других местах, а им подкинули тела.

Фелисити выругалась — по-литовски, предположил Спар — себе под нос.

— Ладно, и что странного они нашли?

— Первым делом. — Рик взял карандаш и начал постукивать ластиком по столу, ведя себя, как курильщик в обществе некурящих. — Убитые обоих полов. Обычно серийные маньяки специализируются на одном поле. Например, если все жертвы женщины, а на месте преступления обнаруживается труп мужчины, то он всегда сопутствующий ущерб. Если жертвы обоих полов, как в случае с Зодиаком^[15], их не пытаются. А этот явно истязатель.

Явно. Спар видел множество порезов на телах, болезненных, но не ведущих к смерти, пока Иерофант не будет к этому готов. Должно быть, он открыл сезон питания болью жертвы.

— К тому же, у второй жертвы были связаны руки, — продолжил Рик. — И узлы были необычны тем, что их было семь. Все полагают, что это чересчур, чтобы удержать подростка весом в сорок семь килограмм. Полиция считает, что узлы ритуальные. Но опять же, когда тела обнаружили, ни одно из них не было целым. Всем вырвали сердца. Думаю, это и стало

причиной смерти. Что скажешь?

Фелисити кинула строгий взгляд на репортера, не оценив его шутку.

— Думаешь, это смешно? — тихо спросила она. — Считаешь, что меня не тошнит от этого, и что я спокойно ночами сплю? Поверь, этот культ чуть не убил меня, так что прекрати, Рикки. Я не какая-то поклонница серийного убийцы, наслаждающаяся шоу ужасов.

— Тогда почему не обратилась в полицию? Не рассказала всё, что знаешь? Я знаю, что тебе что-то известно. — В голосе Рикки чувствовалась злость, и Спар напрягся приготовившись встать между женщиной и своей парой. — Ты хоть представляешь, насколько они отчаялись отыскать хоть малейшую зацепку? Первая девушка пропала полгода назад, а когда они ее нашли, она уже три месяца, как была мертва. Полиция уже три месяца работает над делом, и знаешь, что нашли? Ноль. В этой папке столько же полезной информации, как и в четырех коробках, хранящихся в участке.

— Я понимаю, что ты расстроен, Рик, но недоумеваю, почему срываешься на мне, — заметила Фил, сведя брови. — Что происходит?

Рик положил карандаш и взял кружку кофе, который выпил одним глотком.

— Хочешь знать, что происходит, Фил? Я разговаривал с семьей каждой жертвы, и каждый готов отдать руку на отсечение, чтобы узнать хоть что-то о том, что случилось с их любимыми. Так что прости, если я зол на того, у кого, вероятно, есть ответы на их вопросы, но она сидит вся такая молчаливая и загадочная. Меня от этого тошнит.

— Рикки! Обещаю, я сделаю, что смогу, но ты не понимаешь...

— А знаешь, что? Забей. — Рикки поднялся и схватил куртку с сумкой. — Как я и говорил, продолжай считать нас департаментом услуг, Фил. Увидимся.

Спар не видел, как мужчина покинул кафе, он наблюдал за своей парой.

Он видел, как слова репортера ранили ее нежное сердце, и тут же весь гнев был смыт волной сострадания. Фелисити стало больно от этих слов, а Спар не мог вынести ее боль.

Он обнял ее за плечи.

— Мне жаль, малышка. Ты права, он не понимает, но это не дает ему право так грубо с тобой разговаривать.

— Нет. — Она замотала головой и уставилась на оставленную репортером папку. — Он не виноват. Это я его разозлила, поэтому он ушел. Но все нормально, не велика потеря.

— А мне кажется, что велика. — Фил говорила плоским, почти лишенным эмоций голосом, но Спар заметил, как ее голос стал натянутым. — Тебе больно, малышка, и неважно насколько Рикки разозлился, он не должен был ранить тебя.

— Я сказала, что все нормально!

Сделав глубокий вдох, Фелисити явно собралась с мыслями, затем посмотрела на него ясными глазами. Но Спар все равно заметил неприятную для него тень в темно-зеленых глубинах.

— Так или иначе, у нас есть дела поважнее. — Она вернулась к папке и фотографиям из полицейского отчета. — Я рада, что Рик не забрал все это. Оно нам поможет. Здесь даже есть GPS координаты, где были обнаружены тела. Видимо, каждое тело находилось недалеко от следующего. Может, если мы там осмотримся, то найдем что-то способное привести нас к Обществу?

Спар несколько минут просто смотрел на Фелисити. Она вновь закрылась от него, возвела барьеры вокруг эмоций, но в этот раз это его не разозлило, а обеспокоило. Казалось,

что не он заставлял ее закрываться, а чувство потери или боязнь быть брошенной.

Спар начал понимать, что, когда Фелисити больно, она закрывается в себе, словно черепаха прячется в панцирь, пытаясь не дать боли вновь себя ранить. Но, если это ключ к ее эмоциональной неустойчивости, с чего она вдруг решила, что Спар намерен сделать ей больно?

Она подняла взгляд на Спара и вскинула брови, явно ожидая от него ответа. Он кивнул.

— Да, нам определенно стоит осмотреться. Даже если не найдем физических следов, быть может там найдутся отпечатки магии.

Фелисити поджала губы.

— Я хорошо чувствую магию, будь то человек или предмет, но может нам лучше позвать Уинн? Лишняя пара глаз не помешает, тем более она обученная ведьма и знает навыки Хранителя. Она сможет распознать заклинания или что-то, что я могла бы упустить.

— Согласен.

На языке Спара вертелся вопрос об эмоциональном самоустранении, но время было неподходящим. Фелисити все еще была уязвлена ситуацией с репортером, и Спар не хотел рисковать и вызвать в ней злость, которая уже пробудилась дома.

Его пара могла быть еще той колючкой. Вместо того чтобы надавить на нее, он забрал папку и взял из держателя два меню.

— Давай, сперва поедим, — протянул он, отдавая ей одно. — У тебя в холодильнике только салат и заветренная морковь. А Страж не кролик, он должен есть мясо.

На ее губах мелькнул намек на улыбку, когда она открывала меню.

— Ага, такова жизнь временно безработного реставратора. Разве ты прежде не слышал термин «бедный художник»?

Уинн сказала, что освободится ближе к ночи. После споров о целесообразности исследования леса ночью, они решили осмотреться вечером, а более тщательно все изучить на следующее утро.

Учитывая, что они втроем не уместились бы на мотоцикле, Фил решила поехать на фургоне. Спар удивленно уставился на машину, когда Фил выехала из гаража.

— Это тоже твоя?

— Ну, на Лоране было бы трудно перевозить произведения искусства.

— Лоран?

Фил усмехнулась.

— Мой мотоцикл.

Спар странно посмотрел на нее.

— У твоего мотоцикла есть имя, Лоран.

— В честь святого покровителя Канады.

Спар открыл дверь белого фургона и забрался на сидение.

— Ты очень странный человек.

Фил потянулась к ремню безопасности.

— Цыц! Не оскорбляй меня, а то разозлишь Джозефину.

— Джозефину? — спросил Спар, после чего застонал. — Нет, не отвечай, дай угадаю.

Так ты называешь фургон?

— Ага. — Она улыбнулась и влилась в поток машин

Уинн ждала их у своего маленького домика. Она надела поношенные джинсы и закрытые тенниски, которые выглядели старенькими, потрепанными и довольно удобными для прогулок по пересеченной местности.

Она без единого слова забралась в фургон, даже не возмущившись из-за отсутствия кресел в грузовом отсеке. Уинн просто бросила на пол сумку, села на нее и скрестила ноги по-турецки.

— Миленькая машина, — заметила Уинн, осматривая пустое пространство. — Я бы на такой могла что-нибудь перевести. Даже не пришлось бы делать вторую ходку.

— Она для этого и используется, — согласилась Фил. — Извини за неудобства.

Уинн отмахнулась от ее извинений.

— Нормально. Так куда мы едем?

— В парк.

— Парк Мон-Руаяль ^[16]?

Фил кивнула.

— Там были найдены тела, среди деревьев за смотровой площадкой «Belvedere Kondiaronk». Мы припаркуемся на улице Мэйсона Смита и дальше пойдем пешком.

Поездка до горы прошла в молчании. Уинн казалось, занялась переписью всего, что лежало у нее в сумке, а Спар с самой сцены в кафе осторожничал.

Фил не знала, думал ли он, что она расстроится от малейшего давления, или просто отказался от малейших попыток заговорить. Да и не могла решить, какой вариант предпочтительнее.

Не было времени в этом разбираться. Её отверг хороший друг, она влюбилась в

мужчину, который вовсе не мужчина и не сможет быть с ней долго, а еще она не могла разобраться в хитросплетениях эмоций, и всё это ей пришлось отодвинуть на второй план, чтобы остановить грядущий апокалипсис.

Вот такая история, и Фил не просто в нее вляпалась, а усадила свою метафорическую задницу в самую гущу событий. Даже динамит не смог бы поколебать ее преданность к отрицанию и попыткам убежать. Фил прониклась к этой парочке, словно к новым лучшим друзьям.

Фил припарковалась у особняка на проезжей части улицы Олмстеда. Тропа вела к северо-восточной части смотровой площадки, прежде чем разветвиться на несколько тропинок в каждую сторону.

В центре располагалась густая лесистая полоса, в которой технически нельзя ходить людям. Согласно правилам парка, любая деятельность в этой местности запрещена, но люди, путешественники или любители природы, иногда забредали сюда. Очевидно, так же поступили и убийцы.

Достав телефон из кармана, Фил включила GPS, открыла карту и ввела координаты, указанные в файле Рикки.

— Пошли, — обратилась она к остальным. — Нам сюда.

До парка они добрались уже в сумерках, и ночь ожидала вступления в свои права. В это время, по идее, парк должен закрыться, но Фил надеялась, что им не понадобится много времени, чтобы добраться до свалки.

Фил за свою жизнь провела здесь много радостных часов, но сегодня парк излучал безмолвное предчувствие, от которого волосы на затылке вставали дыбом. Она очень не хотела быть здесь ночью, особенно сегодня.

Спар шел рядом с ней по проторенной тропе, ведущей посетителей к шале, с которого открывался захватывающий вид на город.

Они достигли развилки. Тропа справа вела к шале, а длинная, извилистая тропа слева — вокруг леса к огромному стальному кресту, украшавшему северо-восточную сторону горы Мон-Руаяль^[17].

Затем дорожка поворачивала обратно и так же выводила к шале. Но Фил пошла вперед.

Прямо через лес к бельведеру, который люди называли более величественно «шале». Они прошли одну треть пути, прежде чем Фил повернула на север.

— Сюда.

Они сошли с гравийной дорожки, и идти стало труднее. Шуршание опавших листьев и сломанных веток эхом разносилось в тишине.

Им пришлось обходить деревья, отодвигать ветки и пробираться сквозь колючий кустарник, направляясь к координатам свалки.

Местность теперь не была открытой, и тени стали глубже. Последние лучи уходящего солнца не достигали леса, и Фил старалась убедить себя, что ощущение холода появилось из-за падения температуры.

Но учитывая, насколько холоднее становилось при приближении к месту координат, последние сомнения улетучились.

— А вы знаете, что Фредерик Олмстед^[18] спроектировал этот парк сразу после того, как закончил проект Центрального Парка в Нью-Йорке? — заметила Уинн, разбавляя неудобную тишину своим сладким голосом. — Я была там пару раз, но не помню, чтобы он был настолько густым, как этот.

Фил посмотрела через плечо.

— Ты была в Нью-Йорке?

— Да. Ну, я выросла на среднем западе, но думаю, что каждый должен совершить паломничество в Нью-Йорк хотя бы раз в жизни.

— Средний запад? — Фил, удивившись, остановилась. Из-за сложившихся обстоятельств, она не заметила акцент. — Ты американка?

— Ну, да. Тим тебе не рассказал?

— Нет. Думаю, такое я бы запомнила. Как ты оказалась в Монреале?

— Я работаю в Макгилле^[19].

— Ты профессор? — Фил надеялась, что в ее голосе был слышен не только скептицизм. Она уже знала, что Уинн умная женщина, но не могла представить ее преподавателем университета.

Уинн усмехнулась, не выказывая обиду.

— Господи, нет. Насколько мне известно, у них нет кафедры суеверий. — Она подмигнула Фил.

— Нет, я — ассистент одного из профессоров по ботанике на Кафедре Растениеводства, помогаю в исследовании, изучающем физические свойства традиционных лекарственных трав. Грант почти у него в кармане, так что я могу, смело заявить, что моя работа здесь окончена.

Фил рассмеялась, но звук исчез так же быстро, как зародился. Она сделала шаг и наступила на сломанную ветку, вот только ее ногу словно затянуло в ледяной, липкий туман.

Свет не изменился, а вот обстановка стала нереально тихой и холодной. Пение птиц, стрекотание насекомых и прочие звуки лесных существ исчезли, поэтому сигнал телефона, что они достигли места назначения, почти заставил Фил подпрыгнуть.

— Мы уже близко, да? — без надобности спросила Уинн. — Я чувствую это.

Спар коснулся руки Фил.

— Держись ко мне ближе.

Она не собиралась спорить, чувствуя, как по коже начали ползать мурашки.

Спустя пару мгновений, Фил пробралась сквозь густой ельник и выбралась на открытое пространство не более десяти футов в диаметре.

Не совсем поляна, скорее небольшая прогалина, образовавшаяся после того, как здесь свалили дерево, что должно было объяснить странность в центре.

Технически, то, что стояло там, сложно было назвать пнём, так как дерево... вероятно, огромный клён, по соображениям Фил... очевидно, не спиливали.

Фил не знала, сгнило ли дерево или упало во время бури, или его ударило молнией, но, судя по острым щепкам, торчащим из земли, спокойно дерево не упало.

Больше было похоже, что его сломал какой-то разъяренный великан. И эта ужасная мысль не принесла Фил спокойствия. Будто демонов и их почитателей ей не хватало.

— Вот здесь, — выдохнула Уинн ей в спину. — Видишь?

Хотела бы Фил сказать нет.

Болотный газ повис в воздухе над землей всего в нескольких дюймах от остатков клёна. Почему-то Фил подумала, что если бы начала определять форму, то получился бы силуэт человека, как при обведении трупа мелом на асфальте.

Но затем разобрала четче толстые, тревожащие душу завитки зеленовато-черного цвета, который напоминал цвет заживающих синяков или гнилой плоти. Под ковром из листьев

они обвивали щепки клёна и тянулись в воздух.

Кончик качнулся, словно его колыхнул ветер. Вот только здесь не было ветра, и движение больше напоминало то, как животные принохиваются в поисках добычи.

— Вижу.

— Нам нужно осмотреться и найти возможные оставшиеся доказательства, — проговорил Спар. — Я верю людским властям, но на всякий случай перепроверить не лишнее.

Они разделили пространство на секции, и Фил старалась держаться подальше от этого завитка, решив начать с края полянки и двигаться к центру.

Взяв палку, она проверяла землю, кучи листьев и приподнимала камни, чтобы посмотреть, не скрывалось ли что под ними. И делала всё это очень быстро, так как не хотела задерживаться, да и не ожидала что-то найти.

Не думала, что кому-то из них вообще посчастливится что-нибудь обнаружить, так что, услышав шипение Уинн, подумала, что та наткнулась на змею или паука, который ее напугал.

— Думаю, я что-то нашла.

Бросив палку, Фил заторопилась к ведьме, Спар шел по пятам. Уинн присела возле груды камней, сваленной у деревьев на северо-западе полянки.

— Смотрите.

Фил посмотрела туда, куда указывала Уинн, на самые обычные камни. Сначала она не увидела ничего необычного. Камни, различных оттенков серого, были похожи на... камни.

На некоторых была грязь, на других мох, на каких-то виднелись трещины от погодных условий. Но затем Фил моргнула и обратилась к другому зрению, тогда и поняла, на что указывала Уинн.

Тусклый блеск пирита в щели между двумя камнями замаскировал в сумерках для невооруженного взгляда отблеск от чего-то еще.

При помощи внутреннего зрения Фил смогла разобрать конец женской сережки. Тонкий, золотой ободок, от которого исходило розоватое свечение.

— Думаешь, это принадлежит одной из жертв? — спросила она.

Уинн переложила камни и ловко подцепила серьгу, приблизив, чтобы лучше рассмотреть.

— Учитывая, что лежала она здесь? Думаю, что шансы велики.

Она указала на застежку, где виднелась засохшая кровь.

— Ее как будто сорвали во время борьбы.

Фил поморщилась и коснулась мочки своего уха.

— Ну, если это не принадлежит одной из девушек, хорошего сережка, несмотря на благословение, не принесла.

— Благословение? — Уинн с любопытством посмотрела на Фил. — Я думала, что мне показалось. Откуда ты знаешь?

— Вижу, — ответила Фил, раскрывая свой крошечный талант. — Ты права, на счет показалось. Благословение настолько крошечное, скорее всего кто-то просто произнес молитву над парой сережек и отдал их девушке. Жаль, что на них не было чего-то посерьезнее. Может тогда мы бы не нашли их здесь. Или девушку.

Уинн согласно кивнула, вытащила из сумочки пакет и положила в него сережку.

— Возьму с собой, позже погадаю на ней. Тогда точно смогу узнать, принадлежала ли

она одной из жертв. И если так, то смогу отследить Общество. Если она была надета на девушку во время ритуала, то получится отыскать местоположение жертвенного стола.

Фил скривилась.

— Проклятье. Так это не здесь? Даже не поблизости?

— Нет. Здесь ужасная энергия, но слишком грубая для этого, и после возвращения домой я раза три приму душ. Думаю, что здесь они просто сбрасывали тела, во время чего сержка и зацепилась за камни. Всё произошло слишком давно, и я не смогу взять след отсюда. — Уинн встала и убрала мешочек в сумочку. — Что-то еще чувствуешь?

— Только желание четыре раза помыться.

— Через несколько минут станет еще темнее, — заметил Спар. — Еще раз быстро осматриваемся, но нужно скорее уходить.

Фил вздохнула и покачала головой.

— Я очень надеюсь, что нам повезет найти огромный плакат с надписью «Алтарь Смерти» и ниже его точное местоположение.

Уинн фыркнула.

— Будь ночные такими глупыми, наша жизнь оказалась куда легче.

Они трое еще раз прошли по полянке и, естественно, ничего не нашли. Фил могла лишь желать, чтобы всё было так просто. Но во время второго обхода изменилась энергия.

Чем темнее становилось, тем меньше Фил хотела находиться на поляне. Она поняла, что инстинктивно держится ближе к Спару, ожидая, когда он скажет уходить.

И как только Страж это произнес, Фил почти кинулась к минивену. Она хотела бы побежать, но в сгустившихся сумерках, едва разбирала дорогу на пять футов впереди.

А зная свою удачу, она врезалась бы в дерево и заработала сотрясение мозга.

Спар взял ее за руку.

— Я всё четко вижу, — заверил он. — Просто иди за мной.

Фил прижалась к нему, ничуть не стыдясь страха. Ей и при свете дня не понравился этот лес, а теперь, в сумерках, когда все выглядело темным, жутким и зловещим, не собиралась пересматривать свое отношение.

Фил обернулась, чтобы позвать Уинн, но увидела лишь, как та бледная, с широко распахнутыми глазами парила в трех футах над землей.

— Они поставили ловушку! — закричала Уинн, сопротивляясь невидимой силе, которая ее схватила. Она пыталась что-то найти в своей огромной сумке, но так и не смогла. — Бегите!

Инстинкты Фил вопили подчиниться. Ох, трусливое сердце наполнилось радостью, но разум Фил не позволил оставить ведьму.

Она не знала, сама ли отпустила руку, или Спар отпустил её, но они одновременно развернулись и бросились к Уинн, которая кинула на землю свою сумку.

— Уинн! — вскрикнула Фил, но как бы быстро она не передвигала ногами, Уинн оказывалась всё дальше, словно ее тащили через лес.

Спар припустил вперед, наполовину изменяя облик, словно смывал уродливый грим. Из-за окружения ему пришлось держать крылья свернутыми, но с помощью мускулистых ног он быстро сокращал расстояние.

Фил пришлось бежать со всех ног, чтобы хотя бы видеть его. Но, когда она прорвалась сквозь траву и оказалась на поляне, то увидела связанную и висящую в воздухе Уинн.

Тот крошечный завиток энергии, что торчал из земли, сейчас походил на уродливую

версию бобового ростка Джека, став высоким, широким и светящимся злой энергией.

Огромный росток держал Уинн, а более мелкие обвились вокруг рук и ног.

— Твою мать, — выдохнула Фил, проскользнув по траве. — Спар, что это за ерунда?

— Смерть, — отрезал Страж и кинулся в бой.

Глава 18

Сначала его окутал холод, словно сама суть тёмной энергии пробиралась под кожу, пытаясь забрать всё тепло из сердца. Спар не обратил на это внимания.

На протяжении множества столетий он сражался с демонами и их приспешниками и не падёт жертвой тщетной попытки запугивания. Он просто потянулся к завитку энергии и оторвал его от Уинн.

Проблема с магией в том, что она мгновенно восстанавливалась. Каждый завиток энергии, который Спар отрывал, тут же регенерировал.

Понимая, что так успеха не добиться, Спар потянулся к ведьме, чтобы вытащить из лап заклинания.

Он слышал позади крики Фелисити. Но лишь надеялся, что у нее хватит мозгов не приближаться, потому что не мог сосредоточиться на спасении Уинн, если его пара была бы под угрозой.

Спар обнял человека и попытался выдернуть из захвата магии тьмы.

Но заклинание растянулось, словно пружина, а затем вернулось на место, забрав с собой и Уинн. Зло оказалось сильным, но Спар сильнее.

Он проклинал окружающие деревья, потому что из-за них не мог раскрыть крылья.

Из-за огромного размаха он бы снёс стволы, но если бы мог взлететь, то вытащил бы ведьму при помощи своей силы. А земля подпитывала заклинание, удерживающее Уинн.

Он также мог бы использовать силу ведьмы. Стражи может и магические существа, но не в силах пользоваться волшебством в той же мере, как Хранители и одарённые.

Спар мог скрываться от любопытных глаз и ставить физические рекорды, которые не под силу ни одному человеку, мог одеваться силой мысли и призывать оружие, но не мог заколдовать или расколдовать кого-то. Лишь ведьмам это по силам.

Вновь потянувшись к Уинн, он встряхнул её и позвал по имени в попытке разбудить, заставить заговорить, помочь в битве.

Он не знал, потеряла ли она сознание из-за возможной раны, полученной во время сопротивления, или же из-за заклинания. Хотя это и не важно. Она не ответила, как он ни старался привести её в чувства.

До слуха Спара долетел ужасающий треск, а под ногами задрожала земля. Выругавшись, Спар посмотрел вниз и увидел, как из трещины показались ещё больше завитков магии тьмы.

В этот раз они потянулись к нему, намереваясь поймать в ту же ловушку, что и Уинн. Магия тьмы обнаружит, что поймать врасплох Стража не так-то и легко.

Призвав копьё, Спар начал наносить им удары, словно рубил косой. Резкие удары напоминали обрезку виноградных лоз, но в отличие от живых растений эти визжали от боли, прежде чем засыхали.

На мгновение Спар ощутил вкус победы, но внезапно из-под земли показались ещё больше завитков энергии. Они обвивали его конечности почти с той же скоростью, что он их обрезал.

Ему удавалось удерживать себя свободным, но Уинн всё ещё оставалась в плену заклинания. Рискнув посмотреть на неё, он заметил, что завитки сильнее и гуще опутывают её тело, пряча в зеленовато-черный кокон тёмной энергии.

«Вот. Чёрт. Нет».

Страх охватил Фил, когда она увидела, как мрак обвивает Уинн, но когда эти отвратительные, злобные существа, похожие на отростки плотоядного Одри П^[20], начали нападать на Спара, с неё было достаточно.

Фил может не Страж и не ведьма, но и не трусиха. Она не собиралась сидеть, сложа руки и смотреть, как ее новую подругу и любовника поглощает мрак. Не в этой жизни.

Она осмотрелась в поисках подходящего инструмента, гадая, где же огнемёт, когда он так нужен. А может просто искала вдохновения, Фил не знала точно.

В любом случае её взгляд упал на сумку Уинн, валявшуюся в листве на краю поляны.

Ведьма или нет, но Фил должна отыскать внутри то, что можно использовать. Насколько она могла судить, Уинн носила с собой всё нужное и ненужное.

Фил не удивилась бы, если бы на сумку наложили заклинание, как сделал Гермiona в последних фильмах «Гарри Поттера».

Она собиралась высыпать всё содержимое на поляну, но решила, что Уинн не хотела бы что-то здесь оставить.

Если ей удастся их освободить, но после придётся убежать, чтобы оказаться в безопасности, и Фил не хотела тормозить и собирать вещи. Глубоко вдохнув и произнеся короткую молитву, Фил засунула правую руку в сумку.

Причин рисковать нет, так?

Ее пальцы сомкнулись на чем-то большом и круглом. Сначала Фил подумала, что схватила свечу, и хотела уже её опустить, но какое-то покалывание в затылке остановило её.

Закусив губу, она вытащила предмет и посмотрела на него. Это оказалась баночка около семи дюймов высотой и трех в диаметре, сделанная из стекла и с толстой крышкой из коры пробкового дерева.

Внутри было черное, кристаллическое содержимое. В полумраке Фил едва могла разобрать надпись на этикетке: «Изгоняющая Соль».

Чёрт. Стоило рискнуть.

Сжав баночку, она встала и направилась в центр поляны. К этому моменту зелёно-черные лозы почти полностью скрыли Уинн, а Спару удавалось от них отбиваться копьём.

Но Фил заметила, что все эти завитки выходили из одной области, диаметром в три фута, вокруг основания упавшего дерева.

Спар рассказывал, как Уинн пела заклинания над ней спящей, пытаясь разорвать связь с демонической энергией в руке, но для Фил пение было в новинку.

Да и не знала она наговоров или заклинаний, да у нее всю жизнь были проблемы с рифмами. Нет, она разберется с этим в своём стиле.

Она быстро отвинтила крышку, засунула руку в банку и зачерпнула большую щепотку соли пальцами.

Замахнулась, словно питчер, и, оскалившись, швырнула соль в демоническую энергию.

— Отпусти моих друзей и вернись туда, откуда вылез, отвратный кусок дерьма! — прорычала она, когда соль попала в основу мрака.

Ночь заполнили визг и ужасные крики, когда масса, казалось, начала скрючиваться, словно её сжигали на огне. Несколько завитков упали, но не отпустили Уинн.

В груди Фил разлилось волнение, она вновь зачерпнула соль.

— Я сказала, убирайся!

В этот раз она бросила целую кучу черной соли на землю, откуда появлялись чёрные завитки. Крики стали громче, лозы иссохли, уронив Уинн на землю с глухим стуком.

Фил сморщилась и помолилась, чтобы ведьма не сильно пострадала при падении. Расслабленное и лежащее тело должно же мягче упасть? Но все же высота двенадцать футов (~3,65 м), и Уинн упала на камни и корни деревьев.

Спар взревел и бросился к Уинн, сгребая её в охапку.

— Фелисити! Уходим! — выкрикнул он, поворачиваясь к тропе. — Быстрее!

Будто она собиралась задержаться. Хотя, Фил хотела убедиться, что за ними никто не последует.

Взяв банку в правую руку, она высыпала содержимое на основу отступающего в землю мрака.

— И сиди тут! — приказала она, кинула банку вслед за солью и направилась за Стражем.

На ходу схватила сумку Уинн и обратилась ко второму зрению. Найдя магический след Спара, она поспешила за ним на стоянку.

Она увидела, как он замешкал на тропе, и застонала.

- Љūdas! (лит. Дерьмо!)

Несмотря на ночь и закрытый парк, они не могли рисковать, чтобы кто-нибудь увидел Спара.

— Я хотел улететь с ней домой, но не могу оставить тебя без защиты, — отрезал он. Его глаза почти светились от дикого гнева. Сражение за двух людей, очевидно, взбудоражило ее Стража.

— Дай мне две минуты. С твоей способностью видеть в темноте, ты не упустишь меня из поля зрения.

Развернувшись на пятках, Фил пробежала по стоянке и запрыгнула в фургон. Она практически оставила след шин на асфальте, так как вдавила педаль в пол и как можно ближе подъехала задом к деревьям.

Она ударилась коленом о центральную консоль, когда перелазила назад, чтобы изнутри открыть дверь. Высунув наружу голову, она зажала губами два пальца и свистнула.

Через пару секунд Спар оказался рядом и положил Уинн в фургон.

— Сиди с ней здесь, — приказала Фил, проверив пульс ведьмы.

Слава Богу, стабильный. Если присмотреться, можно было увидеть, как грудь Уинн поднимается и опадает.

— Я отвезу нас домой.

И за рекордное время они добрались до дома. Она не стала завозить Уинн, а направила фургон с бессознательной ведьмой, Стражем и собой в Латинский Квартал Монреаля, к своему дому, маневрируя на узких улицах по дороге к гаражу.

Когда она заглушила двигатель и погасила фары, небольшой дворик у дома погрузился в относительную темноту.

Свет от соседей немного рассеивал тьму, но фонари своего дома Фил не включала, так что было достаточно темно, и Спар мог спокойно отнести Уинн в своём естественном

облике. Из-за отсутствия яркого освещения и наличия высокого забора можно было не бояться, что его заметят.

Фил поспешила открыть дверь и махнуть Спару. Похоже, в этот раз пришла её очередь ухаживать за бессознательной ведьмой. Как быстро судьба поменяла их местами, да?

Да, вот только Фил не было смешно.

* * *

Спар положил Уинн на диван, где всего пару дней назад лежала Фелисити, и подавил желание завывать. На каждом шагу его пару подстерегали опасности. Если её не убьёт мрак, она сама отлично справиться с этим.

Когда он понял, как она рисковала, бросаясь на мрак всего лишь с солью, его сердце покрылось льдом.

Спар считал, что она послушалась и держалась подальше, пока он сражался с мраком. Но едва поверил глазам, когда его маленькая пара бросилась в драку, сыпя столько же проклятий, сколько и соли.

Если бы он был человеком, в тот момент у него случился бы insult.

И возвращению здравомыслия совсем не помогало то, что сейчас она стояла на коленях у дивана и помогала бессознательной Уинн, совершенно не волнуясь о собственном благополучии.

Он рывком поднял её на ноги и не слишком нежно подтолкнул к ванне.

— Я позабочусь о ведьме. А ты пойд и проверь, не получила ли новых ран и не разошлись ли швы на старой. Вперёд!

Спар совсем не удивился, когда она развернулась к нему лицом с упрямым выражением лица.

— Нет, со мной всё нормально. Да, Бога ради, я стою перед тобой, говорю, хожу и даже двигаю конечностями нормально. Не волнуйся обо мне. Уинн почти час без сознания. И ты видел, с какой высоты она упала? Она может быть серьёзно ранена, а мы не знаем, потому что Уинн не может нам сказать. Думаю, что мы должны отвезти её в больницу.

Проверь её.

— Самое главное мы сделали — привезли в безопасное место. Если ей нужна медицинская помощь, мы её предоставим, но лишь после того, как ты заверишь меня, что не пострадала. — Он скрестил руки на груди, а его крылья подергивались от нетерпения.

Фелисити раскрыла рот и уставилась на Спара.

— Серьёзно? Господи, иногда, ты ведешь себя по-идиотски! — Она скинула куртку на пол.

Затем стянула через голову футболку и бросила поверх куртки, затем развела руки в стороны.

— Сам посмотри. Рана в норме. Прошло две недели, Бога ради. Остались лишь зудящие шрамы. Доволен?

То, что она задала такой вопрос, стоя перед Спаром полуобнаженной, когда лишь лоскут атласа прикрывал её прекрасную грудь, подсказало Спару, что она не имеет представления о его истинной природе.

Он не будет доволен, пока не прижмёт Фелисити к первой попавшейся горизонтальной

поверхности и не окажется в её теле. Лишь мысль о том, что ей грозила опасность, пробуждала в Спаре примитивные инстинкты: защищать, оберегать и сделать своей. Первые два пункта пройдены, так может, пришло время для третьего.

Прищурившись, он сделал шаг к Фелисити.

— Эм, ребята?

Голос был слабым, но принадлежал Уинн, так что Спар и его пара посмотрели на неё. Фелисити быстро присела на колени перед диваном и положила ладонь на руку подруги.

— Эй, — проговорила его пара с улыбкой. — Хвала Небесам, ты очнулась. Я начала беспокоиться. Как ты себя чувствуешь?

Ведьма скривилась.

— Словно по мне грузовик проехал. Ну или почти сожрало заклинание ночных. И почему-то правая лодыжка болит так, словно её пытались оторвать. На самом деле, лучше бы так и случилось, кажется, тогда боли было бы меньше.

Фелисити аккуратно задрала штанину Уинн. Судя по отёку голеностопный сустав был поврежден.

— Чёрт. Ты могла её сломать. Нужно показать тебя врачу. Держу пари, лодыжка пострадала, когда этот росток из ада уронил тебя.

— Нет, уверена, что просто подвернула, — возразила Уинн. — Мне нужен бандаж и примерно семь миллиардов таблеток ибупрофена. Мне больше интересно, как ты смогла заставить заклятие отпустить меня.

— Это было заклятие? Тогда почему оно не последовало за нами?

— Это была ловушка, вероятно, на любого, обладающего магическими способностями, забредшего на поляну. Скорее всего, ночные пользуются каким-то паролем, позволяющим им беспрепятственно ходить там, но наша попытка уйти стала пусковым сигналом. Я должна была это почувствовать, но не обратила внимания. Я так стремилась найти что-то, чтобы проследить место для ритуала, что остальное проигнорировала. — Она скривилась на собственную оплошность. — Ну, получила по заслугам.

— Не глупи, — отрезала Фелисити. — Никто не обеспокоился обратить внимание, а должны были. Вообще, это я попросила посмотреть, не упустила ли чего. Мы все видели энергию в земле и списали это на оставшуюся грязь магии тьмы. Не надо мучить себя.

Казалось, Уинн не согласилась, но опустила эту тему и посмотрела на Спара.

— Я у тебя в долгу, Страж. Спасибо, что спас. Мрак меня поглотил, и без тебя, думаю, я бы погибла.

Спар покачал головой и бросил краткий взгляд на Фелисити.

— Ты мне ничего не должна. Даже если бы тебя спас я, в этом заключается мой долг, но тебя освободила Фелисити.

— Серьёзно? — Уинн округлила глаза и посмотрела на Фелисити. — Как?

Фелисити слабо улыбнулась.

— По большей части, чистое везение. Ты уронила сумку, когда то создание тебя схватило. Спар промчался мимо неё, и у него отлично получалось обрезать корни, но они всё росли и росли. Я подумала, что ты должна была захватить что-то против магии мрака на всякий случай, и под действием атмосферы Гарри Поттера решила проверить. Первым, что схватила, оказалась банка с изгоняющей солью. Я и решила ею воспользоваться.

Ведьма поражённо рассмеялась.

— Ого, отличная идея. Ты выбрала наилучший «трюк» из всех на тот момент вероятных.

— Хм. Повезло мне. И что же такое «Изгоняющая соль»?

— Некоторые называют её чёрной солью или солью ведьм. Это просто соль с добавлением некоторых элементов, из-за чего она приобретает черный цвет. К счастью для тебя, вообще для нас всех, я специально взяла баночку с особой смесью, думая про Сообщество. Эта соль отгоняет демоническую энергию.

— Как?

— Всё дело в добавленных ингредиентах. Чёрный цвет, в основном, приобретается за счет древесного угля, который я использовала для сжигания шалфея, руты и смолы. Шалфей очищает. Вот почему люди на протяжении столетий использовали его, смазывая дома, делая из него круги и прочее, ради благословения. Рута снимает сглазы и отгоняет чёрную магию. Смола также очищает, но конкретнее на демонов. Она для них вредна. Когда все эти ингредиенты сжигаешь, смешиваешь золу и уголь с чистой морской солью и вуаля. Получается черная соль.

— Ого. А я просто схватила первую попавшуюся вещь. Отлично сработано.

Уинн улыбнулась.

— Как я говорила, инстинкт — основа магии.

Спар видел, как женщины улыбнулись друг другу, и еле поборол желание встряхнуть их обеих. Неужели его пара не понимала, на что шла? Что могло случиться, если она сперва коснулась не того, что нужно? А ведьма должна была преподать урок, а не поощрять безрассудство Фелисити.

Его пара, казалось, без проблем лишила его нескольких лет, несмотря на бессмертие, жизни без помощи Уинн.

— Любая из вас могла умереть, — отрезал он, стиснув зубы, но женщины посмотрели на него с пустыми выражениями лиц.

— Но не умерли же, — заметила Уинн с преувеличенным терпением. — Фил оказалась права.

— С нами всё хорошо, — вторила Фил. — Все хорошо, что хорошо кончается, и все такое. — Она нахмурилась и повернулась к Уинн. — За исключением лодыжки. Если ты уверена, что просто её растянула, пойду, принесу эластичный бинт. У меня, вроде, лежал такой в аптечке.

— Можешь заодно захватить мою сумку? Кажется, я брала с собой мазь бессмертника. Если намазать лодыжку и забинтовать, очень хорошо поможет.

— Поняла.

— Ох, и, эм, может, ты захочешь надеть футболку? Ну, я хочу сказать, мы девочки и всё такое, но я не привыкла зависать с чиками в лифонах.

Щеки Фелисити окрасил розовый румянец.

— Упс. Забыла, и здесь довольно свежо. Сейчас вернусь.

Спар посмотрел на Фелисити, затем на Уинн и опять на Фелисити. Женщины дурачились, словно ничего серьёзного не произошло.

Уинн откинулась на подлокотник дивана, а Фелисити направилась к двери, где бросила сумку ведьмы, когда они пришли.

У Спара возникло ощущение, что его поймали в странной альтернативной вселенной, где опасность перестала существовать, а миром правили человеческие женщины.

Ему нужно убраться, прежде чем он попадёт в ловушку. Или потеряет рассудок.

— Пойду на крышу, — отрезал он, направляясь к окну, за которым находилась пожарная

лестница.

— Хочу убедиться, что за нами не следят или... — Он открыл окно и просто рыкнул. — Я буду на крыше.

Может свежий ночной воздух прочистит голову. А если нет, то небольшое расстояние упасёт его пару от того, чтобы он её отшлепал.

— Хм. Он кажется... раздраженным.

Фил посмотрела на окно и нахмурилась.

— Да, он немного заводится, когда речь заходит о безопасности и подобной ерунде. Думаю, на него давит то, что нам с тобой пришлось противостоять магии ночных.

— Не думаю, что его расстроило то, что я была в опасности.

— Ты о чём? Ты же человек, а Спар — Страж. Поверь, он очень серьёзно относится к своим обязанностям защищать человечество.

Уинн улыбнулась.

— Ох, понятно. Просто, я считаю, что когда дело касается тебя, им движет не обязанность.

У Фелисити вновь зарделись щеки. Будь проклята её светлая кожа!

— Мы две недели работали бок о бок. Защищать меня уже вошло у него привычку.

— Ох, прямо «работали бок о бок»? — Ведьма поиграла бровями, намекая на двусмысленность.

— Хватит. Я имею в виду, что он просто привык вытаскивать меня из бед. С момента его пробуждения он видел, как меня заклеил демон, почти взорвали сумасшедшие ночные, разрезал ххиссиш, напал голем, а сейчас я противостояла странной, магической версии Одри из «Магазинчика Ужасов». И естественно его инстинкты просто вопят, что я в одном шаге от смерти.

— Ты всерьёз считаешь, что за этим не стоит что-то большее?

— А что?

Уинн закатила глаза.

— Да ладно, Фил. Думаешь, я не вижу, что происходит между вами? Он смотрит на тебя так, словно ты вдохнула жизнь в его облик статуи. А ты практически при каждом взгляде на него поедает Спара с маслом и вареньем. Не важно, в каком он облике. К тому же, вы оба испускаете столько электричества, что им можно осветить половину Монреаля. Вы безумно влюблены друг в друга.

Правда... или хотя бы часть её... из уст другого стала своеобразной иглой, проткнувшей шар отрицания Фил. Она чувствовала, как сдувается, садясь на край дивана с глубоким выдохом.

— Неужели, меня так легко прочитать?

— Милая, ты влюбилась. Люди должны такое видеть.

— Люди, да, но не он. По крайней мере, я на это надеюсь.

— То есть, ты ему не сказала.

Фил посмотрела на подругу так, словно та сошла с ума.

— Зачем, во имя всего живого, мне такое делать?

— Зачем говорить ему, что ты его любишь? — тем же тоном возразила Уинн. — Хм, может, потому что он, хотя мы и можем посчитать, что он уже в курсе, заслужил услышать это от тебя.

— Точно, а что заслужила я? Отступить и махнуть ему на прощание, словно он ушёл работать в офис, хотя до самой моей смерти он будет стоять статуей? — Фил старалась скрыть горечь, но не смогла. Она шла из самой глубины её души. — Очень веселая

перспектива.

— Погоди минуту. — Уинн подняла руки и помотала пальцем, словно прокручивала назад плёнку. — Вернись-ка к моменту, где Спар не претендовал на тебя? Если чутьё мне не изменяет, вы оба практически вибрируете на одной частоте, находясь рядом. Я могла бы поклясться, что ты его.

— Его кто? Подруга? Девушка? Секс-партнёрша? Не думаю, что ты станешь меня заверять, будто Стражи отличаются от мужчин других видов, и лишь из-за того, что мы переспали, на горизонте маячит финал «долго и счастливо». Я человек и проживу лет восемьдесят — девяносто. Он бессмертен, будет жить вечно даже после того, как я не только вся покроюсь морщинами и обвисну, где не нужно, но и стану пылью. К тому же, он, в основном, находится в состоянии дрёмы, а, следовательно, совершенно не станет обращать внимания на меня и мою бес-смерт-ность. Шекспир должен был такой трагедией закончить «Ромео и Джульетту».

— Но сказал ли он тебе, что это не так работает?

— Ему не нужно ничего говорить. — Замерзнув, Фил гневно подняла футболку с пола и натянула её.

— Я знаю, что у нас нет будущего, так что влюбиться в Спара самое глупое, что я могу совершить.

— Но ты уже в него влюбилась, дорогая. Помогает ли тебе отрицание этого? — Но Уинн не дала ей ответить, продолжив:

— Нет, не отвечай. Похоже, Спар должен всё же тебе кое-что объяснить, и, как и все идиоты мужчины, он и без того долго с этим тянет.

— Если ты не перестанешь говорить загадками, вместо эластичного бинта я замотаю тебе ногу ядовитым плющом, — пригрозила Фил.

— Ха, а у тебя есть скверная сторона. — Уинн покачала головой. — Извини, но это должен рассказать Спар, а не я. Просто поверь моим словам, что ты не обречена на одинокую, страдальческую жизнь, ладно? Есть то, что ты ещё не знаешь о Стражах, но это должен рассказать Спар. Если я проболтаюсь, но ошибусь, тебе будет лишь хуже.

— Утешила, спасибо. — Фил бросила на ведьму хмурый взгляд.

— Эй, я не в лучшей форме. У меня вывихнута лодыжка и до фига синяков, к тому же я всё ещё чувствую, как эти гадкие отростки ползут по мне. Не знаю, существует ли настолько огромная мочалка, чтобы смыть эти ощущения. — Она слегка содрогнулась.

— Извини. — Расстроенная, но измотанная, Фил встала. — Доставай мазь, я пошла за бинтом. Вроде даже у меня есть огромный пакет замороженного горошка. Это поможет снять опухоль.

— Спасибо. И, Фил, я правду говорю. — От серьёзности в её голосе Фил остановилась и обернулась. — Не позволяй этой гадости тебя поглотить. Или Спара. Я не думаю, что он хочет разбить тебе сердце. Обещаю.

Фил боялась, что уже слишком поздно.

— Не беспокойся обо мне. Подумай о способах использования сережки, которую мы нашли, чтобы выследить этих засранцев ночных. Неважно, что произойдёт, я точно улыбнусь, увидев, как Спар их уничтожает.

К моменту, когда Спар вернулся в квартиру, Уинн исчезла, а Фил забралась в постель под одеяла. Когда он увидел, как свет из приоткрытого окна блеснул в её глазах, понял, что она не спит.

— Где ведьма? — тихо спросил он. В гостиной он перекинулся в человека и теперь раздевался, чтобы присоединиться к своей половине.

— В комнате для гостей, надеюсь, спит. Она довольно сильно повредила лодыжку и заполучила цветастые синяки, но в остальном Уинн заверила, что в порядке.

— Я рад, что она не попыталась уйти.

Фил фыркнула.

— Кто сказал, что не пыталась? Мне пришлось едва ли не сесть на неё, чтобы удержать, пока забинтовывала ногу. Она настаивала вызвать такси и позаботиться о себе сама. И, между прочим, составила какой-то план, чтобы с помощью сережки найти ночных.

Спар усмехнулся и лёг на простыни, уже согретые его маленьким человечком. Он притянул её к себе, не обратив внимания на небольшое сопротивление, которое предшествовало её полной расслабленности.

— Хорошо, что ты её остановила. Для такой сложной задачи ей нужно хорошо отдохнуть. Завтра она сможет начать.

— Так я и сказала.

Ощущение прижавшегося к нему тела его половины произвело предсказуемый эффект. Он начинал возбуждаться, но чувствовал расстояние между ним и Фелисити. Хотя это уже была не глухая стена, которую она возвела в попытке держать Спара подальше, но всё же их что-то отделяло. И это его беспокоило.

— В чём дело? — тихо и нежно спросил он.

Он потянул руку, чтобы убрать локон волос со щеки Фелисити, и не смог сдержаться, чтобы не запустить пальцы в светлую массу шелка.

На день Фелисити по привычке собирала волосы в хвост, оставляя лишь пару прядок обрамлять лицо, но на ночь, она их распускала, и Спару нравилось смотреть, как они рассыпаются по её плечам.

Волосы доходили ей до лопаток, словно сияющий водопад бледно-желтого солнечного света. Когда Фелисити положила голову Спару на грудь, и этот водопад коснулся его кожи, он хотел остановить время и просто наслаждаться легкой щекоткой.

Она покачала головой, потираясь щекой об его грудь.

— Ничего. Я просто устала.

Он слышал недосказанность в её тоне, это не ложь, но и не вся правда. Часть Спара, которой надоело это расстояние между ними, хотела надавить, но перед глазами стояло выражение её лица, когда в закуской друг обвинил Фелисити в мерзости, а затем ушёл, словно ему противно быть с ней.

Это зрелище отпечаталось в памяти Спара и причиняло острую боль, словно он жевал битое стекло. А вот другая его часть пойдёт на всё, чтобы защитить Фелисити от боли, поэтому он промолчал. Ещё будет время, после того как они разберутся с Иерофантом и его планами, придёт время, чтобы разобраться с мыслями Фелисити, пообещал Спар себе.

До этого он будет изо всех сил стараться оберегать её и демонстрировать свою любовь к ней, к каждой её части, включая те, что она от него скрывала.

Он приподнял её голову пальцем за подбородок и прижался к губам в нежном поцелуе, стремясь доказать, что Фелисити желанна. Она, желая соблазнить, жадно ответила.

Спар не мог отказаться от приглашения и начал смаковать вкуспряного вина её рта. Он мог бы всю жизнь питаться лишь этим вкусом, не желая другой еды и не ощущая другого запаха.

Маленький человечек довершила его, наполнила те пустоты, о которых он и не представлял, заставляя Спара тонуть в пьянящем ощущении.

Фелисити обняла его, поглаживая маленькими ладошками его спину, замирая на мгновение, чтобы с силой, поражающей его, впиться в кожу ногтями. Она была такой крошечной и аккуратной в его руках, что заставляла забыть о скрытом внутри ядре из расплавленной стали, достаточно плавной, чтобы гнуться, но достаточно сильной, чтобы выдержать вес мира. На его взгляд она слишком часто была сильной.

Легкими, как взмахи крыльев бабочки, касаниями он провел пальцами вдоль позвоночника Фил, заставив её задрожать и выгнуться. У неё чересчур чувствительная спина, и Спар вспомнил тот вечер, когда ласкал каждый её миллиметр пальцами, губами и языком.

Фелисити расслабилась под ним и умоляла его взять ее, прежде чем он закончил ласки. Сегодня он не хотел брать, лишь отдавать.

Ему следовало знать, что Фелисити так просто не позволит ему этого. Спар усмехнулся, когда она провела руками по его груди, задевая соски, и ему пришлось подавить стон наслаждения.

Его маленькой паре не потребовалось много времени, чтобы узнать все чувствительные места, от ласк которых у него кружилась голова. Видимо, Фелисити нравилось дразнить его, пока он не терял рассудок и не занимался с ней диким сексом.

Хотя, не сегодня. Сегодня не будет просто он с ней или она с ним. Сегодня они будут заниматься любовью.

Нежно прижав её спиной к матрасу, он приподнялся на локтях над ней, опершись на Фелисити лишь малой частью своего веса. Она тут же развела бёдра и обняла ногами его талию.

Ему нужно было лишь прикоснуться к ней, и она отдавала себя. Он никогда не просил её прикосновения или внимания, потому что она отдавала всё без остатка. И лишь когда они вместе достигали пика удовольствия, Спар не чувствовал между ними никаких барьеров.

Во время секса Фелисити опускала стены, сокращала расстояние и просто его любила. Ему нужно найти способ заставить её навсегда опустить эти барьеры.

Спар скользнул пальцем по расщелине и нашёл чувственный комочек, срывая с губ Фелисити вздох удовольствия. Ему нравилось, как она задыхалась от ласк и хрипло стонала.

Когда он задевал особенно чувствительное место, она напрягалась всем телом, затем начинала дрожать, а после таяла под ним. Тогда он чувствовал себя богом и желал вновь и вновь пробуждать это ощущение.

Он не мог ей насытиться. Спар жаждал её даже во сне, в те короткие промежутки времени, когда он закрывал глаза и позволял себе мечтать о Фелисити.

Эти сны не были похожи на дрему, в которую его магически погружали, и он мог легко обойтись и без него, но знал, что Фелисити необходим отдых, так что позволял себе расслабиться рядом с ней и просто лежать, давая ей заполнять себя, словно вода пустую кружку. Каждую ночь кружка пополнялась, но и жажда по Фелисити нарастала.

Его пальцы смочил мёд возбуждения Фелисити, пробуждая неистовое желание. Чем больше он ласкал её, тем сильнее она увлажнялась, пока он не захотел окунуться в неё,

словно в море.

Спар переместил руки, лаская бёдра Фелисити, а она сильнее стиснула его ягодицы, желая, чтобы он вошёл в неё. Со стоном он перестал сопротивляться и поддался ей.

Она судорожно выдохнула и прошептала его имя со страстью, удовольствием и нежностью. Подтверждая, что её тело идеально подходило его, Фелисити сжала внутренними мышцами его стержень, отправляя все чувства в перегруз. Всё вокруг перестало существовать, осталась лишь Фелисити и её горячее, нежное и приветственное тело.

Когда Спар начал двигаться, она встречала каждый его толчок, изящно выгибаясь под ним. Он вбивался в её тело медленным и безжалостным ритмом, уверенно ведя их к неизбежному пику удовольствия.

Он двигался, она отражала его толчки, он задавал темп, она поддерживала его. Они терялись друг в друге и силе желания, становясь не просто, он и она, а существом созданным страстью, уважением и любовью.

Если бы мог, Спар продлил это действие навек. Он знал, что никогда не устанет от неё, что не сможет найти лучшего совершенства, чем его тело в её руках, её объятия, их дыхание, смешанное в облако жара. Но ничто не могло сдержать эту страсть, которая обрушилась на них приливной волной экстаза, накрывая обоих с головой, прежде чем вытолкнуть задышающихся и слабых на поверхность.

Спару едва хватило сил, чтобы отстраниться и лечь сбоку, дабы не раздавить свою половинку, навалившись сверху всей массой довольного Стража. Когда он поцеловал Фелисити в бровь, то увидел, как её глаза смыкаются, а сон утягивает её за собой.

Пока он позволил сну забрать её, но вскоре Вселенная узнает, что требования Спара куда важнее. Когда Страж заявляет права на свою пару, он может столкнуться с Мраком и пожертвовать вечностью ради своей половинки.

Первым делом с утра Уинн стала настаивать на своём возвращении домой. Настаивала с пеной у рта, и Фил пришлось действовать так же.

Они совершенно не обращали внимания на то, как Спар морщился, но обе не хотели уступить. И это лежало в основе их дружбы.

— Я не смогу предсказать будущее, пока не вернусь домой. Мне нужны приспособления и алтарь, спокойствие и тишина, — настаивала ведьма. — Без обид, милая, но с момента нашей встречи, моя жизнь стала крайне бурной.

— Ты бы удивилась, сколько людей мне такое говорили, — пробормотала Фил. — Полагаю, ты не позволишь нам пойти с тобой и охранять, пока работаешь?

— Ты не понимаешь значение слова «спокойствие»? — Уинн бросила на неё уставший взгляд. — К тому же, одному богу известно, сколько мне потребуется времени на то, чтобы увидеть будущее. Магический кристалл не простое заклинание. Что бы я ни попросила, мне приходится ждать, иногда минуты, иногда дни. А бывало и недели. Вы не будете так долго сидеть у меня, смотря телевизор и поедая чипсы. Это будет концом нашей дружбы. Чёрт, да концом любой дружбы!

— Уинн, не уверена, что у нас есть недели.

Она вздохнула.

— Знаю. Я молюсь, чтобы не ушло так много времени, но глупо, чтобы вы сидели и ждали рядом со мной. Кроме того, моя квартира надёжнее Форт-Нокса. Обещаю, я буду в безопасности.

— Ты понимаешь, что я настаиваю, чтобы ты сдержала обещание?

— Mais oui (Ну да — фр.), как говорите, вы франкофоны^[21].

Фил не нашла подмигивание, сопровождающее заявление Уинн, утешающим, хотя так, скорее всего, и предполагалось. Ведьма, вероятно, как-то была причастна к новой привычке Фил вышагивать по квартире, сводя с ума Спара.

— Малышка, — второй день повторял он, — усталость не ускорит процесс. Видение придёт к Уинн тогда, когда придёт. Сядь и постарайся сосредоточиться на чём-то другом.

На третий вечер он просто взбесился.

— Ради всего добра, женщина! Сядь!

Фил посмотрела на него.

— Не могу! Почему так долго? Знаю, Уинн сказала, что видение может прийти не сразу, но прошло три дня! Сообщество могло уже ещё кого-то убить. Чёрт, да они могли уже с десяток людей убить. Нам нужно их найти.

Спар схватил её за плечи, чтобы остановить.

— Фелисити, мы все понимаем опасность. Думаешь, Уинн отнеслась к этому несерьёзно?

— Фил, — поправила она по привычке, хотя уже потеряла надежду заставить его называть себя не полным именем. — Я знаю, что она серьёзно отнеслась, просто расстроена. Я устала постоянно оборачиваться и беспокоиться о том, что успеют наворотить ночные до того, как мы их остановим. Если им удастся вернуть демону полную силу, мы окажемся в полном дерьме, особенно, если Элла не сумеет отыскать остальных Стражей.

Она положила голову ему на грудь... хотя больше походило, будто ударяешься лбом о

стену... и прижала к ней левую ладонь.

— И меня раздражает, что эта метка всё ещё на мне. Знаешь, последние пару лет, я задумывалась сделать себе тату, но эта штука заставила изменить решение.

Спар поднёс ладонь Фил ко рту и поцеловал в центр ладони.

— Я не виню тебя. Вспомни, что сказала Уинн. В конце концов, она исчезнет. Наберись терпения.

— О да, ты ведь знаешь, что я — сама терпеливость.

Он обнял её.

— Нам всем сложно набраться терпения. Пойдём, тебе надо отвлечься. Ещё раз покажешь, как играть в этот покер. Только в этот раз покажешь уловки, которым тебя обучила бабушка.

Фил оценила его усилие, правда, но факт, что он обыграл её в паре партий, ясно говорил о её сосредоточенности на других вещах. И почему-то, напряжение усиливалось с наступлением темноты.

Может, она чересчур суеверна, но не могла отогнать мысли, что с каждым закатом Сообщество приближало мир к апокалипсису. Разумом она понимала, что зло может быть активным и при свете дня... ну, поняла после того, как Спар терпеливо объяснил, что вампиров на самом деле не существует... но подсознание связывало тёмную магию с ночью.

Кто же знал, что она настолько привержена традициям?

Когда в начале десятого зазвонил телефон, Фил практически пролетела через квартиру, чтобы ответить. Если это не Уинн с хорошими новостями, она свихнётся.

— Алло.

— Фил? Привет, это Рик

Она чуть не уронила трубку.

— Рик? — Периферийным зрением она заметила, как Спар любопытно на неё посмотрел. — Я... Я, эм, не ожидала, что ты позвонишь.

— Да, знаю. Хотел извиниться за то, что накричал и ушёл. Понимаю, что ты не больная, просто... — он помолчал. — Я просто приписал чувства и сорвался на тебе. Извини. Мне жаль.

Фил почувствовала прилив облегчения, хорошо было знать, что он не думал о ней так, как сказал. Она не хотела терять друга.

— Спасибо, Рикки. Я ценю это.

— Хорошо. — Она услышала шум на заднем плане. — Слушай, я нашёл ещё кое-что, что могло бы тебе помочь. Кое-что о том, где полиция ищет настоящие места преступлений. Могу я зайти и показать? В полиции появилась зацепка о месте проведения ритуала? По крови пронесся адреналин. Может, уже не так важно, что у Уинн занимает так много времени заклинание.

Если бы у полиции появилась зацепка, пусть даже круг сузили до десятка мест, Фил с радостью бы самолично проверила каждое из них. Это намного лучше, чем ничего.

— Может, встретимся «У Клода»? — предложила она.

— Нет, — отказался он. — Я уже поужинал и, кроме того, нахожусь в твоём районе. Зайду к тебе минут через тридцать, хорошо?

Фил даже не удосужилась посмотреть на Спара. Если его не напрягали посещения Уинн, то и против Рика он не будет.

— Хорошо, ты знаешь, где меня найти.

— Конечно. À bientôt, chère(До скорой встречи, дорогая — фр.)

С оживленной улыбкой она повесила трубку.

— Рикки сказал, что у него есть ещё информация из полиции. Они могут привести нас к месту проведения ритуала. Ну, к месту убийства, как они называют это. Он скоро придёт и расскажет в подробностях.

Спар нахмурился.

— Мне это не нравится. В прошлую вашу встречу он тебя расстроил. Обвинил в черствости к смерти невинных. — Спар скрестил руки на груди. — Я не позволю ему войти в твой дом, если он хочет опять тебя расстроить.

— Ты непустишь его в мой дом? — Фил покачала головой. Если бы она думала, что Спар надолго станет частью её жизни, внесла бы правки в его заявление, но в данный момент, не видела смысла тратить усилия на неизбежный бой.

— Неважно. Он извинился, и я его простила. Я его понимаю. Он может и живёт жизнью крутого, вечно скептического репортера, но внутри он очень добр. И такие убийства очень его задевают. Не удивлена, что он был расстроен моими вопросами.

Её Страж заворчал.

— Если он опять тебя обидит, я за себя не отвечаю, как и за то, что от его тела отделяться конечности.

— Фу!

Спар улыбнулся, показав клыки.

— Успокойся, парень.

От предвкушения Фил почти смеялась, но внезапно у неё зазвонил телефон. Даже не посмотрев на экран, она ответила:

— Мило, Рикки, ты уже и адрес мой забыл?

— Думаю, кто-то пытается пробраться ко мне в дом!

Фил замерла. Она узнала голос Уинн, хотя та шептала, но не этих слов они со Спаром ждали от ведьмы.

— Уинн, о чём ты? Что происходит?

Спар выпрямился и тут же сосредоточился на Фил. Должно быть, он услышал беспокойство в её голосе, потому что поднялся и по дороге к ней начал мерцать, как обычно происходило перед обращением.

— Кто-то пытается залезть ко мне. Фелисити, мне нужна помощь! Пошли Спара. Это Общество! Я знаю!

— Уинн, успокойся, — приказала Фил, махнув Спару поторапливаться в превращении.

Похоже, что пришла пора поработать Стражу-мстителю, а не печальному игроку в покер.

— Мы придём к тебе, клянусь. А ты изо всех сил сдерживай заклинания. Мы уже идём.

На том конце разлилась тишина, и у Фил замерло сердце.

— Уинн сказала, что ночные ломятся в её дом. Ей нужна твоя помощь. Тебе нужно лететь к ней.

— Нет, мы должны туда пойти. Ты же понимаешь, что я тебя не оставляю.

— Ты шутишь? — потребовала Фил. — Всерьёз считаешь, что у нас есть время на спор?

Спар прищурился на её попытку подражать его суровому тону.

— До сих пор у ночных не было причины выследить нас до твоего дома, но мы не можем быть уверены, что они не знают наше местоположение. Нельзя предполагать, что

здесь безопасно. У нас не было причин думать, что они нашли квартиру Уинн, но на неё напали. — Он покачал головой. — Я не оставлю тебя одну и незащищенной. Ты пойдёшь со мной, где я смогу защитить тебя.

- Љūdas (дерьмо — лит.) — Фил начала дёргать кончик хвоста. — Ты идиот, раз тратишь время здесь. Ты нужен Уинн. Я здесь в безопасности. Кроме того, скоро придёт Рик. Я не могу уйти, он подумает, что я всё ещё обижаюсь.

— Позвони ему и скажи прийти в другой раз.

— Спар, тащи свой зад через окно на помощь Уинн! — закричала она.

— Она не только наш друг, а ещё она должна узнать, где проводился ритуал, особенно если наводки Рикки никуда не приведут. Мы не можем рассчитывать, что человеческие власти узнают, где искать ночных. Нам нужна Уинн. Кроме того, я буду не одна, а с Рикки. Иди, давай!

Фил видела, как Спар спорил с собой, затем вновь чертыхнулся. Подойдя к окну, выходящему на пожарную лестницу, она практически вытолкнула Спара наружу.

— Спаси мою подругу! Рикки в любую минуту придёт, а я клянусь Лораном... святым и мотоциклом... что если почувствую малейшую опасность, позвоню. Возьми мой мобильный.

Она засунула телефон за пояс его кожаного килта и махнула улетать.

— Иди! Спаси её! Не заставляй меня напевать песню из «Суперпса»^[22].

Спар прорычал что-то, чего она не хотела переводить, схватил её и притянул к себе для жёсткого поцелуя. Затем взобрался на металлические перила пожарной лестницы и взлетел в ночное небо.

Фил закрыла окно и, на всякий случай, заперла его. У Спара отличный слух, тем более в облике Стража. Скорее всего, он слушал, чтобы она закрыла окно. Параноик.

Осмотрев гостиную и прислушавшись к тишине, Фил поняла, что она впервые с той ночи в аббатстве осталась одна. И это, на самом деле, ей казалось странным.

Потирая руки от внезапного холода, она опустилась на диван и нахмурилась.

Она надеялась, что Рикки как можно скорее придёт не для того, чтобы не быть одной, а чтобы не гадать, что случилось с Уинн. По крайней мере, в этом она себя заверяла.

Фил почувствовала себя дурочкой, если допускала такие мысли. Она была одна почти десять лет, с момента смерти бабушки с дедушкой, и никогда не возникало проблем на фоне одиночества.

Фил независима, и это постоянно сводило с ума её Стража, а она наслаждалась своей собственной компанией. Может, работа реставратора внесла свои корректировки в характер, но впервые за всю сознательную жизнь Фил грустно в одиночестве.

Понимая, что Спар не мог быть с ней, она приказала себе привыкать. Не в последний раз она оказывалась одна.

Точно, угнетать себя отличная идея, учитывая состояние.

Фыркнув, Фил потянулась за пультом. Она не любитель смотреть телевизор, но ей пришлась по душе идея наводнить комнату голосами, пусть и из телевизора. Иллюзии хватило бы на время, и Рикки придет в любой момент и заменит её настоящим.

Она только включила канал, где повторялись английские ситкомы, когда раздался стук в дверь. Радуюсь, что друг развеет её напряжение, Фил с улыбкой распахнула дверь.

— Ты вовремя, — протянула она другу. Но её улыбка померкла. Рикки стоял на лестничной площадке, но был не один, и при виде мужчины, стоявшего немного позади, у Фил волосы на затылке встали дыбом.

— Ну, привет, мышонок, — промурлыкал Иерофант. — Я тебя искал.

Спар на всех парах спешил в маленькую квартиру Уинн, расположенную в четырёхэтажном доме. Через пару минут после того, как взлетел с пожарной лестницы Фелисити, он уже стоял на крыше дома и хмурился.

Он ожидал увидеть огонь и серу, вой полицейских сирен или крики Уинн и её соседей, но дом казался пристанищем покоя и тишины, ничего экстраординарного не нарушило свежий ночной воздух.

Спар не увидел ни единого признака ночных, даже не почувствовал присутствия зла. Абсолютно ничего не почувствовал.

Что-то не так.

Он взял телефон Фелисити и набрал номер Уинн, пока спускался по пожарной лестнице к её окнам.

Спар частично надеялся, что Уинн не ответит, потому что женщина, на которую нападают демоны, вряд ли остановится ради ответа на звонок.

— Алло? — ответила ведьма спокойно, без той паники, с которой говорила с Фелисити.

— Уинн, ты ранена? Ночные ещё там? Я у окна,пусти меня.

— Спар, это ты? — Казалось, она была сбита с толку, но не ранена, и он видел замешательство в выражении её лица, когда она появилась в окне, зажимая плечом телефон. — Погоди.

Она отключилась и открыла ставни.

— О каких ночных ты говоришь? Что ты здесь делаешь? Где Фил?

Страх и злость, масштабов которым поразился сам Спар, обрушились на него, словно цунами, и металлическая платформа под ним задрожала от самых грязных проклятий, которые он знал.

— Очередная ловушка. Отвлекающий манёвр. Ты позвонила Фелисити пару минут назад и напуганным голосом сказала, что к тебе ломятся ночные.

— Нет, Спар, клянусь, это не я.

— Я тебе верю. Я слышал несколько слов, и звонивший говорил твоим голосом. Фелисити была убеждена, что ты в беде, и отослала меня к тебе. Должно быть, они магически подделали твой голос. — Он расправил крылья, готовясь взмыть в небо. — Мне нужно вернуться к ней. Они могли её схватить.

— Погоди! — настойчивость в её голосе и крепкая хватка на руке заставили его остановиться. — Уверена, это ловушка, но я как раз собиралась вас набрать. Вот почему я уверена, что не звонила. Десять минут назад ко мне пришло видение. Спар, если они забрали ее, то видение ещё важнее. Они захотят принести Фил в жертву, но я знаю, где их найти.

Спар оскалился, обнажив длинные клыки. У него заныли когти от желания разорвать ночных.

— Говори, где.

пришла в себя, что закружилась голова. Сложно сказать, что именно послужило причиной.

Холод и тьма принесли ощущение дежа вю, возвратив воспоминание о видении, но когда открыла глаза, обнаружила, что находится не в промокшем, тёмном подвале, а на дне моторной лодки, и капли воды летели ей в лицо.

Застонав, она дотянулась до шишки на затылке и поморщилась, когда от прикосновения собственных пальцев к голове пронеслась волна мучительной агонии.

Учитывая боль в голове и качку, Фил предсказала, что её будет тошнить от тридцати минут до часа.

— Она начинает просыпаться. Свяжи ей руки.

Кто-то схватил её за плечо и грубо перевернул на живот, после чего завёл ей руки за спину. Если бы только придурок поставил ногу в пределах досягаемости рта Фил, она бы добавила красок на ботинки.

Ей связали руки на запястьях грубой верёвкой. Стиснув зубы, Фил сосредоточилась на том, чтобы делать глубокие вдохи носом.

Она мало могла видеть. Голова сильно болела, не позволяя вертеть ею, да и без того на реке слишком темно. Фил предположила, что они плыли где-то по реке Святого Лаврентия.

И надеялась, что была в отключке не так долго, чтобы они успели доплыть до озера Онтарио. Хотя, судя по темноте, уверенности в этом нет. Не могла же она валяться без сознания час или два.

Господи, Фил себя идиоткой чувствовала. Иерофант постучал в дверь, а она просто пялилась на него, пока он отдавал приказ прислужнику её схватить.

По крайней мере, она должна была ударить его дверью по уродливому лицу. Она, конечно, сомневалась, что это надолго бы его задержало, но хотя бы у неё появился шанс сбежать. Или добраться до телефона.

Когда Спар об этом узнает, убьёт её. Правда, ему, скорее всего, сначала придётся выкопать из могилы её мертвую задницу, потому что она сомневалась, что Иерофант похитил её для того, чтобы они, жуя попкорн, смотрели марафон «Теории Большого Взрыва».

Фил больше склонялась к тому, что в его план входят ритуальные ножи и повеление демонами. Какая прелесть.

Было больно, что в похищении замешан Рикки, но вспоминая пустое выражение его лица, когда Иерофант отдавал ему приказ, она задумалась, а не находился ли он под каким-то заклинанием управления сознания, придуманным ночными.

Может, она принимает желаемое за действительное, но её друг был сам на себя не похож, и неважно насколько расстроенным он казался в их последнюю встречу, Фил не могла поверить, что Рик Раклу, которого она знала уже пятнадцать лет, добровольно отдаст её тому, кто вырвет ей сердце. У неё это в голове не укладывалось.

Когда Фил попыталась повернуть голову, от боли все встало на свои места. Если он всем сердцем не участвовал в жертвоприношениях, зачем ему так сильно бить?

Удар веслом, в данных обстоятельствах, был бы оливковой ветвью.

В данных обстоятельствах, если она ещё хоть немного покачается на волнах, то её действительно вырвет. Не то чтобы спешка к месту назначения — лучшая из идей, учитывая, что там произойдёт, но выбраться на сушу было бы замечательно. В основном для её желудка.

Её голова выразила иное мнение. Когда нос лодки ударился о песчаную мель, от силы

удара Фил прокатилась по дну и ударилась большой головой о корпус.

И вновь мир стал сереть, а Фил начала терять сознание, но, эй!.. Потеря сознания означала невозможность чувствовать боль, так?

Когда она придёт в сознание, придётся вспомнить, насколько ей повезло.

* * *

В этот раз она очнулась не от адреналина, а от болезненного ощущения плеча, упиравшегося в живот, через которое её, видимо, перекинули и куда-то несли.

Быстро открыв рот, она опустошила содержимое желудка кому-то на спину и ноги. Дурно ли, что после этого она рассмеялась?

Казалось, её похититель посчитал именно так. Он тут же закричал от отвращения и бросил ее на землю. Одна половина тела приземлилась в лужу блевотины.

Слава Богу, что нижняя, иначе Фил бы снова вырвало.

Господи, да у неё сотрясение, а эти идиоты продолжали обращаться с ней, как с мешком картошки.

Если они не начнут более аккуратно к ней относиться, обнаружат её мертвой от кровоизлияния в мозг или внутричерепной гематомы ещё до того, как уложат на драгоценный алтарь. А разве это не взбесит их босса?

Фил застонала, и не от того, что изображала беспомощного пленника, а потому что голова действительно сильно болела. Вот если бы она играла в НХЛ, ее бы на пятнадцать минут уложили в тёмную комнату, прежде чем дать себя проявить.

А эти придурки начали пихать в бок и приказывать вставать. Им, что кажется, что она Чудо-Женщина?

— Я к ней не притронусь, — отрезал один, и, судя по тому, как близко оказался говорящий, Фил поняла, что это на него её вырвало. — Уже и без того хреново, что она мне спину облевала, так теперь она сама вся в блевотине.

Если она не может идти, пусть репортёр её несёт. Ему без разницы.

Вмешался другой мужчина, не облеваный, но и не Иерофант, а так как все вряд ли бы поместились в лодке, они ждали их тут.

Где бы это «тут» не было.

— Нет, я больше не могу переносить эту вонь. Её нужно помыть, прежде чем принести в круг, иначе я сам блевану.

— Кинь её в реку. Большинство грязи смоеся, а нам по фиг простудиться она или нет.

О нет, ей это важно, но никто не обратил внимания на её сопротивление. Учитывая ее слабость, она не могла их винить. Фил сомневалась, что прямо сейчас могла бы отбиться от демонического котенка, поэтому казалась в реке, даже не вскрикнув.

С одной стороны, это хорошо. Она не открыла рта, а значит, не наглотается галлонов речной воды, и её не вырвет вновь.

Один раз за вечер с неё хватило. Фил не могла плыть, так как руки были связаны за спиной, но её окунули на мелководье. Так что она могла встать на ноги.

Она подумала, а не оттолкнуться ли, чтобы уплыть по течению, хоть и медленному, ведь до города не так далеко. Но не успела мысль укорениться, как Фил грубо схватили. Может, ледяная вода замедлила её рефлекс.

Когда Фил вытащили на берег, промокшая одежда стала личной системой кондиционирования, впитывая тепло её тела и испаряя его в воздухе.

А учитывая ледяной ветер с реки, температура тела резко пошла вниз. Фил начала дрожать, но надеялась, что придурки-похитители не спугают холод со страхом.

Сейчас ей было чертовски холодно и больно, она сильно разозлилась. Страху места уже не хватало. Его она прибережёт на момент, когда появятся ножи.

— Хватит бездельничать. — На этот раз говорил Иерофант. Фил никогда не забудет его шипящий голос, почти женский тембр, когда он поздоровался с ней на лестничной площадке. — Если она очнулась, может идти сама. Приведите её

Фил схватили двое слугителей, и повели с пляжа в сторону деревьев. Быстро осмотревшись, она подтвердила свои опасения.

Её привезли на крошечный, безымянный остров, забытый из-за более известных и крупных соседей, к северу от города.

Здесь шанс быть замеченным практически нулевой, как и шанс Фил найти помощь.

Она сама по себе, по крайней мере, до тех пор, пока её Страж не осознает подвох и не прилетит к ней на выручку. Она была уверена, Спар придет за ней; а ей лишь оставалось молиться, чтобы он пришел вовремя. До тех пор выживание лежит на ее плечах.

Она позволила отвести себя глубже в лес, по дороге оценивала похитителей. Вместе с Иерофантом и Рикки... который так и продолжал слепо смотреть перед собой и следовать за Иерофантом, словно робот-щенок... группа состояла из шести мужчин, одетых в тёмные робы с капюшонами.

Они походили на сбжавших из средневековья монахов. Лишь двое не нацепили капюшоны, под которыми остальные скрывали лица. Тот, кого она облевала, и ещё один.

Иерофант выглядел, как и в её видении. Среднего роста, худощавого телосложения, чем-то напоминающий компьютерного гика, с бледным лицом.

На вид около тридцати, та неопределенная стадия, когда вроде выглядит молодо, но уже с признаками зрелости.

У него были тёмные волосы слишком длинные, чтобы назвать их короткими, и слишком короткие, чтобы назвать их длинными. Всё в нём было непримечательным, пока не посмотришь на лицо.

Высеченные, тонкие черты, которые можно было бы назвать аристократическими и даже посчитать прекрасными, если бы не налёт зла, читающийся в них.

Узкие губы были изогнуты так, словно он торжествовал от жестокости, будто наслаждался видом боли. От этого у Фил поползли мурашка по коже.

Фил ненавидела всех этих прислужников культа, но к нему испытывала инстинктивную неприязнь, от которой сворачивались внутренности и грохотали, как гремучая змея в момент опасности.

Фил прожигала взглядом спину Иерофанта, пока он вёл их сквозь деревья. Когда дорога сужалась, им приходилось идти по одному, хотя один из похитителей крепко держал Фил за руку и шел так близко, что она практически чувствовала запах того, что у него было на обед.

Она поняла, что они шли по протоптанной, неровной тропинке, видимо, именно это место искала Уинн.

Всё здесь указывало, что они часто пользовались этим местом. Она осознала, что остров просто идеальное место: вдали от посторонних глаз, и вряд ли попадет под юрисдикцию властей. По большей части, идеальная обстановка для действия от лица истинного зла.

Фил не хотела принимать участия в этих действиях, так что ей нужно начать придумывать план. И быстро. Она сомневалась, что остров большой и идти им осталось долго, а если они намереваются привязать ее к какому-нибудь кровавому алтарю, шансы выжить, вероятно, резко снизятся. Время предпринять меры.

Заметив, что деревья стали выглядеть больными, лишенными листвы и чёрными, будто опалёнными, поняла, что они приближаются к месту проведения ритуалов.

Глубоко вдохнув, Фил притворилась, что споткнулась об корень и постаралась по сильнее врезаться в человека впереди. Он не ожидал толчка и потерял равновесие. Фил с удовлетворением наблюдала, как первый ночной врезался во второго, и все они, словно костяшки домино, упали на землю.

Конечно, всё пошло не так, как она планировала, но её неожиданное «падение» заставило мужчину, державшего её, разжать руку на долю секунды. Этого Фил хватило.

Она со всей силы, увеличенной массой тела, дёрнулась от него, почувствовав, как он сильнее сжимает пальцы, но они скользнули по влажной коже. Если бы на ней была кофта с длинными рукавами, он, вероятно, поймал бы её за одежду, но так, она оказалась за деревьями прежде, чем ночной закончил чертыхаться.

На крошечном острове не так много мест, куда можно податься, и она понимала, что очень скоро её схватят. Ночные лучше знали местность, и у них была лодка.

Побег — тактическая задержка, дающая Спару немного времени найти, куда её увезли, потому что она знала, что он её ищет, как знала и то, что он не прекратит её поиски.

Чтобы помочь Спару, она пошла бы на всё.

Фил очень скоро поняла, что сохранение равновесия во время бега через густой лес со связанными за спиной руками должно квалифицироваться как олимпийский вид спорта. Весьма тяжёлый вид спорта.

Каждый раз, когда приходилось обегать деревья или перепрыгивать через камни и корни, она инстинктивно хотела выставить вперёд руки, но могла лишь передёргивать плечами.

Если она выживет, ей понадобится отличный массаж.

— Она не могла уйти далеко. Разойдитесь и найдите её. У нас график.

До неё долетели приказы Иерофанта, и, судя по голосу, он больше сердился из-за того, что её нужно вернуть, чем из-за того, что она смогла сбежать. Он, как и она, прекрасно понимал, что бежать некуда.

Позади, она слышала, как ночные, словно слоны, пробирались через ветки. Основываясь на том, откуда шли звуки, Фил начала менять курс так, чтобы преследователи оставались позади.

И ещё она тянула и дёргала руки, пытаясь ослабить верёвку и освободиться. Не будь она связана, могла бы предпринять для своего спасения гораздо большее, а если снимет верёвку, то направится к пляжу.

Где сможет завести лодку и уплыть по реке. Пока же ей нужно сосредоточиться на том, чтобы не попасть опять в лапы ублюдкам.

От постоянного трения о верёвку, на коже появились раны, но Фил подумала, что будет гораздо хуже, если она сдастся.

Остановившись, чтобы перевести дыхание, она присела среди ветвей хвои и всмотрелась в темноту. Не прошло и минуты, как она убедилась, что лучше быть в движении.

Услышав приближающиеся шаги, Фил быстро встала и вновь побежала между

деревьями.

Услышав проклятия, она поняла, что преследователь ближе, чем предполагала. Нужно быть осторожнее и внимательнее, если она желала остаться на свободе до появления Спара.

Фил хотела бы знать, как долго пробыла без сознания, и сколько времени потребовалось, чтобы перевезти ее из квартиры на остров.

Или это, или вернуться в детство и потребовать, чтобы её приняли в девочки-скауты. Разве там не учат детей определять время по расположению звёзд?

Или это как-то связано с солнцем? Хм, вероятно, она оказалась права, сказав бабушке, что скауты не для неё. Очевидно, из неё паршивый скаут.

Так что ей оставалось лишь гадать. Судя по тому, как далеко они уплыли на север и необходимости сохранять осторожность при перевозке жертв, похищенных из большого города... ну или она так саму себя заверяла... Фил подсчитала, что время уже ближе к полуночи.

А значит, ритуальные жертвоприношения могли быть не приурочены к часам? Ну, там, для традиции и символизма? Каждый день Фил узнавала что-то новое.

Сегодня, ей бы очень хотелось научиться выживанию. Было бы просто здорово.

Фил не изучала фазы луны, но не видела на пляже в небе месяца, а судя по тяжелой, густой темноте, сейчас новолуние.

Так легче спрятаться, но избежать того, чтобы к ней кто-то подкрался сложно. Ну, если только она не опустит щиты и не включит второе зрение.

Набирая темп, она изо всех сил старалась увеличить расстояние между собой и преследователями, чтобы ещё раз остановиться, прислонившись к молодому клёну.

Закрыв на мгновение глаза, Фил вдохнула, а затем открыла глаза и по-новому посмотрела на лес. И не сказать, что ей понравилось увиденное. Через ветки плыли потоки чёрно-зеленого и грязно-красного тумана, придавая лесу неестественное сияние.

Там, где туман касался деревьев, ветки изгибались и дрожали, стараясь как можно дальше — насколько позволяли корни — отстраниться от сил зла.

Фил поняла, откуда появились деревья, которые она видела раньше - это остатки зла. Чем ближе к месту проведения ритуала, тем сильнее злая сила Общества и ее ядовитое воздействие на каждое живое существо.

Это взбесило Фил. Лес ничего не сделал, чтобы заслужить такое осквернение. Но, с другой стороны, ни один человек, которого убили и оставили здесь в лесу ночью, также не заслуживал этого.

Как не заслужили и жители деревни в Афганистане, как и Рикки, как и Фил. Она предположила, что это и было реальное определение зла... отсутствие дискриминации, что уважать и что разрушать.

Справа появилась болезненного цвета вспышка, и Фил взяла влево. Она думала, что этот путь ведёт к берегу, и предпочла не позволить загнать себя туда. Ведь выйдя из леса к воде, Фил лишится прикрытия деревьев и окажется, как на ладони.

Громкий треск ветки вновь заставил повернуть и уйти вглубь леса.

Она почувствовала, как под верёвкой потекла кровь, и потянула сильнее, если повезёт, кровь сработает как смазка и поможет освободить руки. Фил думала, что у неё всё получается, когда кто-то схватил её за волосы и дёрнул назад.

Она потеряла равновесие и упала на задницу и связанные руки. Боль от уже израненных запястий и измученных суставов сорвала с её губ приглушенный вскрик.

Она почувствовала, как грязь и листья налипли на раны, полученные от верёвки и борьбы, и захотела рассмеяться, когда внутри вспыхнула надежда прожить достаточно долго, чтобы развилась инфекция. Привет, истерия.

— Чрезвычайно тупая трата времени, — отрезал Иерофант, наматывая себе на руку влажные пряди её волос и поднимая Фил за них.

— Как видишь, сучка, ты ничего не изменила, лишь моё удовольствие, которое я получу во время пыток, станет больше.

— Сучка? — отрезала она, когда он потащил её обратно в центр острова. — Это не я тащу кого-то за волосы. Мы что, собираемся устроить девичью драку? Ты ведь не выпустишь акриловые коготки и не станешь расцарапывать мне лицо?

Он не обратил на неё внимания... ну, если не считать резкого дерганья за волосы, от которого и без того ноющая голова взорвалась от боли.

Напряжение при беге ни капли не облегчили симптомы сотрясения.

Фил пришлось идти, склонившись и извернувшись из-за того, что Иерофант тащил её за волосы, и бороться с очередным приступом тошноты. Она уже поняла, что рвота положения не улучшит.

И сомневалась, что Иерофант настолько же брезглив, как тот, которого она заблевала, хотя, если он не перестанет тащить её за волосы, они оба выяснят это наверняка.

Он вел ее обратно к искореженным и умирающим деревьям, после которых лес сменился большой поляной. Видимо, Общество очень любило поляны, хотя в отличие от той, что в парке, эта поляна явно была создана людьми.

Ну, или почти. Они могли создать её сами или при помощи магии или приказать приспешникам демона, Фил было всё равно.

Она лишь знала, что как только они вышли на поляну, густой, свежий запах леса превратился в вонь смерти, гнили и горячей серы.

Фил задумалась, а, не правда ли все те байки про ад, котлы и горящую серу.

Несколько факелов, воткнутых в землю, освещали края поляны, а в центре была каменная яма, в которой полыхал костёр. Фил на мгновение ослепла из-за света. И голова стала болеть сильнее.

Земля здесь была голой и почерневшей, с небольшими участками лишайника, который больше походил на скользкие ядовитые водоросли, которые иногда вырастали в водоемах, испытывающих недостаток солнечного света или пресной воды.

Фил посчитала, что запах шёл от лишайника, потому что, благодаря второму зрению, увидела, как от него расходились те же зеленоватые и пурпурные завитки, как и от растения, пытавшегося съесть Уинн. Фил захотелось схватить ещё одну банку чёрной соли.

По стволам деревьев рос грязный ковёр, похожий на мох, который распространялся и на камни, стоящие друг рядом с другом на расстоянии пяти футов.

А между ними высился бледный камень, похожий на стол. И для Фил не обязательно было видеть пятна крови, чтобы узнать алтарь для человеческих жертвоприношений. Кое-чему не требовались ярлыки для идентификации.

Сердце Фил подскочило к горлу от осознания, что она смотрит на место, где её убьют. Потянув изо всех сил, она в последний раз постаралась освободиться. И по крови побежал адреналин, когда ей удалось вытащить одну руку.

Хотя это и вызвало ощущение, будто она содрала кожу со всей руки. Её жизнь на кону, а руки свободны, так что она будет сражаться до последнего, как тот демон, которого они

собирались освободить.

Фил не облегчит им задачу. Она покажет Иерофанту и всем его чокнутым корешам, что не все беспомощны перед лицом Мрака.

На чьей-то стороне стоял Свет.

Спар еле подавил желание вопить от необходимости простоя. Каждая фибра его существа дрожала от желания действовать, взлететь в небо и двигаться прямо к острову, который Уинн назвала местом жертвоприношений.

Чтобы привлечь его внимание, Уинн запустила ему в голову чугунной сковородой.

— Лететь туда одному, словно драматический герой — верх идиотизма мачо, — сказала ведьма. — Ты спасёшь её, но не так. Ты всерьёз считаешь, что Иерофант действует в одиночку? Тебе, как и мне, известно, что для такого большого магического дела, он притащит целый оплот. А это, как минимум, семь самых опытных черных магов, один из которых, по нашему мнению, лидер всего Общества. К тому же, есть вероятность, что там будет сам Отступник. Ты ведь понимаешь, что направиться туда одному — самоубийство. Хочешь убить себя, ладно, но дай Фил шанс выжить.

Спар жестоко рассмеялся.

— И ты думаешь, что взяв тебя, ограниченную в движениях из-за растяжения, я что-то изменю? Не смей меня. Может ты и ведьма, но не Хранитель и совершенно не готова к таким сражениям. Ты будешь лишь отвлекать меня, и нас обоих убьют.

— Чертовски сильная ведьма, приятель, — отрезала она, прищурившись, — но нет, не об этом я думала. Считаю, что ради спасения Фил, да и чтобы остановить Иерофанта, нам нужно послать все имеющиеся ресурсы. Каждого. А значит, нам нужен ещё один Страж и обученный Хранитель. Это наш единственный шанс.

— Кес и Элла в Ванкувере, на другом конце чёртова континента. Может, пошлём Иерофанту записку, в которой вежливо попросим отложить убийство моей пары, дав нам время составить план наиболее эффективного нападения на него?

— И вновь, мистер Высокий, Хмурый и Саркастичный, я такого не говорила. Ты рассказывал, что Элла изучает магию Хранителей? Ну и я тоже, хоть и тайком. Может мы и не полноценные члены Гильдии, но, думаю, если объединим усилия, сможем наколдовать портал-мост между Ванкувером и Монреалем. Так, менее чем через час, мы получим ещё одного Стража, а ещё человека со способностями к магии, который уже проявил себя в бою. Тебе не кажется, что так лучше, чем нападать неподготовленным и потерпеть неудачу?

— Полагаешь, у нас есть час?

— Думаю, что даже больше. Сейчас почти половина одиннадцатого. Если они захотят сделать всё по правилам, то начнут ритуал в час демона — в три ночи. В это время они смогут собрать самый концентрированный всплеск магии.

— А если ты ошибаешься?

Она стиснула зубы.

— Если ошибаюсь, значит уже поздно.

Спар сдался. Неохотно. Он понимал, что если один из его братьев будет рядом, — особенно когда Спар в меньшинстве и может столкнуться с одним из Семи, неважно, насколько слабым — выиграть битву шанс выше.

Тем не менее, каждая минута, пока Фелисити в руках врага, рвала душу. Спар начал сходить с ума и отдал телефон Фелисити Уинн, чтобы она позвонила Элле.

Он не мог сконцентрироваться на их разговоре. Просто понимал, что пятнадцатиминутный разговор длился очень долгих пятнадцать минут.

Спар слышал, как Элла и Уинн говорили о магических кругах, ладане, травах, амулетах и свечах, и пытался противостоять стремлению разнести голыми руками дом Уинн по кирпичику.

Он стискивал зубы, пока клыки чуть не сломались; его крылья вздрагивали от необходимости раскрыть их и поймать потоки ночного воздуха.

Спар принялся расхаживать по маленькой квартире: из ритуальной комнаты в спальню, оттуда в гостиную, а после на кухню и в столовую, затем обратно, пока наматывание кругов не довело Уинн, как его выводило из себя метание Фелисити.

Выкрикнув его имя, ведьма привела его обратно в ритуальную комнату и показала на стену.

— Сядь там и, ради Бога, не мешай. Пора начинать, а так как и я и Элла делаем это впервые, мне нужно сконцентрироваться. — Она нахмурилась и поводила плечами, словно перед тренировкой. — Конечно, можешь скрестить пальцы. Вероятно, это не помешает.

Он бы глаза скрестил, если бы это помогло скорее обнять его пару и унести в безопасное место.

Для Спара ничего нового в колдовстве не было, но он заметил, что магия Уинн отличается от всего, что ему раньше удавалось почувствовать от Хранителей.

Вместо того, чтобы открыть канал магии, словно сломать плотину и пустить воду, ведьма, казалось, впитывала её, как губка.

К моменту, когда она наколдовала круг, используя, нарисованную на полу, пентаграмму, то почти вся сияла мягким зеленым светом оттенка весенних листьев.

Спар видел ужасные и искалеченные завитки чёрной магии на месте жертвоприношений, но этот свет, казалось, струился иначе, чем он помнил, оставляя после себя запах свежей травы и чистой воды.

Он увидел, как Уинн благословляет и освящает круг традиционными магическими предметами — солью, водой, огнем и воздухом — и услышал, как она призывает в священное пространство силы стихий и богов.

Она делала это так сознательно и почтительно, но быстро, и Спар понял, что она спешила ради него и Фелисити. Он ощутил благодарность, которая смешалась с волнением, когда ведьма начала напевать заклинание, чтобы открыть портал.

Слова для него были пустым звуком. Он не мог сосредоточиться на них, пристально всматриваясь в воздух над кругом. Спар осознал, что чем дольше Уинн напевает, тем больше воздух начинает мерцать и светиться волшебной энергией.

Уинн начала напевать громче и сильнее, наращивая портал. Она направила ладони на движущийся воздух и начала двигать их в разные стороны, словно раскрывала двери лифта.

Портал начал приобретать овальную форму, а внутри воздух стал непрозрачно-серым и густым, как туманный горизонт. Ведьма стала петь ещё громче, теперь не моля, а приказывая.

С заключительным криком она топнула ногой об пол. Звук, казалось, эхом пронёсся через портал.

Мгновение спустя Спар хрипло ахнул, когда из тумана вышел Кес и ступил прямо в круг. После чего отошёл в сторону, пропуская миниатюрную женщину.

— Ух ты, — протянула Элла, улыбаясь шире Чеширского кота. — Это круче коммерческих перелётов! Уинн, нужно открыть свой бизнес. Ну, когда спасём мир.

Фил пинаясь, кусалась и царапалась, как бешеный барсук. Ни за что она не станет ныть, рыдать и изображать беспомощность, пока какой-то психопат привязывает ее к камню и режет на сашими для демона.

Нет, чёрт возьми. Фелисити Шалтис воспитывали сражаться, и она будет драться до последнего вздоха.

Хотя она не отказалась бы от помощи, если бы ей кто-то пришёл на выручку. Она смелая, но не глупая.

Она знала наверняка, что Спар шёл за ней. Чувствовала это. И дело не только в обязанностях Стража, она знала, что этот кусок гранита за неё переживал.

Даже если ему придется уйти, когда все закончится, он ни за что не оставит её в беде, поэтому она знала, что Спар идёт. Хотя если он поторопится, будет еще лучше.

Если говорить честно, Фил не знала, сколько ещё продержится физически или морально. Каждый раз, когда она сопротивлялась, головная боль усиливалась, и Фил заметила, что удерживать равновесие становилось всё сложнее.

Когда её голову встряхивало, по периферии зрения всё блекло и размывалось, и она начала опасаться, что в итоге может потерять сознание и упустить собственную казнь. Разве не великий облом?

Она замолчала, когда Иерофант отпустил её волосы и толкнул так, что Фил свалилась у ног другого ночного.

По крайней мере, на этот раз у неё не были связаны руки, и она не рухнула лицом в блевотину.

Ну да, в желудке-то лишь желчь осталась, так что и блевать было нечем. Стоило ли начать благодарить за такую крохотную милость?

— Успокой её, — приказал лидер и язвительно улыбнулся. — И приведи репортёра.

Фил снова связали руки, на этот раз крепче, и грубая верёвка причиняла немало боли содранным запястьям, но спереди. К тому же, один из похитителей зафиксировал ей и лодыжки.

Ночные, вероятно, решили, что успеют заметить, если она попытается уползти прочь. Печально, но они правы.

Она беспомощно наблюдала, как один ночной вёл Рикки к алтарю, просто положив руку ему на плечо.

Старый друг даже не протестовал, когда ему приказали лечь спиной на камень и привязали верёвкой его плечи, руки, талию, бедра, колени и лодыжки к холодному камню.

— Удивительно послушен, да?

Фил чуть из кожи не выпрыгнула, услышав голос Иерофанта прямо над ухом. Её усадили на корень сосны, и мужчина присел рядом, не сводя взгляда с алтаря.

— Конечно же, он не догадывается, что происходит, как и о том, зачем я ему позвонил и попросил встретиться с тобой у тебя дома, — продолжил он довольным тоном

— Поразительно, насколько легко контролировать разум некоторых. Небольшое усилие, и он слепо тебя слушается.

Фил сглотнула подступившую к горлу желчь.

— Ты меня так нашёл? Использовал Рикки, чтобы он привёл тебя ко мне?

— Нет, конечно же. — Иерофант хмыкнул. — Я и до встречи с мистером Раклу знал, где ты живёшь. Тебя не так тяжело найти. Особенно учитывая, что на тебе метка господина.

Иерофант протянул руку, в которой держал серебряный нож, и раздвинул кончиком лезвия пальцы левой руки Фил. Затем провёл им по линиям метки, всё ещё видневшимся на её ладони, и улыбнулся по-настоящему дико.

— Уверен, ты посчитала, что в безопасности после того, когда ведьма наложила то заклинание, да? Ну, немного неудобно было потянуть за ниточку, связывающую тебя с господином, к себе, но я всё равно смог тебя найти. Если знаешь, как смотреть, метка пылает, словно маяк. Мне потребовалось немного больше времени, чтобы привести в действие планы Иерофанта.

У Фил закружилась голова, но не от сотрясения, а от шока.

— Иерофанта? Я думала, что это ты, — прохрипела она.

Мужчина перед ней рассмеялся.

— Ох, дорогая моя Фелисити, нет. Как я могу быть Иерофантом? Наш лидер находится на одной линии с господином, я бы не решился взять на себя такую ответственность. Иерофант руководит нами, считаясь правой рукой Отступника. Чем-то напоминает папу, который управляет веселой группой заблуждающихся дураков, именуемой церковью. Нет, я больше похож на кардинала. Советник Иерофанта, но, боюсь, не больше. Вполне подходящая аналогия, к тому же, мне очень идёт красный.

С этими словами он надавил ножом на ладонь Фил, пуская ей кровь. Рассмеявшись, он провёл пальцем по красной жидкости и нарисовал себе на скулах полосы, как военный. Фелисити оскалилась и плюнула ему прямо в глаза.

Но она не ожидала удара тыльной стороной руки, отчего свалилась на бок, и мир на мгновение потемнел.

Она не потеряла сознание, потому что слышала, как ночные ходят взад-вперёд, как Иероф... нет, кардинал выкрикивал приказы своим собратям-социопатам.

Фил могла слышать, чувствовать запахи и прикосновения, но не видела, пока темнота не рассеялась. Она поняла, что повернута к деревьям, и отчаянно искала в себе силы сесть.

И, черт возьми, если это не похоже на восхождение на Эверест на коленях. Как, блин, ей выбраться из этого бардака?

Впервые, Фил почувствовала желание поддаться страху, не только из-за себя, но также из-за Рикки. Даже если её друг всё ещё под заклятием, он не заслужил того, что Общество ему уготовило.

Он не заслужил страданий и смерти, чтобы какая-то группа больных ублюдков могла притвориться, будто Мрак завладеет миром, а им подготовят теплое местечко в аду.

Сдерживая всхлипы, Фил уставилась в темноту леса и молила Спара прийти к ней.

— Сэр, почти два часа, — услышала она голос одного из мужчин. Может того, кого облевала. — Нужно начинать, если хотим разбудить хозяина в нужный час и скормить ему жертву.

— Да, давайте начнём, — произнёс кардинал весёлым, взволнованным голосом. Очевидно, он наслаждался своим заданием.

— Время не ждет, правда? — он щёлкнул пальцами. — Очнись-очнись, мистер Раклу. Пора вам присоединиться к нам.

Страх завладел Фил, и она перевернулась к алтарю. Она находилась довольно далеко и не под тем углом, поэтому не видела лица Рикки, но заметила, как он начал вырываться из

пуг.

— Какого чёрта происходит? — Услышала она крик своего друга. — Где я? Кто вы все такие?

— Мы ваши освободители, мистер Раклу, — проговорил кардинал. — Мы собираемся освободить вашу душу и использовать для гораздо лучшей цели, чем использовали вы. Начнём?

Он поднял руку, и Фил увидела, как на лезвии ножа отразился огонь за мгновение до того, как кардинал опустил его по страшной дуге.

Затем Фил услышала эхо крика и не могла утверждать, чей он был, её или Рика.

Глава 23

Махая крыльями, Спар летел над Монреалем и рекой, омывающей город. Уинн держалась за его шею руками и за талию ногами, бормоча о возможности упасть и сломать около двухсот шести костей.

Он пытался не обращать на неё внимания. Она чувствовала себя некомфортно у него на руках, но настаивала на том, что тоже должна участвовать в сражении, вывихнута у неё лодыжка или нет. Когда Элла встала на её сторону, он сдался и согласился отнести её на место проведения ритуала.

Рядом летел Кес с таким же подкреплением, но выглядел гораздо довольнее, направляясь на безымянный остров, который назвала Уинн.

Казалось, Элла создана специально для Стража, и Спару стало завидно. Он знал, каково держать в объятиях свою пару, и надеялся, что ему повезёт опять её обнять.

— Смотри! — крикнул Кес, привлекая внимания брата и указывая на проблеск огня, видимый сквозь ветви деревьев. — Думаю, мы нашли наших ночных, брат.

На это Спар ответил рыком. Он начал по спирали спускаться к поляне и заворчал, когда ведьма впилась зубами ему в плечо.

— Зачем, во имя света, ты меня укусила? — потребовал он.

— Ну, я же не могла разжать руки и двинуть тебе по голове, — огрызнулась Уинн. — Бога ради, ты не можешь просто так прилететь туда и подставиться под огонь. Ты не слышал о факторе внезапности? Нам нужно к ним подкрасться.

— Пусть Кес и Элла подкрадываются. Думаю, они и без того не ожидают, что я опущусь с неба и начну рвать на лоскуты их жалкие тела.

— Ладно, но если один из них запустит тебе в голову молнию, не говори, что я не предупрежда-а-а-а-а-а-а...

Её слова закончились воплем страха, когда Спар извернулся и ускорился спускаться к огню, ярко светившему в кольце деревьев.

* * *

Сначала Фил показалось, что она услышала крик орла, бросившегося на жертву.

Затем, подумала, что это вновь закричал Рикки, когда кардинал — в очередной раз, после десятка таких же — воткнул в него нож.

Но она быстро осознала, что крики Рикки давно уже превратились в тихие мольбы о пощаде, которой не обладали похитители, а орлы ночью не охотятся. Что-то другое должно было издать этот крик, похожий на вопль женщины.

— Кто-то приближается! — выкрикнул облеваный парень, нервно озираясь.

— Кто? — потребовал другой далеко не впечатленный. — Страж? Даже если он увидит наше представление, что с того?

Нас тут семеро, а когда босс закончит с репортёром, Господин полностью очнётся и будет готов услышать наш призыв. Один Страж против нас всех? — он фыркнул. — Мне нравятся наши шансы.

А Фил нет, пока столп сине-белого света не обрушился с неба и не засосал в огромный

пузырь хвастуна и облеванного. Кавалерия, наконец, прибыла.

На поляне разразился хаос, сопровождаемый криками. И в центр этого хаоса опустились сразу два Стража, каждый из них мог бы выиграть медаль на конкурсе «Самое Гневное Выражение Лица». Держа в руке копьё и расправив крылья на всю ширину, Спар напоминал ангела мщения.

Рядом, как Фил поняла, стоял Кес, больше похожий на демона, но зная, что он на её стороне, она спокойно отнеслась к его крыльям, как у летучей мыши, клыкам и огромным изогнутым рогам. Лучше с ней, чем против неё.

Они оба спустились одновременно, с глухим стуком приземлившись на землю — и для Фил этот звук был самым сладким. Их крылья вызвали небольшой шквал из пыли и листьев, и хоть Фил и была далеко, до неё тоже долетели кусочки.

Она отлично видела, что Стражи прилетели не одни. Уинн и Элла спрыгнули с них на землю, и Элла тут же принялась нападать на ночных, а Уинн искала глазами её.

Фил хрипло закричала и едва ли не запела «Аллилуйя!», когда ведьма её заметила.

— О, Господи, это ты магический пузырь запустила? — потребовала Фил, когда Уинн опустилась на колени перед ней. — Потому что это удивительно, и я хочу этому научиться.

— Не-а, это Элла, и я тоже хочу научиться.

Фил протянула Уинн связанные, израненные руки.

— Можешь снять верёвку? И побыстрее.

Ведьма вытащила нож из сумки, которая в этот раз была спереди, словно слинг.

— Я подготовилась.

Уинн разрешила верёвку, аккуратно, чтобы не задеть кожу Фил и не усугубить раны.

Ей не терпелось освободиться, и не успела ведьма снять верёвку с её рук, как Фил начала развязывать ноги.

— А-а-а-х!

Болезненный стон заставил её вскинуть голову и посмотреть на алтарь. Пока Спар и Кес сражались с ночными, а Элла колдовала, как сумасшедшая, кардинал повернулся к Рикки и вонзил ему нож в живот.

— Чёрт! Рикки!

— Держи! Я пойду.

Уинн сунула нож в руки Фил и похромала к алтарю.

— Ох, к чёрту все идиотские благородные жесты в такой момент... — протянула Фил и сильно дернула за верёвку.

Едва избавившись от верёвки, она поднялась и обогнала Уинн, направляясь на помощь другу. Фил знала, что Спар позаботится о ночных, но не могла оставить Рикки на милость кардинала.

Она должна его освободить и осмотреть раны. Если есть шанс его спасти, Фил им воспользуется.

— Фил, остановись!

Она проигнорировала крик ведьмы, но вовремя отскочила, и на то место, где она стояла секунду назад, приземлилось чьё-то тело.

А после него, очередной ночной рухнул на землю, как заверение того, что Стражи держали ситуацию под контролем. Но кардинал всё ещё стоял у алтаря, держа в руке окровавленный нож.

Приблизившись к каменной плите, сквозь шум сражения она услышала, как кардинал

напевал. Но не разобрала слов.

Он напевал на языке, который Фил никогда прежде не слышала. Не английский, не французский, не испанский и даже не литовский. От гнусавого, неприятного напева у Фил мурашки побежали по коже.

Когда Фил оставалось десять футов от алтаря, Рикки повернулся к ней, и она едва не упала при взгляде на его лицо. Глаза набухли из-за крестов, вырезанных на глазницах, словно ему не просто хотели вырезать яблоки, но и стереть его глаза с лица земли.

На щеках и лбу тоже виднелись мелкие надрезы, из которых текла кровь. Большой ублюдок вырезал на лице Рикки тот же знак, что у Фил на ладони. На это было ужасно смотреть, и внутри Фил вспыхнули ярость и жалость.

Рыча, она положилась на ярость и пробежала последние десять футов к алтарю. Фил потянулась за ножом с единственной мыслью: вырвать его из руки кардинала и посмотреть, как ему понравится, если лезвие воткнуть в его засохшее черное сердце, но она не рассчитывала на то, что кардинал настолько силён.

Он с лёгкостью оттолкнул Фил и разразился маниакальным смехом.

— Глупая! Ты не остановишь Господина и меня! Пришло наше время, и мир падёт к нашим ногам. Слава Ултору Отступнику! Приди же, Господин, и испей то, что предлагаю я!

Он вновь начал опускать нож, но Фил яростно вскрикнула и бросилась вперёд, желая спасти друга от смерти.

Она не собиралась подставляться под удар, но импульсивно встала у алтаря, и нож вонзился ей в правое плечо.

«Господь милосердный, больно-то как!»

Нож вошёл глубоко в плоть, а затем кардинал с яростью погрузил лезвие глубже и ниже. Фил почувствовала шок от натиска и слышала хруст ломаемой ключицы.

Она даже не поняла, что кричит, пока не услышала высокий, резкий и вибрирующий от боли крик. Под ней застонал Рик, а позади от неверия и ярости вопил кардинал.

Никто не умер на алтаре, пока, по крайней мере, и его Господин пропустил завтрак.

Бедолага.

Воздух вокруг резко наполнил грохот, и земля начала трястись, а в ушах Фил зазвенело. Словно и без того ей было мало симптомов сотрясения.

Внезапно послышался треск камня, и вторым зрением Фил увидела, как у головы Рикки раскололся алтарь, и из трещин выползли завитки абсолютной темноты.

Угадайте-ка, кто пришёл перекусить?

Фил снова закричала, когда кардинал вытащил нож и вновь занёс руку для удара. Она не думала и не имела плана действий, просто среагировала.

Ещё до того, как кончик лезвия коснулся её кожи, она развернулась и подняла левую руку, схватив лезвие.

Как ни странно, она почувствовала острые края, впивающиеся в кожу, кровь, потёкшую из ран по метке демона, но не ощутила боли.

Лишь жар, жгучий и иссушающий, когда со всей силы сжала руку и впиалась взглядом в глаза злого ублюдка.

— Я не служу злу, кусок дерьма, но с удовольствием подам тебя твоему Господину на алтаре, как булочку с вонючим повидлом, — прошипела она.

Резко толкнув и повернувшись, Фил воспользовалась ножом как рычагом и дернула кардинала, который потерял равновесия и упал на окровавленный алтарь сверху

предполагаемой жертвы.

Отскочив, она рухнула на землю и начала смотреть, как пугающие и дрожащие завитки Мрака обвили кардинала и принялись кормиться.

У Фил начала сильнее кружиться голова. Она прижала правую руку к боку, пока из левой вытекала кровь.

Было такое ощущение, словно она пять километров пробежала, но увидев, как Рикки дёрнул ногой, кинулась к нему. Но её схватили за плечи и прижали к месту.

— Нет, ты не можешь, — донесся знакомый, твёрдый и жесткий голос Эллы. — Слишком опасно.

— И поздно, — добавила Уинн, заставляя всех посмотреть на алтарь. — Твой друг уже умер.

Моргнув, Фил постаралась сосредоточиться на алтаре, но завитки выросли и, связавшись клубком, закрыли его, пульсируя от злости. Фил поняла, что ничто не могло выжить среди них, и её сердце разбилось при мысли, что душу Рикки поглотило зло.

Всё из-за неё. Если бы она не обратилась к нему за информацией, он бы не впутался в это всё и не оказался бы полезной пешкой в психической игре Общества. Как ей теперь жить с этим?

Она задрожала под натиском горя, боли и усталости. Плечом, слава Богу, левым, она оперлась об Эллу.

— Господи, как она? Она почти отключилась.

— Ей нужно в больницу. Прямо сейчас.

Такое ощущение, будто Уинн говорила издалека, находясь в милях от неё, а по бокам зрения Фил вновь всё начало сереть. Теперь же, теряя сознание, она видела перед собой яркие всполохи.

— А как же демон?

— Это не демон, а просто питающиеся завитки. Демон где-то в другом месте, охраняемом Обществом. Спар и Кес позаботятся об этом.

Земля резко приблизилась.

— Чёрт возьми, Фил!

Мир вновь потемнел.

«Проклятье, только не снова».

— ... по крайней мере, ей понадобятся ещё день-два, и это при условии, что она очнется без признаков дезориентации или более серьезной травмы. Ваша невеста сильно пострадала, мистер Ливингстон. Надеюсь, полиция сможет найти того, кто с ней сделал это.

Фил было плевать, найдёт ли кто-нибудь остатки Монреальской ячейки Общества Мрака, но если и да, то оставалось надеяться, что они наткнутся лишь на их останки. Крошечные, окровавленные останки, по которым ползали бы личинки.

Застонав, она заставила себя открыть глаза и начала задыхаться, словно за четыре минуты пробежала два километра. Никогда в жизни она ещё не переживала такую усталость, мерзость и отвратительный дискомфорт.

Если она в больнице, то убудки должны, как минимум, оплатить лечение.

— Фелисити.

Она хотела повернуть голову, но ощутила такую боль, что вскрикнула.

Фил узнала голос Спара, и даже больше, поняла, что он в облике человека, а не гаргульи, но прежде чем смогла увидеть его, какой-то садист в белом халате появился перед ней, поднял её веко и посветил в глаз фонариком.

— Мисс Шалтис, вы знаете, где находитесь? Можете сказать, что чувствуете?

Так как закатить глаза Фил не могла, она позволила врачу проверить реакцию зрачков и ощупать голову.

— Я в больнице, — попыталась выдавить она, но получилось лишь «больнице» и то так, словно проквкала умирающая лягушка.

— Хорошо. Как вы? Что болит?

— Полная развалина.

— По шкале от одного до десяти, где один это ничего не болит, а десять самое страшное, что только можно представить.

Так она могла представить себе многое, в том числе и ощущение ножа, рассекающего плоть и кости, Фил поморщилась и сосредоточилась.

— Семь и три четверти.

— Ладно, я пришлю медсестру с обезболивающим. Вы пережили чертовски тяжёлую ночь. Несколько ножевых ранений, сломанная ключица, три сломанных кости в руке, многочисленные ушибы и раны, легкая гипотермия и адское сотрясения мозга. Ваш жених рассказал, что на вас напали почитатели какого-то культа. Вы что-нибудь помните о произошедшем?

Ну, она точно не помнила, чтобы Спар делал ей предложение, но она сомневалась, что доктор спрашивал об этом.

— Кое-что, — выдавила она, понимая, что это не его дело. — Всё, как в тумане.

— Не удивительно, учитывая тяжесть травмы головы. Кто-нибудь будет регулярно проверять вас всю ночь и будить, чтобы удостовериться, что вы отвечаете правильно, без нарушения речи.

— Хорошо. — Чёрт, она бы согласилась принимать Испанскую Инквизицию всю ночь, если они принесут с собой обезболивающее, которое врач обещал, пока щупал её голову.

— Вам очень повезло, мисс Шалтис, но нужно время на восстановление. — Доктор убрал в карман фонарик и отступил в сторону.

— Полиция хотела с вами поговорить, но я сказал им вернуться после полудня, чтобы вы пришли в себя. До этого отдыхайте, я пришлю медсестру.

— Спасибо.

Она закрыла глаза. Чтобы держать их открытыми, нужно было слишком много сил, которых у неё не оказалось. Фил услышала, как закрылась дверь, затем какой-то шорох и ощутила нежное прикосновение пальцев к щеке.

Спар. Пошевелится было не вариантом, так что она не могла накрыть его руку своей, как и повернуть голову, чтобы поцеловать его ладонь, поэтому она просто немного подалась к его руке, прошептав в тишине его имя.

— Спар.

— Я люблю тебя, Фелисити. — Его голос пронёсся по её телу, почти снимая всю боль, и она почувствовала, что улыбается.

— И я тебя, — прошептала она и вновь отключилась.

* * *

В следующий раз Фил очнулась от ощущения, что кто-то дёргал её за руку. Открыв глаза, она увидела, что медсестра поправляет капельницу, воткнутую ей в вену.

Через несколько секунд боль, чуть не заставившая Фил свернуться в клубок, отступила, а по венам растеклось благословенное облегчение, так же известное как морфин. Вздохнув, Фил позволила себе расслабиться.

— Ох, хорошо, вы очнулись и не ворчите на меня, — поддразнила медсестра. — Какая милая смена настроения. Кстати, я Джейми. Полагаю, ваш жених знает, что не стоит пытаться разбудить вас. Вы можете быть такой грубой.

Осмотревшись, Фил поняла, что бой кувалд в голове стал не громче шума колотушки, а желание проблеваться не возникало при каждом движении. Прогресс! К несчастью, она поняла, что кроме Джейми и её в палате никого не было.

— Куда он ушёл?

— Только вниз, дорогая, — поспешила успокоить Фил медсестра. — Приходили ваши друзья и уговорили его пойти в кафе поесть. Он почти двенадцать часов не отходил от тебя! Бедолаге нужно подкрепиться. Парню его телосложения необходимо много еды.

Фил расслабилась и улыбнулась медсестре.

— Точно. Рада, что он ест.

Хотя обрадовалась она, потому что поняла, что он ушёл не навсегда.

Она его всё равно потеряет, но надеялась, когда выздоровеет, в последний раз заняться с ним сексом, прежде чем он нырнёт в каменный спальный мешок. Фил не была готова его отпустить.

Джейми погладила её руку и обошла кровать.

— Я зайду позже, дорогая, но если что-то понадобится, нажми кнопку.

— Спасибо.

Медсестра вышла, но со смехом развернулась.

— Фелисити, кажется, твоё окружение вернулось. Ты здесь очень популярна. — Джейми игриво погрозила пальцем группе снаружи. — А вы не утомите пациентку, ей нужен отдых, а не вечеринка, так что я вернусь через пятнадцать минут и выгоню вас всех.

Фил услышала знакомое ворчание Спара, и медсестра тут же поправилась.

— Не вас, мистер Ливингстон. Вы, конечно же, можете оставаться столько, сколько захотите. Извините, мне нужно... э... я зайду позже.

Элла, смеясь, вошла в палату.

— Фил, тебе нужно накинуть поводок на своего сторожевого пса, прежде чем он покусает кого-нибудь из персонала больницы. Он постоянно ворчит.

Фил приобняла подругу.

— Привет, вы ведь в порядке, да? Не ранены?

Уинн присела на кровать и погладила ногу Фил через одеяла.

— Мы все в порядке. Ты пострадала за всех нас.

Ну, моя лодыжка так же ноет и пульсирует, но это ничего. Мы все за тебя переживали.

— Ну, я в порядке, — заверила её Фил и скорчилась. — Ладно, на самом деле не в порядке, я чертовски пострадала, но уже иду на поправку, а это почти то же самое, да?

— Нет, — рык Спара так подходил хмурому выражению его лица. Страж аккуратно опустил на другой край койки. — Ты сильно пострадала, Фелисити. Практически умерла.

Никогда снова не поступай так глупо и не кидайся под нож убийцы. Ясно?

Фил перевела взгляд с упрямого Спара на остальных. За ним стоял Кес, обняв рукой Эллу и кивая в знак солидарности.

Элла закатила глаза и ткнула локтем в рёбра Кесу, а Уинн выгнула брови и поджала губы, явно стараясь сдержать смех.

— Да, я думаю, нам всем ясно, — протянула Фил, решив обратить внимание на юмор в очевидной озабоченности огромного воина.

Либо так, либо она ему врежет капельницей по голове за то, что ведёт себя как идиот.

— Но, так как я больше за всю свою жизнь, не планирую быть похищенной, тяжело не сдержать это обещание.

— Хорошо. — Выражение лица Спара смягчилось, и он легко поцеловал её в лоб. — Ловлю тебя на слове, человек.

— К слову об убийцах, что случилось с ночными? — спросила она. — Ну, помимо кардинала.

— Кардинал? — Спар нахмурился. — Ты имеешь в виду Иерофанта?

Фил покачала головой, затем поморщилась и вновь легла, не шевелясь.

— Нет, он не Иерофант. Я думала, что это он, потому что видела его в видении, но ошиблась. Он сказал, что Иерофанта нет в Монреале, а он вроде, как советник Иерофанта, словно кардинал папы Римского. Вот почему я назвала его так.

Спар и Кес обменялись взглядами.

— Это плохо, — проворчал Кес. — Мы надеялись, что он мёртв, и Общество ослабело, но раз он просто член высшего сословия жрецов, его смерть мало что меняет. Местная ячейка ослабнет, но планы Общества продолжат идти своим чередом.

У Фил сжалось сердце.

— И чего же мы достигли? Иерофант всё ещё жив, а прежде, чем свалиться без чувств, я слышала, как Уинн сказала, что не демон убил Рикки и кардинала, так что мы ничего не достигли.

— Не правда, — воспротивился Спар, обхватив её за подбородок и заставляя смотреть себе в глаза. — Может, мы и не убили Иерофанта, но уничтожили одного из его советников и уничтожили внутренний круг Монреальской ячейки. Теперь, Общество не сможет начать

действовать, как минимум в этом городе. В парке больше не будут находить тела, потому что никто здесь больше не умрёт от рук ночных. А это уже что-то

— Но демон ещё там. И мы не можем затолкать его в тюрьму, из которой он выполз.

— Если демона здесь не было, то и затолкать мы бы его не смогли, — пояснил Спар. —

Похоже, что Отступник черпал силу из этой ячейки, но сам находится куда дальше. Он скрыт и охраняется ночными. Поэтому, мы не сможем впихнуть его обратно, но ещё это означает, что сил напасть на нас у него ещё нет. Поверь, в противном случае он напал бы на нас на острове и уничтожил. С такой концентрацией магии, как там, он не смог бы устоять. Значит, у нас есть время.

Кес кивнул.

— Время на то, чтобы найти оставшихся братьев и собрать все имеющиеся силы.

Элла с сочувствием посмотрела на Уинн.

— Боюсь, пока никаких зацепок в деле твоего брата, но я обещаю, что продолжу искать.

Уинн слабо улыбнулась.

— Знаю, Элла. Спасибо.

— И на этой позитивной ноте, до меня дошла информация о статуе, которая выглядит весьма знакомо. — Кес и Спар с надеждой посмотрела на Эллу. А она продолжила улыбаться Уинн. — Сможешь проверить её?

Ведьма казалась удивленной.

— Почему я?

— Птичка на хвостике принесла информацию, что ты родом из Чикаго, — пояснила Элла. — Тебе не кажется, что сейчас самое подходящее время съездить домой?

— Думаешь, Страж в Чикаго?

— Я думаю, что именно это ты должна выяснить.

* * *

Фил наслаждалась встречей со всеми, особенно всеми здоровыми, но она не возражала, когда вернулась Джейми и всех выгнала.

Они составили план:

— Уинн должна закончить все дела в университете и улететь в Чикаго;

— Кес и Элла вернутся в Ванкувер, чтобы продолжить искать Хранителей;

— Фил нужно время наедине со Спаром.

Она хотела ещё немного побыть с ним.

Сказать, что же на самом деле было у неё на сердце.

Она дождалась, когда он закроет дверь за посетителями, и улыбнулась, когда Спар обернулся. Но вместо того, чтобы сесть с краю кровати, он пододвинул стул и сел на него, взяв Фил за руку.

Она сжала его пальцы и попыталась сглотнуть ком в горле. Ей столько нужно ему сказать.

Например, что её сердце принадлежит ему, и неважно, сколько у них есть времени побыть вместе, как неважно и то, что он однажды её покинет.

Фил нужно было, чтобы он знал, что она устала страшиться жизни без него. А просто хотела наслаждаться каждым моментом, которые у них есть, и сохранить воспоминания,

которые будет лелеять, когда он уйдёт.

Но не могла произнести ни слова. Лишь прошептала сквозь слёзы:

— Я тебя люблю.

— И я тебя люблю, — проговорил он, — милый человечек. И буду любить до конца времен. Почему ты плачешь? Разве ты несчастна?

— Нет, конечно, — она шмыгнула носом. — Я в полном восторге, но и несчастна тоже, ведь однажды ты уйдёшь, и моё сердце разобьётся на триллион осколков, которые никогда не склеить вместе.

Уже чувствуя, как оно трескается, Фил уткнулась в подушку и заплакала.

— Фелисити. Фелисити, милая, успокойся. Не надо.

Она почувствовала, как он обнял её, приподнял и сел на кушетку, чтобы усадить Фил себе на колени. Она вцепилась в него, как котенок, вонзив ногти в кожу и крепко стиснув.

Её слёзы намочили его футболку, отчего светло-серый цвет стал тёмным. Спар нежно прижимал её к себе и положил щеку ей на макушку.

Он говорил какие-то несущественные слова, но тихо и ласково, продолжая гладить её по спине, пока она лежала избитая и уставшая, но спокойная на его руках.

— А теперь, — проговорил он, подавшись назад, чтобы посмотреть прямо в её опухшие, красные глаза. — Откуда такое нелепое убеждение, что я когда-нибудь от тебя уйду? Фелисити, я заявил, что ты моя пара. Ты моя, и весь остаток наших жизней, я буду с тобой.

Фил вновь захотела расплакаться, но она прикусила щеку изнутри, чтобы сдержать слёзы.

— Спар, ты не хуже меня знаешь, что это невозможно, — проговорила она сквозь ком в горле. — Ты бессмертный, а я нет. И когда-нибудь, ты одержишь победу в этом сражении и уснешь, пока тебя вновь не призовут. Я люблю тебя и буду любить, даже если ты уснёшь, но я состарюсь и умру.

— Как и я, моя дорогая пара. Я не усну вновь, особенно учитывая, что нашёл свою любовь. Как и самые первые из нашего рода, я останусь с тобой вместе стариться, и мы вместе покинем этот мир.

Надежда заставила Фил поднять голову, но от путаницы она ею помотала, из-за чего, естественно, по ней разлилась боль, заставляя корчиться. Но Фил была слишком упряма, чтобы отвлечься на это от загадочных слов Спара.

— О чём ты, Спар? Откуда выбор спать или нет? Я думала, что Стражи могут проснуться только из-за вызова и должны вернуться в дрему, как только угроза миновала. Ради Бога, ты мне это объяснил! Ну, ты и Элла.

— А Элла рассказала тебе историю про первых Стражей?

— Какую. На. Фиг. Историю? — проскрежетала она сквозь стиснутые зубы.

— Ах, ну тогда, это может всё прояснить.

Прижав Фил к себе и баюкая, Спар поведал ей рассказ.

О первых Стражах, о том, как их каменные сердца ожесточились, как они перестали заботиться о людях, которых их призвали защищать, и о том, как после многих сражений апатия заставила их игнорировать призывы Хранителей.

Рассказ о том, как Мрак угрожал погубить мир, пока одна сильная женщина не встала на колени у Стражей и не помолилась Свету, чтобы он вернул защитников человечеству.

О том, как Страж скинул каменный облик и заявил, что женщина — его пара. И то же самое произошло с девятью остальными Стражами, которые нашли себе пары среди

людских женщин.

Затем, когда нижняя челюсть Фил практически лежала на её коленях, Спар рассказал, что, когда Стражи одержали победу, отказались вернуться в дрёму и расстаться со своими парами.

Рассказал, как Академия вынуждена была освободить их от службы и призвать новых Стражей.

— С тех времен любого Стража, который найдёт себе истинную пару и заявит о ней, магия освобождала от необходимости служить ей и даровала смертную жизнь, которую он проживал с возлюбленной.

Фил слышала его, но не могла поверить. Она столько времени твердила себе, что не могла его любить, боялась боли из-за его ухода, а теперь он заявил, что останется с ней? Что они проживут вместе остаток жизни?

— Ты серьёзно? — спросила она, её голос дрожал так же сильно, как и руки. — Ты, правда, можешь остаться со мной? Мы можем быть вместе, как нормальные люди, и прожить вместе жизнь? Никакой идиотской дрёмы и каменных спальных мешков?

Спар хмыкнул и поцеловал её ладонь.

— Серьёзно. Ты — моя пара, Фелисити, и даже сила Света должна преклониться перед силой любви.

Она почувствовала, что начала улыбаться, а сердце гулко забилося в груди.

— Ты меня любишь, — выдохнула она, желая рассмеяться от чистого, всепоглощающего счастья.

— А ты меня, — ответил он, широко и ярко улыбаясь с обещаниями о лучшем будущем. Общем будущем.

— Да, — согласилась Фил и рассмеялась, легким, чистым и игривым смехом, похожим на пузырьки газировки.

Хотя её взгляд... ну он был немного пошлым.

— Хочешь, чтобы я показала, как сильно люблю?

Спар улыбнулся, продемонстрировав клык.

— Да, малыш, но я хочу, чтобы ты ещё немного поправилась. Так что, как только выздоровеешь, можешь очень...

Он страстно её поцеловал.

— ...старательно...

Ещё один поцелуй, от которого она поджала пальчики ног.

— ...показать.

От очередного поцелуя она начала задыхаться, и у неё закружилась голова сильнее, чем после сотрясения. Лишь из-за боли, пронзившая её через счастливую завесу посредничества, когда Фил обнял Спара, она начала здраво мыслить.

— Ладно, — согласилась она, наблюдая, как он прищуривается, видя её явную боль и дискомфорт.

— Но раз мне придётся подождать, ожидаю, что ты проявишь креативность и различными способами покажешь мне, как ты меня любишь.

Улыбнувшись, Спар встал и уложил Фил на кушетку.

— Ох, любимая, — протянул он, поставив руки по бокам от её головы. Спар смотрел на неё глазами полными любви и страсти. — Я существую уже более тысячи лет. У меня столько способов, что ты и представить не можешь.

— Хм, не могу дождаться

Он нежно её поцеловал, задержавшись на её губах, прежде чем нежно и многообещающе прижаться своими к её щеке.

— Терпение, любовь моя, — прошептал он. — У нас вся жизнь, чтобы их изучить.

— Вся жизнь, — вторила Фил, радостно вздохнув. — Пойдёт. Для начала.

Конец книги!!!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Буквально тот, кто разъясняет священные понятия

гастролирующая танцевальная группа, известная своим мужским стриптизом

Пора мотать отсюда

разиня

официальная правительственная газета

традиционный швейцарский сыр

(лит.) — дерьмо

(фр.) — извините

Ливингстон, от английского словосочетания Living stone, переводится как оживший камень

Канадская королевская конная полиция

магический ритуальный нож

Манитоба — канадская провинция, расположенная в центре страны в регионе Канадские Прерии

«Ангелы Ада» (англ. Hells Angels) — один из крупнейших в мире мотоклубов, имеющий свои филиалы (так называемые «чаптеры») по всему миру. Правоохранительные органы ряда стран называют клуб «бандой мотоциклистов» и обвиняют в торговле наркотиками, рэжете, торговле краденым, насилии, убийствах и т. д.

Rock Machine MC — образован в середине 80-ых в Монреале (Канада). Клуб поддерживает расистские взгляды и не принимает в свои члены «цветных», нося элементы White Supremacist на нашивках, в частности горизонтальный ромб с немецким орлом

Зодиак (англ. Zodiac) — серийный убийца, действовавший в Северной Калифорнии и Сан-Франциско (США) в конце 1960-х годов. Личность преступника до сих пор не установлена. Зодиак совершал убийства в период с декабря 1968 по октябрь 1969 года. Согласно заявлениям самого Зодиака, число его жертв достигает 37, однако следователи уверены только в семи случаях. Нападениям подверглись четверо мужчин и три женщины в возрасте от 16 до 39 лет. Пятеро погибли, двоим удалось выжить. Дело остается открытым в городе Вальехо, округах Напа и Солано. В Калифорнийском Министерстве юстиции дело Зодиака остаётся открытым с 1969 года и по сей день

Парк Мон-Руаяль — городской парк в Монреале. Парк расположен в центре города на склонах одноименной горы и это, пожалуй, одно из любимых мест отдыха, как жителей Монреаля, так и его гостей

Современный стальной крест высотой 31,4 метра и весом 26 тонн был установлен в 1924 году по инициативе Общества святого Иоанна Крестителя, которое провело акцию в Квебеке, собрав для возведения креста денежные средства. С 1924 года крест принадлежит городским властям

Фредерик Ло Олмстед(англ. Frederick Law Olmsted; 26 апреля 1822, Хартфорд Коннектикут — 28 августа 1903, Бельмонт, Массачусетс) — американский архитектор, ландшафтный дизайнер и журналист

Университет Макгилл (англ. McGill University) — государственный исследовательский университет, расположенный в городе Монреаль, провинция Квебек. Это старейший и известнейший университет Канады, входящий в список сильнейших университетов мира.

«Магазинчик ужасов», «Лавка ужасов», «Маленький магазинчик ужасов» — музыкальный кинофильм, комедия ужасов. Экранизация мюзикла, созданного по одноимённому фильму 1960 года. Однажды, прогуливаясь по цветочному рынку, молодой сотрудник цветочного магазина Сеймур Крелборн находит необычное растение; он приносит его в магазин, где ставит над ним ботанические опыты. По стечению обстоятельств это растение привлекает своей экзотичностью публику и вскоре Сеймур становится известным всему городу.

Франкофоны — в широком смысле — франкоязычное население планеты, то есть, население таких стран как Франция, Бельгия, Швейцария, Конго и многих других, входящих в так называемую Франкофонию, являющуюся результатом 4-вековой французской колонизации

«Суперпёс» — американская детская фантастическая комедия. Фильм снят по мотивам одноимённого мультсериала, транслировавшегося с 1964 по 1973 год